

**Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований (ИЭСФАН)
Международный фонд югославянских исследований
и сотрудничества "Славянская летопись"**

СЛАВЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ

XIX — XX вв.

Москва 1994

Редколлегия:

М.П.Аксенова, А.Н.Горяинов, М.Ю.Досталь (отв.редактор)

ISBN 5 900698 17 3

© Институт славяноведения
и Балканистики РАН,
1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство статей сборника подготовлено на основе докладов, сделанных участниками конференции "Славянские съезды XIX—XX веков", которая состоялась в Институте славяноведения и балканистики РАН 1 июня 1993 г. в рамках ежегодных "Дней славянской письменности и культуры".

Славянские съезды были неординарным явлением в общественно-политическом движении XIX—XX вв. Их организаторов вдохновляли идеи славянской взаимности, основывавшиеся на этническом, языковом и культурном родстве этих народов.

Мощным фактором, способствовавшим воплощению идеи славянской взаимности в конкретные формы единения различных славянских народов, было движение за единство Германии после наполеоновских войн. Немалую роль играла часто наивная, но искренняя вера в могущество и заступничество во России.

Славянские съезды середины XIX в. одухотворялись идеями романтизма.

Идею славянской взаимности поддерживали лишь небольшие группы славянской интеллигенции, социальная же база съездов была еще уже. Решения этих форумов не оказали на политические события заметного воздействия, хотя оставили определенный след в общественной мысли славянских стран.

Естественное стремление родственных народов к сближению выливалось на съездах в расплывчатые призывы к разным формам единения. При этом миф о славянском единстве на разных славянских форумах в связи с теми или иными внутренними и внешнеполитическими обстоятельствами получал дополнительные импульсы и приобретал новое звучание.

Собирая представителей различных идейно-политических течений, объединенных лишь по этнокультурному признаку, славянские съезды были обречены на разногласия и невозможность выработки единых позиций.

Тем не менее они имели положительное значение, способствуя духовной консолидации славянства, распространению

ни иници славянской взаимности и подъему национального самосознания у славянских народов, помогая выработке стратегии и тактики их борьбы за национальное освобождение и независимость.

В ряде статей сборника авторы пытаются на новых архивных документах и материалах периодики показать идеологическую подоплеку противоречий между отдельными национальными движениями славянских народов прошлого и нынешнего веков, что нашло отражение в дискуссиях на славянских форумах. В то время как в предшествующей историографии с большей или меньшей глубиной анализировался каждый славянский съезд в отдельности (см. работы Д.Рапанта, И.И.Удальцова, Н.А.Попова, К.Казбунды, М.Прелога, М.Шестака, Г.Германа, З.С.Ненашевой и др.), в данном сборнике впервые представлена довольно полная картина всех славянских съездов: 1848 г. в Праге (статьи О.А.Хоревой, Г.В.Рокиной, В.А.Дьякова, Е.П.Аксеновой), 1867 г. в Москве (статьи Е.А.Аксеновой, Л.П.Лаптевой, О.Н.Хохловой), 1868 г. в Праге (реферат Т.Д.Харценовой), 1908 г. в Праге и 1910 г. в Софии (статьи З.С.Ненашевой, С.М.Фалькович), 1946 г. в Белграде (статья М.Ю.Посталь). Авторы рассматривают съезды в контексте развития славянской идеологии в целом (Л.П.Лаптева, З.С.Ненашева и др.) и в отдельных славянских землях (Г.В.Рокина, В.А.Дьяков, Л.П.Лаптева, С.М.Фалькович и др.). Такой подход, по их мнению, позволяет лучше проследить процессы развития славянской идеологии в их совокупности у всех славян, понять степень утопичности некоторых национальных программ, причины успехов и неудач их практической реализации; показать сложное переплетение и несовместимость национально-политических устремлений отдельных славянских движений с исторически данным международным контекстом.

Проблемы национального возрождения, поднимавшиеся славянскими съездами, ныне получили актуальное звучание на современных "этноконгрессах", являющихся отражением национальных движений, возникших в результате распада тоталитарных государств Восточной Европы.

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ И СЛАВЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ
XIX в.

Прежде чем говорить об идее славянской взаимности, необходимо хотя бы в общих чертах определять сущность этой концепции. Она предполагает возможность объединения всех славян на основе: родства языков, происходящих из общего корня; близости отдельных элементов быта, нравов и обычаев в древности; родственности фольклора и народной культуры, а также схожести некоторых черт литературы в раннехристианский период.

Эта основа дополнялась и расширялась в разные исторические периоды и у разных славянских народов в зависимости от исторических условий их существования.

Формирование идеи славянской взаимности относится к концу XVIII — началу XIX в., хотя о родстве славянских языков некоторые образованные славяне знали и раньше, а в XVII в. хорват Юрий Крижанич изобрел даже общеславянский язык, разработав его грамматику и лексический состав; он выступал за объединение всех славян. Распространение идеи славянского единения шло параллельно с зарождением науки о славянах, т.е. с превращением знаний о них в такой комплекс знаний, на основании которого можно делать обобщения. Главную роль в этом процессе сыграло открытие сравнительно исторического метода в языкознании, давшего, в частности, возможность научно доказать родство славянских языков и их происхождение из общего корня.

Другие факторы, способствовавшие формированию идеи славянской взаимности, связаны с процессом перехода феодальных обществ некоторых славянских народов в общества капиталистические с иным способом мышления и уровнем самосознания.

Формированию идеи славянской взаимности способствовали и международные политические события в Европе конца XVIII — начала XIX в. — Французская буржуазная революция.

провозгласившая Свободу, Равенство и Братство не только для отдельной личности, но и для целых народов, а также постепенная трансформация этих идей, когда провозглашенная свобода навязывалась силой оружия, завоевательной политикой Наполеона Бонапарта. Все внероссийские славяне в это время испытывали национальный гнет — австрийский, турецкий, итальянский. Борьба коалиции европейских государств против Франции показала европейским народам, что свобода, полученная из чужих рук, не может быть полной, что она не может быть бескорыстным даром. В сознании мыслящих людей зреет идея национальной свободы. После разгрома Наполеона начинается движение за объединение Германии, оказавшее достаточно сильное влияние и на развитие идеи объединения славян.

Кроме того, для европейской политики конца XVIII и первого десятилетия XIX в. характерно возвышение России. В 1799 г. русские войска под командованием А.В.Суворова в Итальянском походе дважды прошли через славянские земли. Во время кампании против Франции 1804-1807 гг. русские войска также вели военные действия на территории славянских земель Австрии, а в 1813 г. борьба с Наполеоном вновь привела русскую армию в Европу. Эти факторы весьма способствовали развитию славянского самосознания. Непосредственное знакомство с российским военным и политическим могуществом, близкое соприкосновение с русскими людьми вселяли в славян надежду, что эта единственная свободная и в то же время могучая славянская держава может способствовать их национальному освобождению, как она способствовала освобождению Европы от французского господства. Так что вера в Россию как потенциального освободителя славян от турецкого, австрийского и иного ига в первое десятилетие XIX в. явилась составной частью сформировавшейся теории славянской взаимности.

Наконец, важнейшим фактором формирования славянской идеи была культурная и умственная атмосфера Европы в рассматриваемый период, расцвет романтизма. При низком уров-

не знаний о славянах романтизм давал возможность идеализовать их прошлое, простоту и нравственность, народную культуру и т.д.

Идеологической основой укрепления самосознания славян были оценки, высказанные в философском труде немецкого ученого И.Г.Гердера "Идеи философии истории человечества" (1784-1791). Рассматривая среди других и славянские народы, Гердер отмечал как главные черты их национального характера трудолюбие, добродушие, гостеприимство, во взаимоотношениях славянских племен с соседями подчеркивал миролюбие, а также стремление к оседлой созидательной жизни. Указав на угнетение и уничтожение славян германскими племенами (франками, саксами), Гердер предсказывал славянским народам освобождение от гнета и независимое будущее. Глава о славянах в книге Гердера нашла широкий отклик среди деятелей славянского возрождения XIX в. Ее перепечатывали в славянских журналах, переводили на национальные языки. Славянские ученые использовали рассуждения Гердера - авторитетного представителя образованного европейского общества для подкрепления претензий славян на национально-культурное признание и переосмысление их всемирно-исторической роли. Между тем построения Гердера были чисто теоретическими. Философ не располагал достоверными знаниями о славянах. Ему были неизвестны, например, византийские и средневековые источники о них, где современники событий указывают на воинственность, жестокость и низкую культуру славян в период завоевания ими византийской территории, т.е. рисуют их совсем не такими же, какими были германцы во время завоевания ими Западно-Римской империи. Но именно ввиду распространения в Европе конца XVIII в. романтического взгляда на славян, оценка их Гердером была очень популярна и явилась мощным стимулом изучения всех сторон бытия славян в большинстве славянских стран.

Первым славянским деятелем, более или менее четко сформулировавшим теорию славянской взаимности, был Ян Коллар. Словак по рождению, почти всю жизнь проживший в

Наште и лишь последние три года в Вене, Коллар в 1837 г. издал трактат "О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа", в котором призывал славян к единению. Современные славяне - "великаны в географиях и на картах, но карлики в искусстве и литературе", - говорил Коллар. Причиной этого печального факта Коллар считал раздробленность и недостаточное единство славян; он полагал, что для реализации своих национальных требований славяне должны соединиться в "литературную взаимность". По мнению Коллара, им следовало бы овладеть хотя бы четырьмя главными славянскими наречиями - русским, польским, чешским и сербо-хорватским, чтобы читать литературу на этих языках, а также свободно объясняться друг с другом. Во всех главных славянских городах Коллар предлагал создать славянские книжные лавки, а также кафедры славянских языков в лицах и высших учебных заведениях. Славянам он рекомендовал обмениваться журналами, сотрудничать в области языковедения, особенно в терминологии, чтобы постепенно приблизиться к созданию единого славянского языка. Таким образом, Коллар был выразителем идеи "всеславяинства", а не национальных устремлений какого-либо отдельного славянского народа. Его теория литературной славянской взаимности не имела политического характера.

Выросшая на романтической почве, мечта об объединении всех славян на литературной основе была утопией. На практике она оказалась неосуществимой - овладеть четырьмя славянскими языками могли разве только специально занимавшиеся славянским языковедением лингвисты, да и то на более высоком уровне развития этой науки, чем в первой половине XIX в. Утопическую идею славянской литературной взаимности разделяли лишь немногочисленные энтузиасты, слависты и славянолюбцы, а не каждый образованный славянин, как предполагал Коллар. Примером равнодушия славянского общества к литературному единству служит история общеславянского журнала "Денница", издававшегося на русском и польском языках в Варшаве в 1842-1843 гг. Его издатель И.П.Дубров-

ский, русский славист, специалист по польскому языку и литературе энтузиаст славянской литературной взаимности, сумел привлечь для сотрудничества: "Деятели" многих славянских писателей, публиковал сведения о славянских литературах и языках, а также этнографические материалы, сообщал о литературных новинках, печатал образцы славянской поэзии. Славянская патриотическая интеллигенция приветствовала новый славянский журнал. Однако широкая читающая публика славянских стран не разделяла энтузиазма издателя и его единомышленников, и когда прекратились субсидии со стороны министерства народного просвещения России, журнал закрылся за отсутствием подписчиков. В России "Денница" не вызвала практически никакого интереса. "В Петербурге не оказалось ни одного подписчика", — писал Дубровский С.П. Шевреву 26 июля (7 августа) 1842 г.¹ Восьмой номер журнала за 1843 г. стал последним. "Я сделал все что мог, — писал Дубровский чешскому ученому В.Ганке, — но совершенно равнодушие нашей публики убило "Денницу". Польша подписывалась на 17 экз., а Россия — на 12. "Денница" существовала только при покровительстве некоторых лиц, но теперь несиак и этот источник. Напрасно я выбивался изо всех сил... и хотел как-нибудь поддержать угасающую жизнь всеобщего славянского журнала. Ничего нельзя было сделать"².

Судьба "Денницы" показала, что идея славянской взаимности разделялась лишь небольшой группой ученых и писателей, не проникая в сколько-нибудь широкие слои славянской интеллигенции за пределами России, не говоря уже о русской публике. Саматическая история журнала отрезвила и самого Дубровского. В письме к Ст.Вразу от 11 февраля 1844 г. русский ученый заметил: "Идея славянская к нам еще не привилась, да и Бог знает, когда привьется. Иногда решительно теряешь веру в тот наш славянский мир, который мы теперь создали в области литературной, и думаешь, что все это мечта, призрак, игрушка, что, наконец, идея о возрождении славянского духа есть только преднесколько литераторов, одержимых временною горячкой"³.

Литературное сотрудничество представляло собой первый вариант четко сформулированной идеи славянской взаимности. В 30-е годы XIX в. возникли и другие ее виды. Под влиянием экономических и социальных процессов, а также политических событий, в 30-40-е годы национальное самосознание славянских народов в своем развитии поднимается на более высокую ступень. В связи с польским восстанием 1830-1831 гг., когда в вооруженной борьбе столкнулись два славянских народа, исчезает русофильская окраска национального мировоззрения многих славянских патриотов. С ростом идей народного самоопределения и социального переустройства Россия переставала быть оплотом славянской веры и славянских надежд, ибо сильное государство, построенное на началах абсолютизма, на основах ярко выраженного социального неравенства, не могло импонировать тем, кто исповедовал идеи народоправства, народной свободы и общественной справедливости. В России стали усматривать угрозу для национальной и культурной независимости малых славянских народов.

В общественно-политической мысли славян, особенно чехов, появляется критическое отношение к России. Зарождается новая концепция славянского объединения, в которой основное внимание обращено уже не на всеславянство, а на отдельные славянские народы. Главным творцом этой концепции стал публицист и литератор, чех Карел Гавличек. Как убежденный сторонник всеславянства и русофил, он в 1843 г. отправился в Россию, где в течение двух лет изучал ее политическую, социальную и религиозную историю. Гавличек убедился, что Россия в первой половине XIX в. была государством, где народ угнетался значительно сильнее, чем в Австрии. В России существовало еще крепостничество, ликвидированное в Австрии более чем полстолетия назад. Русская буржуазия была значительно слабее буржуазия Центральной Европы. Народ России страдал под нестерпимым гнетом господствующего класса и находился в крайне тяжелом положении. Кроме того, Гавличек убедился в огромном и все-

стороннем влиянии православной церкви на народ, еще более сильном, чем то, которым обладала католическая церковь в Чехии. Поэтому тогдашняя Россия, по мнению Гавличка, не могла принести чешскому народу свободу и прогресс. Возможности улучшения жизни малых славянских народов в Центральной Европе он искал в рамках сильной Австрии.

Стала оформляться новая теория славянского объединения - австрославизм. Она пропагандировалась на страницах издававшейся Гавличком газеты "Народни новины" и в 1848 г. стала актуальной и популярной. Австрославизм предполагал равноправие всех народов Австрии в ее рамках; при этом, поскольку славяне составляли больше половины населения монархии, последняя должна была превратиться в славянское государство, т.е. немцам предстояло бы стать национальным меньшинством в славянских частях Австрии. Поэтому они решительно выступили против австрославизма. Идея Гавличка была дополнена Ф.Палацким, который выразил свои взгляды в письме, направленном в общегерманский парламент во Франкфурте, обсуждавший вопрос об объединении Германии. При этом Палацкий говорил не о преимуществах одного народа над другим, а лишь о равноправии всех народов Австрии. В этом разница между точками зрения Гавличка и Палацкого. Вопрос о создании самостоятельных славянских государств австрославистами не ставился, они считали, что народы Центральной и Юго-Восточной Европы не смогли бы защитить свою самостоятельность. Чехам не под силу преодолеть превосходство немецкой армии, полякам - армии России, а хорваты едва ли устояли бы против мадьяр, турок и немцев. "В австрийском государстве мы все вместе, Австрийская монархия объединила большое число народов, и мы должны держаться этого союза", - писал Гавличек 30 августа 1848 г. в своей газете⁴. Кроме славянских народов, в сохранении Австрии была, конечно же, заинтересована правящая династия - Габсбурги. В них Гавличек видел союзника. Поэтому буржуазно-либеральный политик Гавличек однозначно высказывался за монархический строй Австрии. Австрославизм стал

политической концепцией славянского объединения. Вскоре представился и случай проверить ее реальность на практике.

В 1848 г. начавшаяся в Европе буржуазная революция охватила, как известно, и австрийские земли, в том числе славянские — Чехию, Словакию, Хорватию и другие югославянские территории. В обстановке революционного движения и некоторых уступок славянам со стороны австрийского правительства среди славянских деятелей зародилась мысль о созыве представителей всех славян Австрии на съезд для обсуждения вопроса об их будущем. 30 апреля 1848 г. был создан подготовительный комитет из 12 человек, который принял такое решение и выступил со специальным воззванием. В нем говорилось, что в Европе идет процесс объединения некоторых народов. Особенно показателен пример немцев, создавших свое национальное собрание во Франкфурте, которое потребовало, чтобы все невенгерские земли Австрии были включены в единую Германию. Реализация этого проекта угрожала национальному существованию славянских народов, входивших в состав Австрии, поэтому созрела необходимость обсудить создавшуюся ситуацию, и именно с этой целью подготовительный комитет созывал представителей австрийских славянских народов на съезд в Прагу 31 мая 1848 г. (славяне других стран приглашались как гости)⁵. 30 мая в Прагу прибыли югославы, поляки, словаки, силезцы, мораване, чехи, а также поляки из неавстрийской части Польши (особенно из Познани) и двое русских — М.А. Бакунин и А.Милорадов. Всего в работе съезда участвовало 340 человек. В первые два дня проводилась организационная работа, съехавшиеся представители отдельных славянских народов были разделены на секции: чешско-словацкую, польско-русинскую, югославянскую. Руководителем съезда стал Большой комитет, старостой был избран Ф.Палацкий, его заместителями словенец Ст.Враз и поляк Е.Любомирски. Каждая секция имела своего председателя. Программа съезда состояла из четырех пунктов: 1) о значении славян в Австрийской империи и их взаимных отношениях; 2) об отношении славянских народов к остальным народам Австрий-

ской империи; 3) о современных отношениях австрийских славян к остальным славянам; 4) об отношении австрийских славян к европейским неславянским народам.

Каждый пункт подробно расшифровывался. Так, по первому пункту констатировалось, что Австрия охвачена внутренней войной, приведшей к отделению Ломбардско-Венецианского королевства; что между мадьярами и югославянами вспыхнула острая борьба, которая, вероятно, охватит всю Венгрию; что революционное движение в Вене заставило императора покинуть столицу. Из этой ситуации подготовительный комитет славянского съезда видел единственный выход превратить Австрию в союзное государство отдельных народов. Особо акцентировалось, что это должен быть союз свободных славянских народов Австрии.

Второй пункт подчеркивал, что в союзном государстве под австрийской императорской короной должна быть гарантирована независимость каждой славянской народности и ее полная внутренняя свобода.

В третьем пункте обращалось внимание на необходимость урегулирования польско-русских противоречий и освобождения славян от турецкого ига. Выражалась также надежда, что саксонское правительство сохранит лужицких сербов, а Пруссия откажется от систематической германизации славян в Силезии, Лужице и Восточной Пруссии.

Четвертый пункт программы съезда решительно возражал против включения славянских народов в состав Германии, а в заключение провозглашалось: "Никогда мы не признаем господства Германии над нами!". Кроме того, рекомендовалось поддерживать литературную взаимность между славянскими народами - изучение славянских языков в высших школах, проведение ежегодных симпозиумов славянских ученых.

Торжественное открытие славянского съезда произошло 2 июня 1848 г. Спустя два дня, в работе секций проявились существенные разногласия. В польско-русинской секции поляки выразили несогласие с австрославянской программой, которая не учитывала их пожеланий о восстановлении разне-

ленной в это время между тремя державами Польшей. Эта секция даже не обсуждала первые два вопроса, а требовала изменения программы съезда. В чехо-словацкой секции также выявились серьезные разногласия. Представитель словаков Людовит Штур резко выступил против тезиса о сохранении Австрии. Он предложил обсуждать вопрос не о сохранении Австрии и не о создании австрийской славянской империи, а об объединении самостоятельных славянских государств. Возникшие разногласия удалось погасить предложением новой программы съезда. Результатом дальнейшей его работы стало издание обращения к европейским народам, окончательный текст которого составил Палацкий. В нем провозглашалось требование свободы не только для славянских народов, но и для каждого человека; подчеркивалось, что славяне отвергают всякие привилегии и всякое неравенство в обществе, его политическое разделение. Требовалось установление равенства всех перед законом с одинаковой мерой прав и обязанностей. Девизом славян объявлялись свобода, равенство и братство. В другой части обращения констатировалось, что австрийские славяне подали императору Австрии проект преобразования монархии в конституционное союзное государство равноправных народов. В третьей части обращения съезд высказывался против угнетения славянских народов вне империи.

Текст обращения был принят съездом 12 июня 1848 г., но не имел большого отклика как ввиду неконкретности содержания, так и потому, что именно 12 июня в Праге вспыхнуло восстание, означавшее конец съезда. Всем его участникам, проживавшим вне Праги, было приказано покинуть столицу Чехии, некоторые подверглись аресту и допросам. После расследования арестованные были отпущены, так как выяснилось, что июньское восстание не имело связи с либеральными деятелями, заседавшими на съезде⁶.

Таким образом, идея политического объединения славян на базе австрославизма оказалась неосуществимой, что объясняется не столько сложившейся обстановкой, сколько утопичес-

кой сущностью самой идеи. Прав был М.А.Бакунин, сказавший на съезде, что австрийское правительство никогда не пойдет на уступки и не выполнит своих обещаний, если не будет к этому принуждено силой.

Третья разновидность концепции славянской взаимности возникла и оформилась в России в 40-х годах XIX в. Эта философская и историческая доктрина носила название славянофильства. Она представляла собой типично русское явление, хотя и имела общие черты с западными идеями славянского объединения. Создателями этого философского учения были высокообразованные люди, лучшие умы России первой половины XIX в. — К.С.Аксаков, И.В.Киреевский, Ю.Ф.Самарин, А.С.Хомяков и др. Но и они также исходили из романтических представлений о славянах, их прошлом, их общественном развитии и будущей судьбе. И они, подобно их западным современникам, сторонникам славянской идеи, были полны благородного стремления помочь прежде всего своему народу найти путь к лучшему его существованию, осуждали господство крепостного права в России и вытекшие из него негативные стороны общественного бытия, стремились к освобождению народа от рабства крепостничества.

Славянофильская философия, как и западная идея всеславяинства, исходила из гегельянского учения о том, что каждому народу априорно присуще некое "начало", раскрытие содержания которого и составляет его историю. В отношении славян славянофилы видели такую идею в православии, которое нередко отождествлялось ими с ранним христианством. Всю европейскую историю и культуру они делили на две самостоятельных "мира", один из которых именовался латинским, католическим, романо-германским, западным, а другой — восточным, греко-славянским, православным. Между обоими мирами ("стихиями") славянофилы видели глубокое, коренное различие. Характерными признаками западного мира были для них римско-католическая религия, латинская образованность, рационалистичность мысли и действия, стремление к насилию. Католицизм славянофилы считали "искажением" христианства, да и про-

тестантство казалось им естественным продолжением и развитием рассудочного начала и стремления к насилию. Проявление "западных начал" славянофилы видели и в государственной жизни романо-германского мира. В государственных переворотах и революциях Запада также усматривалось стремление к насилию.

"Восточный мир" представлялся славянофилам наследником и истинным хранителем раннего христианства, а православие — его истинно допустимой формой религии. Этика греко-православной стихии основывалась, по мнению славянофилов, не на мертвой логике и рассудочности, а на искренней и даже мястической вере, на пылком и бескорыстном чувстве. Ввиду присущей якобы славянам "кротости", отвращения их к насилию, и государственность славянских народов была, по мнению славянофилов, основана на свободных выборах. Отсутствием рационализма и "земных" побуждений объяснялись и отсутствие у славян сословий, и широкое развитие общественной собственности на землю, и сравнительно мирные отношения между светской и духовной властью. Каждый славянский народ отождествлялся с обширной общиной, в которой важные вопросы решались демократическим путем.

Как видим, эта философская доктрина была и романтичной, и утопичной. Славянофилы идеализировали славян и их общественный строй, пропагандировали такой вариант православной церкви, который в реальности никогда не существовал. Сами классики славянофильства обращали внимание главным образом на русский народ. Никто из родоначальников славянофильства не занимался научным исследованием зарубежных славян, не испытывал особого интереса к их современному положению. Но славянофильская доктрина проявилась в трудах их младших современников — историков славянства. Она была применена, например, при изучении гуситского движения в Чехии XV в., которое оценивалось как стремление чехов к "восстановлению" православия, являвшегося, по мнению славянофильских историков, единой религией всех славян и хотя бы подспудно сохранявшегося в любом славянском народе, даже если ему была

"навязана" иная форма христианства. В большом ряду трудов на эту тему выделяется обширная монография Е.П.Новикова "Гус и Лютер" (1859), представлявшая собой типичный пример наложения славянофильских философских воззрений на конкретную историческую эпоху развития западных славян. Интересно, что, написав свой главный труд, Новиков отошел затем от научной деятельности и изменял славянофильским воззрениям. Долгая служба на различных дипломатических постах в Австрии и Турции и наблюдение за жизнью славян привели его к разочарованию как в славянофильских идеалах, так и в идее славянской взаимности. По свидетельству современников, ему принадлежат следующие слова: "Я немало времени положил на изучение истории междуславянских брожений ... Суть ее на Балканском полуострове состояла в том, что болгары нападали на сербов, уводили в плен 15 тысяч человек и всем им выкалывали глаза; потом сербы совершали такой же набег на болгар, брали в плен столько же и также лишали всех зрения ... А русско-польская борьба?"⁷

Одним из крупнейших ученых славянофильской школы был А.Ф.Гильфердинг; он не только пропагандировал славянофильское учение, но и стремился реально воплотить в жизнь славянофильские идеалы. Гильфердинг систематически выступал в печати за объединение всего славянства; славянское самосознание было для него частью самосознания великорусского. Гильфердинг занимался изучением западных и южных славян. Его сочинения о последних настолько богаты фактическим материалом, что не утратили ценности и до настоящего времени. Он был также одним из выразителей славянофильского подхода к польско-русским отношениям.

Из славянофильской доктрины о принадлежности всех славян к единой стихии, о связи их с единой религией постепенно развилось в России много концепций и теорий объединения славян - как литературного, так и политического характера. В публицистических сочинениях высказывались мнения о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы). В их работах обосновывалась необходи-

мость принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский. На славянофильской философской основе развивались также разнообразные проекты политического объединения славян, включая и те, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона. Однако основоположники славянофильской философской доктрины к этим теориям уже не имели никакого отношения, большинство этих идеалистов-романтиков ко времени развития общественно-политической жизни в России уже закончило свой жизненный путь.

К середине 60-х годов в русском обществе идея славянской взаимности приобрела иной характер. Польское восстание 1863-1864 гг. резко политизировало содержание славянской идеи. В России усилились унификаторские тенденции. Русские теоретики стали развивать теорию всемирного величия России и абсолютного преобладания ее во всех вопросах межславянских отношений. Но такое понимание славянской идеи не было единственным. В России существовали еще и радикальные трактовки славянской взаимности, притом в нескольких вариантах. В общем славянская идея в течение 60-х годов использовалась различными политическими силами. В то же время у славян на Западе заметен отход от расчета на славянскую взаимность и переход к аргументации необходимости собственной национальной борьбы. Австрийские славяне боролись за реализацию программы федерализма и именно так понимали возможность славянского освобождения. В 1867 г. было решено выяснить отношения в этом вопросе и предпринять попытку практического осуществления идеи всеславяинства. Для этого интересовавшиеся славянством круги России в 1867 г. организовали славянскую этнографическую выставку и пригласили на нее гостей из славянских земель. Приехали 81 человек среди них - ведущие политики, депутаты австрийского парламента, ученые. Самой представительной была чешская делегация - 27 человек. Именно чехам в это время принадлежала ведущая роль в борьбе за федерализм, которую они на данном этапе проиграли, ибо как из в

1867 г. был решен вопрос о создании дуалистической Австро-Венгрии. Чешские политики, чтобы смягчить деморализующее воздействие победы дуалистической программы, решили продемонстрировать Вене свой протест и перешли на позиции русофильства.

Пребывание представителей зарубежных славян в России с 8(20) мая по 3(15) июня 1867 г. обычно именуется "съездом", и мы сохраняем это наименование, подчеркивая однако, что в данном случае речь не идет о "съезде" в современном нам понимании этого слова. В Петербурге и Москве был проведен ряд торжественных заседаний (например в Московском университете, в собраниях художественных и научных обществ), приемов (например, у царя Александра II, у министра народного просвещения, министра внутренних дел) и т.п. В честь гостей были даны многочисленные банкеты и организованы празднества, а также частные встречи. На всех этих мероприятиях происходил обмен речами, в которых высказывались разные точки зрения на славянское сотрудничество. Общей программы съезда у приглашающей стороны не было, так как не существовало единого взгляда на славянский вопрос, а имелись лишь разрозненные идеи. Но все же наиболее активными с русской стороны были сторонники гегемонии России в славянском мире - В.И.Ламанский, М.П.Погодин, И.С.Аксаков и др. Однако уже по вопросу об отношении к Польше проявились непримиримые противоречия между хозяевами и гостями. Если, например, Погодин доказывал правильность русской политики в Царстве Польском, то руководитель чешской делегации Ф.Ригер призвал Россию признать суверенность Царства. На празднике в Сокольниках И.С.Аксаков резко выступил против позиции Ригера и открыто провозгласил централизацию основой славянского общения. Не говоря открыто о славянском политическом объединении, Аксаков призывал славян к объединению нравственному на основе общеславянского языка и единого вероисповедания. Позицию Ригера Аксаков расценил как проявление славянского сепаратизма. Однако эту позицию поддержали и другие славяне, также защищавшие идею нацио-

нальной индивидуальности. Если русские славянские деятели исключали самостоятельность славянских народов, то зарубежные славянские политики подчиняли русофильскую ориентацию исключительно национальным целям. Таким образом, славянский съезд 1867 г. еще раз продемонстрировал неосуществимость идеи славянской взаимности и завершился неудачей, не принеся ожидаемого результата. Противоположные подходы к пониманию славянской взаимности показали утопичность и политической ее модели для славянских движений.

Бегло рассмотрев историю развития идеи славянской взаимности в первой половине и в 60-е годы XIX в., можно констатировать, что эта идея была в целом нереальной, хотя отдельные ее элементы, например, проекты культурного сотрудничества, могли быть осуществлены. Нереальной оказалась она и позднее, оставаясь таковой вплоть до настоящего времени. Видимо, славянские народы должны еще пройти большой путь эмансипации, чтобы выработать убеждение в необходимости признавать право каждого народа на самостоятельное решение своей судьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ОР ГПБ. Ф.850. Д.237. Далее - цитаты из писем к С.П.Шевыреву из того же дела.

2. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Изд. В.Францев. Варшава, 1905. С.314. Подробнее см.: Д а п т е в а Л. П. Русский славист П.П.Дубровский (1812-1882) // Сов. славяноведение. М., 1991. № 6; L a p t o v a L.P. Všeolovanský časopis "Dennica" (1842-1843) a přínos lužických Srbů // Časopis Národního Muzea v Praze: Rada historická. Praha, 1987. Č. 1-2; I d e m. Huský slavista 19. století. P.P.Dubrovskij // Studie k dějinám a kultuře východních Slovanů. Pr., 1990. D. 19.

3. Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. С.280.

4. К л í м а А. Revoluce 1848 v českých zemích. Pr., 1979. : 37-41.

5. Ibid. S. 41 43.

6. Š t a í f J. Revoluční léta 1848-1849 a české země. Pr., 1990. S. 60-68.

7. Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1903. № 2. С.63-64. См. также: Д а п т е в а Л. П. Русская историография русского движения (40-е годы XIX в. - 1917 г.). М., 1978. С.33-36.

СЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД 1848 г. В ПРАГЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Июньский Славянский съезд 1848 г. – первый в мировой истории съезд народов, политическое совещание представителей разных славянских национальностей, главным образом населявших Австрийскую империю. В течение десяти дней 340 участников съезда обсуждали проблемы национально-политического положения славянских народов в контексте революционной ситуации на континенте и возможности ее изменения.

Для изучения съезда за 150 лет столетиями историков сделано немало: подробно описаны и торжественный "фасад" – празднично оформленное открытие съезда с участием представителей местной администрации (многие участники были в национальных костюмах), и закулисная борьба различных течений (в результате которой была коренным образом изменена программа съезда), и драматически-суматошный разъезд (работа была прервана вследствие вспыхнувшего в столице Чехии восстания; делегатам пришлось срочно покинуть Прагу). Изучена и описана вся, так сказать, подноготная Славянского съезда 1848 г. Итог столетнего изучения съезда усилиями ученых многих стран подвел чешский историк В.Жачек в известном сборнике документов, изданном в Праге в 1958 г.¹ Тема съездов стала популярной у отечественных славистов, оказалась одной из любимых для курсовых и дипломных работ на кафедре истории южных и западных славян истфака МГУ.

Однако остается еще особо значимая в современных условиях научная задача: соотнесение пражского съезда 1848 г. с некоторыми этнополитическими процессами в Центральной и Восточной Европе, где уже произошли крупные территориальные изменения, нарушившие картину, которая сложилась в итоге второй мировой войны. В центре Европы нет уже единого государства Чехословакии, на Балканах распалась состоявшая из шести республик Югославия, на востоке, вместо Союза Совет-

ских Социалистических Республик появилось Содружество Независимых Государств (СНГ)... Похоже, что это очередной этнополитический взрыв из серии, начатой революцией 1848 г. и сотрясающий Европу с интервалами примерно в 60–80 лет.

Наряду с указанными дезинтеграционными явлениями "ритмы Евразии" включают и реинтеграционные процессы. Произошло объединение Германии. Обсуждается проект создания Карпатского еврорегиона, ставится вопрос об объединении ряда этносов, например, русин... Еще одно яркое проявление этих процессов – происходящие сейчас в разных частях Европы и Азии съезды народов, во многом напоминающие Славянский съезд 1848 г. В 1992–1993 гг. на территории бывшего СССР такие съезды состоялись у девяти этносов вне пределов России (включая белорусов, украинцев и др.) и у двух с лишним десятков народов Российской Федерации².

Славянский съезд 1848 г. – сложное международное событие, под которым справедливо понимаются не только заседания 2–12 июня, но и период возникновения замысла съезда и его организационной подготовки. Съезд был, по сути, блестящей импровизацией молодых славянских политических лидеров Центральной Европы, выделявшейся в цепи событий революции 1848 г. Со времен исследования Р.Маршана³ известно, что пражский съезд представляет собой контрмеру против выпадов Германского национального собрания. Следует обратить внимание на то, что форма экспромта была исторически хорошо подготовленной, даже глубоко выстраданной. Оттачивали ее очень многие конкретные события жизни 40-х годов – от книжного "явления" славянских литераторов европейскому миру в "Альбоме в честь Гутенберга" 1840 г.⁴ до визуально-чувственного воплощения славянской идеи на костюмированных славянских балах. Сохранился чудесный вещественный след такого воплощения – веер Ю. Завличковой для славянского бала 3 февраля 1848 г.: на каждой из 10 основных пластин веера были цветные изображения – наверху танцующей пары, олицетворяющей конкретный славянский народ и ниже – его национальный герб⁵.

И созыв Германского Национального собрания, и проведение Славянского съезда обозначали начало столкновения несопадающих национально-государственных интересов нескольких общественных сил. Конфликт воспринимался современниками во многом как мегаэтнический, как противостояние славян и германцев, чему способствовала атмосфера апрельских (1848 г.) манифестаций славянской общины в Вене. Приближение выборов во Франкфуртский парламент и смелые геополитические заявления немецких публицистов вызвали у славянских политиков не только прямой протест, но и поиски позитивного решения национально-политической проблемы. Возник зачисел созыва Славянского съезда. Приоритет в его обосновании принадлежит, как известно, хорватскому писателю И. Кукулевичу-Сакцинскому. За организацию же съезда взялись чешские политические деятели⁶.

На волне "славянского воодушевления" в Праге создается общественно-политическая организация Славянская Лига, а затем и другие этноорганизации, менее прочные и потому малоизвестные. К подготовке съезда подключаются газеты, журналы, листовки, брошюры, главным лейтмотивом которых была идея "славянской дружбы".

Необходимо обратить особое внимание на место, выбранное для проведения съезда. В середине XIX в. Прага, называемая в чешской культуре "матерью городов чешских", была полиэтничным мегаполисом. Ее население состояло из чехов и немцев; существовала также еврейская община. В социально-этнической структуре имелись определенные национальные акценты. "Верхи" состояли из немцев или, вернее, в основном из онемеченного чешского дворянства. Немецкий внешний вид города сильно расстраивал активистов чешского национально-государственного движения. Проведение Славянского съезда в Праге было одним из событий, изменивших образ столицы Богемии и в перспективе повлиявших на изменение его национального характера. У политических калькуляций буржуазных публицистов той поры была характерная цель — определение численности "своего" и "чужого" национальных лагерей⁷. Вначале идеологов

этих лагерей интересовало соотношение национальных сил в рамках существующего административного деления. На более позднем этапе весны 1848 г. со стороны публицистов "господствующей нации" – немцев – обнаружилось пренебрежение границами, стремление интерпретировать районы со смешанным в этническом отношении населением как – в государственно-историческом смысле – германские. Тогда публицисты тех славянских этносов, у которых была наиболее развита сфера культуры, дали отпор психологическому давлению. Материалы периодики и неперидических изданий наполнились романтическими заявлениями о конфронтации двух "вечных" врагов – славян и германцев – в Европе. Славянский съезд в этой обстановке должен был стать центральной акцией той большой национально-политической манифестации малых славянских этносов, которая называется "весной народов". Итак, внутренняя психологическая цель участников съезда – доказательство торжества "этнического принципа" и зрелости молодых политических сил.

Параллельно с этой схематично описанной "идеологической" подготовкой проводилась и большая организационная работа⁸. 30 апреля в Праге был образован Подготовительный комитет в составе Ф.Палацкого, В.Ганки, Ф.Л.Ригера, Ф.Заха. Он издал два обращения, одно – к австрийским славянам, другое – к неславянским народам Австрии. В разные концы страны отправились эмиссары-агитаторы (так, например, популярный чешский журналист К.Павличек-Боровский посетил Краков). Начала активно участвовать в подготовке съезда и этнополитическая организация Славянская Липа.

Обратим внимание на характер представительства на съезде. Конечно, в Праге не шла речь о действительном представительстве по типу съездов политических партий или заседаний законодательных органов, когда устанавливаются нормы выборов от определенного количества избирателей, а затем осуществляется сама их процедура. Это был форум, так сказать, в первоначальном значении слова "съезд", но не группа избирателей, а этносоциума в целом. Вот почему

встреча была общественно важной и представительной. Желая оградить Славянский съезд от упреков в заговорщических замыслах, Ф.Палацкий подчеркивал, что на съезде "все переговоры носили характер дружеской частной конференции". Думается, что эти слова, независимо от понятных мотивов историка и общественного деятеля, не расходятся с истиной. В политической листовке на немецком языке "Слово к пониманию Славянского конгресса в Праге" (1848 г.) пражская встреча также называлась "дружественным совещанием"⁹.

Съезд удалось сделать очень зрелищным событием. Будучи легальным лишь в местном, провинциальном масштабе, он проходил при поддержке главы земской администрации, популярного у национальных лидеров графа Л.Туне. Позиция центральных венских властей была выжидательно-двойственной. Побуждаемый запросом со стороны ряда представителей обеспокоенных венгерских "верхов", премьер-министр Австрийской империи Пиллерсдорф 11 мая в послании Л.Туну назвал созыв съезда незаконным шагом¹⁰, но практических препятствий его работе не чинилось. Правительство маневрировало: предписав славянским политикам своей страны в "полуобязательном" порядке участвовать в работе германского учредительного собрания, оно "зато" не препятствовало самостоятельным контр-мерам.

Поддержка со стороны местной власти еще не означала, что хотя бы в собственно Чехии съезд проходил только на "ура". Ответом политически активных слоев австрийских немцев и немцев Чехии был созыв двух съездов немцев. Один состоялся в августе в г.Теплице, другой – в ноябре в г.Хед¹¹. Шла также яростная газетная перепалка, в которой стороны не всегда поднимались до содержательной полемики.

В литературе много раз описывались первая (предложена Ф.Захом 27 мая) и вторая (сформулированная К.Либельтом 5 июня) программы съезда. В исследованиях 1950-х гг. существовало стремление представить смену программы неким переворотом, чуть ли не победой радикального течения на съезде над либеральным. Между тем и включения ряда прогресс

сивных социально-экономических требований, и замена тем для обсуждения перелом предлагаемых конкретных дипломатических мер, не изменили принципиального характера этого документа, в котором выдвигался ряд национально-политических требований и предлагалось их решение в духе австро-славизма, лишь К. Либел предложил составить и обнародовать Манифест к европейским народам, адрес императору Австрийской империи и заключить союз славянских народов.

В силу того, что работа съезда оборвалась на три дня раньше, чем было запланировано, съезд успел принять только один документ – Манифест европейским народам. Как он ни ярок, главное все же – в беспрецедентности самого факта, показавшего, что наиболее активная группа этнофоров начала диалог с мировым сообществом.

Манифест – важный с точки зрения исторической перспективы идеологический документ, полный пафоса и одновременно взвешенный. Этим он явно отличается от "подводных частей айсберга" – заседаний этноконгресса по секциям, где обсуждались идеи, осуществление которых требовало изменения административных и даже государственных границ. На заседаниях югославянской секции речь шла о необходимости создания в будущей реформированной Австрии единой федеративной единицы из имевших разный статус Хорватия, Славония, Далмация и Сербской Воеводины, что означало посягательство на территориальные интересы венгерской "короны св. Стефана". Члены польско-украинской секции Е. Любомирский и А. Хельцель отстаивали то мнение, что разделенные границами народы, входящие в империю Габсбургов лишь отчасти, имеют право на обретение национального единства. Чехославянская секция объединила представителей родственных западнославянских народов – чехов и словаков, административно входивших в разные части государства.

В силу того факта, что в течение XIX в. славянские съезды были достаточно редким явлением, а о подобных формах начала XX в. в других географических и этнических

регионах исследователи знали мало, найти материалы для сравнения степени радикальности заявленных на различных этноконгрессах требований было нелегко. В настоящее время информационная ситуация изменилась.

В современных газетах публикуются многочисленные и разнообразные материалы национально-культурного характера. В решения нынешних съездов записываются пожелания о выработке или кодификации национальной символики, о единой графике (переход с кириллицы на латиницу или арабский шрифт), о создании национальных энциклопедий, об унификации или уточнении этнических самоназваний. В материалах съезда 1848 г. запросы такого рода встречаются, так как одни вопросы были решены, а другие некому было адресовать. Сегодняшние съезды выдвигают также и требования большого общественного звучания. Формулируются, как и в 1848 г., идеи объединения ныне разделенных границами этносов, появляются требования воссоздания существовавших ранее национально-территориальных образований, а также пересмотра существующих административных границ.

Интересно было бы сравнить данные о степени монолитности прежних и современных съездов. Славянский съезд 1848 г. был полиэтничен. При этом его участники руководствовались колларовской концепцией "единого славянского народа".

Сегодня среди этноконгрессов преобладают съезды представителей одного народа. Это – свидетельство того, что численность национальных групп перестает быть важнейшим основанием для завоевания "уважения", как это было в XIX в.

В наши дни все же происходят некоторые полиэтнические съезды родственных и географически близких народов¹². Представляется, что такие съезды создаются главным образом в случаях, когда процесс национального возрождения развивается у малочисленных народов с дисперсным расселением и сравнительно слабыми традициями государственности.

До сих пор явно недооценивается ролевое значение именно в рамках Славянского съезда 1848 г. предложения созвать в Вене "национальный парламент", состоящий из одинакового

числа представителей каждого народа. Важным было предложение регулярно проводить этнические съезды. Заслуживает пристального внимания и возрождение в наши дни национально-культурных обществ и общественно-политических организаций типа Славянская Липа (только в Москве зарегистрировано более 100 подобных обществ)¹³.

Знакомство с информацией о современных съездах народов высветило для нас значение Пражского съезда 1848 г. как первого в новой истории – этноконгресса. Представляется важным сосредоточить в дальнейшем внимание на таких вопросах, как характер представительства на съезде, отношения с официальными органами власти общественностью своей страны, а также альтернативными национальными движениями, степень радикальности заявленных в ходе совещания требований, соображения по поводу выбора моно- или полиэтничной формы съезда, степень внутреннего единства активистов национального движения, участие в этих процессах национально-культурных институтов (этноорганизаций), реакция современников, включая "этносведов".

Проведенное сравнение позволяет поставить вопрос о роли этнических съездов в ускорении процессов национального возрождения, консолидации народов, распространении культурных влияний, развитии усилий по международному признанию этносов. Последнее чрезвычайно важно для повышения статуса народа в современном обществе.

Интересная статья появилась за год до Славянского съезда в пражском журнале "Časopis Českého Muzea". Анализируя местный бестселлер – новеллу Й.К.Тыла "Последний чех", рецензент оценивал ее как большое достижение молодой чешской культуры, вполне достойное сравнения с зарубежными сочинениями этого жанра. Он ратовал за большую популяризацию зрелых образцов чешской художественной литературы, во избежание одностороннего освещения чешских достижений. А то уже "за границей говорят, что чехи филологический народ, отрицают тем самым нашу способность к созданию образцов"¹⁴.

Славянский съезд 1848 г. доказал способность малых славянских народов к "созданию образов", в том числе такого жизненно важного для этноса, как его собственный образ во мнении соседей. То же самое приносят в нашу жизнь и современные этноконгрессы. Съезды народов – важная форма национального движения, находят свое развитие в современную эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ž á ě k V. Slovaňký sjezd v Praze roku 1848: Sbirka dokladů. Praha, 1958.
2. П о р т н и к о в В. Прошел первый конгресс российских украинцев // Независимая газета. 26.X. 1993; Всемирный форум монголов в Улан-Баторе // Тувинская правда. 16.IX. 1993; А л е к с е е в В. Зов белого волка: О чем говорили турки на своем конгрессе, проходившем Чебоксарах // Советская Чувашия. 7.IX. 1993; Г и л ы л о в Г. Ностальгия по Чингисхану // Российская газета. 24.II. 1993.
3. M a r š a n R. Češi a Němci a boj o Frankfurt. Pr., 1898.
4. Gutenbergs - Album. London-Philadelphia-Braunschweig, 1840.
5. К о с і J. Návrat k. Havlíčka z Brixenu. Pr., 1986. S. 36.
6. Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980. С.518-526.
7. Х о р е в а О. А. Национальный вопрос в чешских землях в период революции 1848-1849 гг.: Автореферат диссертации. / канд. / М., 1976.
8. K l i m a A. Češi a Němci o revoluci 1848-1849. Pr., S. 93-98.
9. Ein Wort zur Verständis über Slavenversammlung // Literární archiv Národního Muzea. Pr., Fond letáků r. 1849. Nr 76-48-204.
10. Ž á ě k V. Slovaňký sjezd v Praze roku 1848. S. 175-176.
11. Hauptmann F. Die Staatsrechtlichen Bestrebungen der Deutschböhmen, 1848-1949. Komotau, 1926. S. 41; Род за реф: Pr., 1893. D. 1. S. 378-380.
12. Речь идет, например, о съездах ряда близкородственных немецких этносов, проживающих на территории СНГ. В России в последние годы проходили также конгрессы тюрков и финно-угорских народов, съезды карелов, финнов и вапсов.
13. Объединения культурно-просветительской и культурно-воспитательской направленности /Справочник/. М., 1988. С. 1-12.
14. Časopis Českého Museum. Pr., 1847. D. 1. S. 10.

СЛОВАКИ НА СЛАВЯНСКОМ СЪЕЗДЕ В ПРАГЕ В 1848 г.

Весна 1848 г. в Австрийской империи примечательна такими знаменательными событиями, как обнародование долгожданной конституции с обещанными буржуазными свободами и созыв в Праге Славянского съезда. В то же время в Германии готовится созыв другого съезда — Франкфуртского собрания, цель которого — способствовать объединению германской нации. Все три события неразрывно связаны между собой и являются проявлением острой политической и национальной борьбы в Европе.

В исторической литературе оценка этих событий, как правило, связана с национальной принадлежностью автора того или иного исследования. Естественно, что в славянской историографии пражский съезд 1848 г. рассматривается как один из важнейших рубежей в национально-освободительном движении австрийских славян¹. В то же время в немецкой литературе съезду придается несколько иной характер. Авторы "Очерков по истории Германии в XIX в." оценивают его так: "...Австрийские власти... совершенно спокойно отнеслись к конгрессу славян, собравшемуся в Праге 2 июня. На конгрессе явилось около 300 славянских депутатов; тут были поляки, сербы, словаки, черногорцы, русские. Казалось, что снова воскресло средневековое славянство с его пестрыми красками и фантастическими костюмами. В Праге появились блестящие, яркие наряды: красные шаровары и лиловые или белые мантии; особенно бросались в глаза чешские дамы в одежде амазонок... Председательствовал на конгрессе известный панславист Палацкий. В числе членов находились между прочим поляк Либельт, освобожденный 18 марта из одиночного заключения в Берлине, и Бакунин, русский, высланный в 1847 г. из Парижа за то, что он пытался осуществить союз польской и русской демократии. Из запутанных дебатов конгресса, напоминавшего благодаря различию диалектов вавилонское столпотворение, выяснилось только одно, а именно, что

все его члены сходятся в мечтах о великом славянском государстве и в ненависти к Германии... Конгресс выпустил манифест, возвестивший равноправие всех национальностей, чем, впрочем, не было сказано ничего нового. На том пока и закончилось все зрелище, доставившее немало удовольствия русской дипломатии"².

Подобная оценка дается и в "Политической истории современной Европы" французского историка Ш.Сеньобоса, где подчеркивается, что "члены конгресса с трудом понимали друг друга"³. Действительно, Славянский съезд 1848 г. расценивался многими современниками, и в первую очередь австрийскими и немецкими, как удар кинжала со стороны славян. Созыв всеславянского собрания во время выборов другого, Франкфуртского, мог показаться лишь противовесом со стороны славян, и в первую очередь чехов, в борьбе против германизации. В современной славистической литературе уже доказано, что появление панславизма было реакцией на пангерманистские настроения в Европе. Обнародование 25 апреля, за неделю до пражского съезда, австрийской конституции с провозглашением буржуазных свобод послужило еще одним дополнительным внешним фактором для созыва съезда. При этом были и другие, более глубинные процессы в освободительном движении славян Австрийской империи, приведшие к съезду. Особо показательной в этом смысле, на наш взгляд, является словацкая миссия на Славянском съезде 1848 г.

По мнению некоторых историков, идея созыва всеславянского собрания принадлежала именно словакам, и в первую очередь одному из лидеров словацкого национального движения Л.Штуру⁴. Сын сельского учителя-протестанта Л.Штур окончил Галльский университет, затем преподавал в Брети-славском лицее. Во многом на формирование штуровской программы развития национального самосознания повлияли идеи словацкого ученого Я.Коллара, немецких философов Г.Гегеля и И.Гердера. При этом, в отличие от колларовской программы литературного сближения всех славянских наречий, программа Штура в большей степени учитывала современную поли

тические и экономические условия, в которых находилась Словакия, не была столь идиллической и умозраительной. Преподавательская деятельность в Братиславском лицее совпала со временем оформления национальной словацкой программы Л.Штура. Признавая гегелевский диалектический принцип "единства в многообразии" как самой универсальной формы существования жизни вообще, Штур пытался найти подход к решению проблем словацкой национальной самобытности и отношения словаков (а также всех остальных славянских народов) к славянской общности. В отличие от колларовской четырехплеменной структуры, он утверждал многоплеменность славянства и в связи с этим настаивал на возведении словацкого языка в ранг самостоятельного литературного языка. Именно конкретной словацкой действительностью был продиктован аргумент в пользу самостоятельного словацкого языка как средства объединения всех сословий и религиозных партий.

Свою программу Л.Штур обосновывал и пропагандировал в издаваемой им "Словацкой национальной газете" (1845 - 1848 гг.). Уже накануне революции 1848 г. в Австрийской империи наметились серьезные расхождения в словацком и чешском национальных движениях. Позже, во время революции и на пражском съезде 1848 г., эти противоречия перерастут в конфликт. Тесное сотрудничество штуровцев с чешским национальным движением было естественно, но в то же время не беспроблемно. Уже на рубеже 30-40-х годов обозначились контуры чешской программы австрославизма. Чешские австрослависты как представители наиболее зрелого славянского движения в Австрийской монархии претендовали на право выступать от имени других славянских народов и в духе своей "чехословацкой" концепции хотели присвоить себе право прямо и непосредственно выражать национальные интересы словаков как части "единой чехословацкой нации"⁵. Движение словаков за национальное самоопределение могло серьезно угрожать этой концепции и программе чешских австрославистов не только из-за его приверженности всему славянству и приобретанию русофильской ориентации, но особенно из-за стремления решить словац-

кий национальный вою ос в рамках Венгрии. Усиление же позиций дализма никак не входило в планы чешских австрославистов. Заметные расхождения в чешском и словацком национальных движениях обозначились после публикации статьи К.Гавличка-Боровского "Славянин и чех"; по сути дела эта статья стала программным манифестом чешского национализма, в котором была сформулирована австрославистская программа. Особой критике Л.Штуром были подвергнуты пункты программы Гавличка-Боровского, направленные на сближение чешского австрославизма и иллиризма⁶.

В Словакии Л.Штур проводил огромную работу по воплощению⁷ своей национальной программы. В лекциях, которые он читал в Братиславском лицее, звучали призывы ввести словацкий язык для преподавания в школах, для церковной службы, издавать газеты и журналы на родном языке. Такие идеи братиславского преподавателя не понравились венгерским властям, и в 1843 г. он был отстранен от кафедр в лицее. В знак протеста его многочисленные ученики перешли в лицей в г.Левоче. В 1845 г. был создан общесловацкий союз студенческой молодежи под руководством Яна Франциши, а еще раньше, в 1844 г., было организовано первое общенациональное культурно-политическое общество Татры.

В начале 40-х годов генеральным инспектором евангелической церкви в Словакии был назначен пф К.Зай, лидер венгерской антигабсбургской оппозиции, мадьярон. Он провозгласил для Словакии программу скорейшей мадьяризации, по которой запрещалась деятельность любых словацких кружков и обществ. В связи с деятельностью К.Зая в 1842 г. словацкая евангелическая интеллигенция подготовила петицию к императору, и в этом же году появилась брошюра Л.Штура "Старый и новый век словаков", идеи которой перекликались с требованием петиции. Именно в этой брошюре Штур доказывает способность словаков стать субъектом политического права, самобытность словаков как отдельного славянского народа. Позже развивать свою словацкую национальную программу Штур продолжал в статьях "Словацкой национальной про-

зеты". Эта газета печаталась на новом словацком языке, в кодификации которого Штур сыграл ведущую роль. Еще в 1846 г. он написал работы "Словацкий язык или необходимость писать на этом языке" и "Наука речи словацкой". Работы Штура, его многочисленные публикации в словацкой газете свидетельствуют о многолетней работе над национальной программой, с которой Штур выступил на Славянском съезде в Праге.

В отличие от большинства других словацких патриотов (Я.Крал, Ш.Дакснер, Я.Францисц) Штур немало внимания уделял вопросам экономики. Глжно отметить, что экономическая программа Штура в своей основной части совпадала с программой венгерских либералов. Солидарно с Л.Кошутом в 1846 г. Штур выступил против феодальной зависимости крестьян и необходимости ликвидации всех феодальных пережитков. В этом плане особо показательна его статья "В чем причина нашей нищеты?", где Штур дает программу буржуазных преобразований Венгрии, в том числе и Словакии. Главное отличие, которое ставило программу Штура особняком от так называемого радикального словацкого движения, стояло в его отношении к земанству, мелкому словацкому дворянству. Именно на поддержку земанства Штур рассчитывал в реализации своей национальной программы.

В революционные дни 1848 г. в Австрийской империи был объявлен императорский манифест о равноправии всех ее народов. В эти дни Л.Штур активно действует в Вене, в Праге, не теряя из виду и события в Словакии. 10 мая 1848 г. в Словакии, в Липтовском Микулаше, где ранее образовалось общество Тетрин, состоялось собрание словацкого народа, целью которого было составление новой петиции венгерским властям и сейму. Штур первоначально не предполагал участвовать в липтовской манифестации, так как был занят подготовкой Славянского съезда в Праге, но упреки из Словакии вынудили его приехать в Липтовский Микулаш⁷. Штур привез с собой проект национальной программы, который во многом совпал с его последующим выступлением на Славянском съезде. В Липтовском Микулаше были приняты знаменитые "Требования

словацкого народа", состоящие из 14 пунктов. Их объявили 11 мая, затем опубликовали как резолюцию края, которую должны были представить властям и кайму. В отличие от всех предыдущих пяти эти это была программа политическая и национальная. Она включала требования национального сейма (наряду с общевенгерским), введения словацкого языка в церкви и школах, возможности самостоятельно обеспечивать все формы национальной жизни. Выполнение этих требований означало бы признание словаков в государственно-правовом смысле. Естественно, словацкие патриоты, в том числе сам Л.Штур, понимали нереальность осуществления программы в рамках Венгерского королевства. "Требования" необходимо рассматривать лишь как словацкую программу для Славянского съезда⁸.

По мнению некоторых историков, сама идея созыва Славянского съезда в 1848 г. принадлежала венгерским славянам⁹. Эта идея возникла в Вене, куда съехались славянские делегации после публикации мартовского манифеста императора; все они привезли собственные программы с национальными требованиями. Здесь был организован славянский совет, члены которого и выдвинули впервые идею съезда. Инициаторами были Л.Штур и хорватский патриот И.Кукулович, их объединяла идея славянской взаимности и понимание венгерской опасности. Однако Л.Штур в силу своих расхождений с чешскими австро-славистами и гонениями, которым он подвергался в Венгрии, не имел возможности опубликовать свои проекты о славянском съезде. Эту миссию выполнил И.Кукулович, который 20 апреля 1848 г. в хорватской газете "Национальные известия" (Загреб) впервые публично выдвинул проект съезда Славянского съезда.

Штур прибыл в Прагу 1 июня, славянская молодежь носила его на руках. И.М.Гурбан в своих воспоминаниях воспроизвел ту атмосферу, которая была на съезде, и тот отклик, который имели речи и выступления Л.Штура не только у его сторонников, но и у оппонентов¹⁰.

Съезд славян в Праге должен был решить несколько вопросов: подготовить "Манифест к европейским народам" с призывом

иснением цели съезда, составить петицию императору, создать Союз славянских народов. На съезде, по мнению историков, полное единодушие было достигнуто лишь в одном вопросе - отказе от включения славянских народов в объединенное германское государство¹¹. Тем самым было определено отношение к Франкфуртскому собранию и к Австрийской империи. В "Манифесте" съезда провозглашалась идея сохранения Австрийской империи в виде конституционной монархии, представляющей собой союз равноправных народов во главе с династией Габсбургов¹².

Л.Штур выступил на съезде с идеей всеславянской федерации внутри Австрийской империи как шага на пути создания самостоятельной общеславянской федерации. Эта его идея была поддержана на съезде М.Бакуниным. Бакунин не был официальным представителем русского народа на съезде; русское правительство тщательно скрывало свое отношение к пражским событиям. Известно отношение императора Николая I к съезду из его письма к генералу И.Ф.Паскевичу. Здесь он в частности писал: "Пражское воззвание к славянам не стоило ожидать по довольно мне там известному духу, но отвечать на оное не будем. Будем ждать и смотреть, чем все это кончится"¹³.

Заседания съезда шли по секциям: всего было три секции - чешско-словацкая, югославянская и польско-русинская. Наиболее многочисленной была чешско-словацкая секция (237 членов), в которой и заседали словацкие делегаты - М.Годжа, М.Гурбан, Л.Штур и др. Председательствовал на секции П.Й.Шафарик. Если накануне съезда словацкая концепция по основным пунктам повестки мало чем отличалась от чешской, то на самом съезде выяснились серьезные разногласия в позиции чехов и словаков по вопросу о федерации славян внутри Австрийской империи. Чехи выступали за самостоятельность всех народов в рамках Австрийской империи в той степени, в которой это позволял императорский манифест от 8 апреля. Словаков они рассматривали как часть чехословацкого племени, из чего следовала необходимость разрыва последних с Венгрией. На секции даже звучали призывы возрождения Великоморавской державы.

Слово было за словак ми.

Словацкие делегаты, однако, не оправдали надежд своих собратьев, отказавшись выступить за отделение от Венгрии. На заседании чешско-словацкой секции 7 июня М.Годжа объявил, что "мы не хотим отделяться, как сербы"¹⁴. Я.М.Гурбан, хотя и не был согласен со всем, что говорил Годжа, добавил, что "мы требуем, чтобы Славянский съезд только провозгласил, что мы имеем равные права с венграми". Л.Штур уже более определенно объявил, что словаки не хотят требовать отделения от Венгрии, но подчеркнул, что в Словакии необходимо учредить сейм, подобно сербскому, "который бы литературные, школьные и другие вопросы решал"¹⁵. Кроме того, подчеркивал Л.Штур, в Словакии должен быть постоянный совет. Такая позиция словаков вызвала на съезде также острую оппозицию сербов и хорватов, которые выступали за отделение своих областей от Венгрии, подобных действий они ожидали и от словаков. В острой полемике словаки не исключали возможности, что в будущем они изменят свою национальную программу, но в настоящее время считали подобный шаг невозможным. Объявление об отделении от Венгрии означало бы войну с венграми, а словаки не были готовы вести такую войну. "Если венгры дадут нам то, что нам принадлежит, то мы не можем ... подняться против них меч", - говорил М.Годжа¹⁶.

Подобные выступления словаков нарушали австрославистские построения чехов. В целом, выступления словаков на съезде и дальнейшее их участие в баррикадных боях в Праге доказывают, что они не были настроены проавстрийски и не выступали против венгров в угоду Вене.

Словацкие требования, сформулированные на съезде и представленные Гурбаном как общие "Требования словаков и венгерских русинов", были по существу повторением основной части миклашских "Требований". Словаки ожидали от съезда лишь того, что он поддержит их требования перед венгерскими властями и сеймом. Они и в дальнейшем предполагали оставаться в составе Венгрии, рассчитывая на возможность договоренности с венграми. Венгерские политики, однако, не проявляли охоты вести переговоры со словаками.

так как не считали словацкое национальное движение серьезным и представляющим опасность для венгров. Во многом такое отношение определял факт отсутствия у словаков собственных вооруженных формирований, какие были у сербов, хорватов и румын.

Таким образом, в петиции императору, составленной на съезде в Праге, по настоянию словаков было снято требование присоединить Словакию к чешским землям (как это предполагалось чешской делегацией). Во многом мирное разрешение спора определяла позиция П.И.Шафарика, председателя секции, словака по происхождению. Он хорошо понимал специфику словацкого национального движения и все сложности словацко-венгерских отношений¹⁷. Более сложным оказался вопрос о включении особой словацкой позиции в "Манифест к европейским народам", против мнения словаков выступили сербы и хорваты. Дискуссии не были завершены в связи с трагической концовкой съезда. Преждевременное окончание съезда рассеяло надежды словаков, что Славянский съезд сможет поддержать словацкие требования и поможет их осуществлению. Других мирных путей для осуществления своей программы у словаков не было, венгры отказывались идти на переговоры, поэтому в дальнейшем им не оставалось ничего другого, как встать на путь борьбы подобно сербам и хорватам: апеллировать к собственным силам и рассчитывать на поддержку Вены. Тем более, что на съезде, особенно в выступлениях чешского патриота Гавличка, была обещана моральная и физическая поддержка словакам в их борьбе с венграми.

Таким образом, словацкая миссия на Славянском съезде 1848 г. в Праге продолжала ту национальную программу, которая была разработана в начале 40-х годов и впервые сформулирована Л.Штуром в его газете и "Требованиях" миклулашской манифестации. В противовес чешскому австро-славизму словаки выступали на съезде со штуровской программой общеславянской федерации. Несмотря на то, что Славянский съезд 1848 г. не давал реальных гарантий славянам в их национальной борьбе, для словаков это было первое самостоятельное выступление на международном форуме.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Славянскую литературу о съезде см. подробно в работе: *Slovanský sjezd v Praze 1848* // *Sborník přednášek Slovanského ústavu. Praha, 1848. S. 131-132.*

2. Очерки по истории Германии в XIX в. Т.I: Происхождение современной Германии / Сост. В.Базаров, И.Степанов. СПб., 1906. С.328.

3. Сенлюбос Ш. Политическая история современной Европы. СПб., 1898. С.408-409.

4. *Slovanský sjezd v Praze ... S. 37-38.*

5. См.: М а т у л а В. Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я.Коллара и Л.Штура // Сов. славяноведение. М., 1978. № 2. С.67: О н ж е. К вопросу формирования концепции национальной культуры словаков в эпоху национального возрождения // *History and Society. Prague, 1985. S. 392.*

6. См. письмо Л.Штура к С.Вразу: *Brťan R. Štúrov neznánu list o kmeňovitosti* // *Slovenské pohl'ady. Bratislava, 1969. С. 3. S. 75-79.*

7. См. письма М.Гурбана к Л.Штуру: *G o l a њ k. Štúrovské pokolenie* Br., 1964. S. 218.

8. *Ibid.* S. 219.

9. *Slovanský sjezd v Praze ... S. 37-38.*

10. *H u r b a n J.M. L'udovit Štúr. Br., 1959.*

II. П р и с т е р Е. Краткая история Австрии. М., 1952. С.176.

12. *Slovansk' sjezd: Sbornik dokumentov. Pr., 1958.*

13. См.: Освободительное движение народов Австрийской империи. М., 1980. С.213.

14. *Slováci a ich národný vývin. Br., 1969. S. 152.*

15. *Ibid.* S. 153.

16. *Ibidem.*

17. *Slovanský sjezd v Praze ... S. 64.*

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ СЛАВЯНСКОГО СЪЕЗДА 1848 г.

Польскому славянофильству посвящено немало конкретно-исторических исследований, предпринимались усилия создать работы более широкого обобщающего характера¹. Автору этих строк уже приходилось касаться соответствующего круга вопросов, — том числе и применительно к двум десятилетиям, предшествующим революции 1848—1849 гг.² Ниже делается попытка более подробного анализа тех интересных и важных перемен, которые произошли в восприятии славянской идеи польской общественностью на протяжении двух десятилетий с 1830 по 1849 г. При этом используются новые архивные и изданные источники.

Накануне рассматриваемого периода, т.е. к концу 20-х годов XIX в., в польском славянофильстве, взаимодействуя друг с другом, существовали три типологические варианта идейно-политической интерпретации славянской идеи. Первый из них — реакционно-охранительный — был представлен правящими кругами, пропагандировавшими идею воссоздания преимущественно славянской по своему этническому составу Речи Посполитой как монархии под российским или французским протекторатом. Второй — либерально-просветительский вариант — восходил своими корнями к воззрениям Станислава Сташица и Гуго Коллонтая, к умеренно реформаторским идеям Конституции 3 мая 1791 г. И, наконец, третьим являлся радикальный вариант, ориентированный на возобновление вооруженной борьбы против национального и социального гнета, осуществляемой польским народом в тесном союзе с другими славянскими народами, не исключая и русского. За каждым из трех названных направлений стояли определенные социально-политические силы, не очень четко очерченные, но объединяемые своими жизненными интересами и идейными позициями³.

Николай I отличается почти патологической антипатией к полякам; Ноябрьское восстание 1830 г. он называл изменнической войной, а национальные чувства поляков считал вредной химерой. Норме порядки в Королевстве устанавливались под руководством И.Ф.Паскевича, командовавшего карательными операциями, а затем ставшего царским наместником в Варшаве. Измен отмененной Конституции 1815 г. был введен в 1832 г. Органический статут, сильно ограничивающий автономию Королевства, но и он фактически не вступил в силу. Сейм, Государственный совет и высшие судебные учреждения были ликвидированы, перестала существовать польская армия. Место собственного учебного ведомства занял Варшавский учебный округ, такой же, как в Киеве или Казани, на территории Королевства стала обязательной общероссийская монетная система, система мер и весов. Царские власти стали активно вмешиваться в дела католической церкви; в развернувшейся кампании по обращению униатов в православие зачастую использовались насильственные методы. Аналогичную политику проводили на захваченных ими польских землях прусские и австрийские власти.

На VII Международном съезде славистов, состоявшемся в Варшаве в 1973 г., польский ученый Ю.Бердах обоснованно отметил в своем докладе, что после подавления восстания 1830-1831 гг. в польском общественном мнении сильно пошатнулась вера в возможность славянского единения под эгидой Российской империи и наступил новый период в истории польского славянофильства. Его характерной чертой стало стремление к исключению России из общности славянских народов; ведущую роль в славянском мире начали приписывать Польше, которая якобы и должна была, объединив славянские народы под лозунгами братства и свободы, повести их на борьбу против деспотических сил, возглавляемых русским царизмом⁴. Эта совершенно правильная по основной сути констатация нуждается, на мой взгляд, в двух дополнениях. Во-первых, вера в необходимость и возможность славянского единения ослаблялась не только тем, что российские войска жестоко

подавили польско-восстание 1830-1831 гг., но и характерным для первых десятилетий XIX в. ускорением процесса формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, в результате чего идея национального самоопределения отдельных народов все успешнее соперничала с романтической мечтой о всеобщей или региональной интеграции славянства. Вторых, верный в целом вывод насчет развенчания мифа о славянском единстве, в том числе и во главе с Россией, не следует абсолютизировать, поскольку немалое воздействие этого мифа без труда обнаруживается в идеологии и политических программах польской общественной мысли "паскевичевской" эпохи.

Сказанное относится, в частности, к таким представителям правого крыла польского славянофильства, как Г. Жевуский и М. Грабовский. Последний из них утверждал, например, что "великая славянская идея" проявляется все сильнее как "в инстинктивном предчувствии народов", так и в деятельности российского правительства. Призывая всех людей доброй воли поддержать славянскую идею, трактуемую таким образом, М. Грабовский заявлял, что имеет в виду "не федерацию, а единую и неделимую монархию". "Падение Польши, - утверждал он, - необычайно приблизило славянскую эру... Оставляя поляков поляками, но работниками великой русокой славянской идеи, приверженцами ее политической веры, правительство получило бы в их лице не только полезную для себя, но одновременно и расположенную к себе и дружественную партию во всех делах польского языка, партию, которая ... не может создаться и существовать только с помощью литературы". Такая позиция подверглась резкой критике со стороны видных деятелей польского освободительного движения, которые готовы были признать высокий профессионализм этих авторов, но считали совершенно неприемлемой их политическую позицию. Известный литературный критик Р. Бервиньский - друг и елиномышленник Э. Дембовского - оценил ее следующим образом: "Талант и знания ... объединенные дурным стремлением и обращенные к дурным целям, являются мечом в руках

разбойника! Тот, кто хорошо пишет по-польски, доказывает только этим, что он является хорошим поляком... Сапожник Клиньский был лучшим поляком, чем тот из тех, которые употребляют выражения, совершенно не противоречащие грамматике польского языка!"⁵.

В чисто научной сфере в чем-то похожей точки зрения придерживался В.А.Мацеёвский. Ю.Бардах, написавший специальную монографию об этом видном историке, признает, что он был горячим защитником и пропагандистом "мифа о славянском единстве", которого в 30-40-е гг обоснованно называли "погробовцем", т.е. ребенком, родившимся после смерти отца, поскольку воззрения ученого сложились в основном в 20-е годы. Прав Ю.Бардах и в своем нежелании полностью идентифицировать историческую концепцию В.А.Мацеёвского с политической позицией М.Грабовского и Г.Жевуского; он справедливо указывает на то, что научными аргументами ученого пользовались сторонники демократических тенденций в польском славянофильстве. При всем том трудно отрицать, что В.А.Мацеёвский по своим политическим позициям был консерватором и лояли том в отношении царизма⁶.

В перечне польских сторонников славянской общности под патронатом России особое место занимал А.Гуровский. Участник восстания 1830-1831 гг. и один из руководящих деятелей Польского демократического общества (ПДО), возникшего в 1832 г. за границей, он через некоторое время кардинально изменил позицию и как перебежчик получил амнистию от петербургских властей. Затем в качестве агента Третьего отделения Гуровский снова выехал за границу и развернул там активную пропаганду славянской идеи в варианте, который почти ничем не отличался от того, который популяризировали М.Грабовский и Г.Жевуский⁷.

Симптоматично, что Ф.Духинский - наиболее активный противник русофильской точки зрения на славянскую общность - по своим моральным качествам и пропагандистским приемам во многом напоминал А.Гуровского. Духинский учился в Клевском университете в те годы, когда там действовала воз-

главляемая Ш.Конарским организация Сопружества польского народа, и утверждает, что был связан с конспираторами, хотя это не подтверждается какими-либо достоверными источниками. Поскольку попытки нажить политический капитал и сделать карьеру в Киеве не удалась, Духинский выехал за границу, где стал одним из создателей и наиболее активным пропагандистом печально известной "туранской теории" происхождения русского народа: русские, утверждал он, вовсе не славяне, а потому руководящую роль в славянской общности могут играть только поляки. Большую финансовую и организационную поддержку распространению "туранской теории" оказала консервативно-монархически настроенная часть польской эмиграции во главе с А.Е.Чарторыским и В.Замойским. Что касается существа "туранской теории", то о ней известный ученый Я.Бодуэн де Куртене в 1886 г. писал: "... Политический шовинизм отвратителен всегда, но при опоре на пушки и штыки он имеет по крайней мере реальную основу. Шовинизм, опирающийся исключительно на воспоминания о прошлом, на картины, создаваемые большим воображением, глуп и омерзителен. Распространением такого именно шовинизма занимались Ф.Духинский и его научные сподвижники, пытаются ослепить поляков и мороча голову"⁸.

В либерально-просветительском направлении польского славянофильства накануне революционных событий 1848-1849 гг. - т.н. "весны народов" заметно ослабела преимущественно русофильская ориентация, но это не привело к разрыву научных связей с Москвой, Петербургом и иными культурными центрами Российской империи. Немало подтверждений сказанному содержат работы В.А.Францева и З.Лягнерувны. Приведенные в них факты могут быть дополнены на основе сочинений и деятельности львовского ученого и общественного деятеля А.Белёвского. Специалисты называют его "одним из наиболее убежденных польских славянофилов", который вместе с Л.Набеляком "был главной пружиной в тайном литературно-политическом "Обществе приверженцев славянщины" во Львове и издателем ежегодника "Зевония" в 1834-1838 гг.

В 1842—1876 гг. Белёвский регулярно обменивался письмами и книгами с русскими славистами, в частности, с П.А.Бессоновым и О.М.Бодянским⁹. Переписывался А.Белёвский также с польским ученым и писателем К.Шайнохой, изучавшим историческое прошлое и литературу славянских народов¹⁰. Накануне революционных событий 1848—1849 гг. на данное направление оказала сильное воздействие спровоцированная австрийскими властями "галицийская резня" 1846 г., которая значительно усилила как антинемецкие, так и антиукраинские настроения поляков.

Представляется, что для наиболее активной в политическом смысле части польского общества ближе всего подходило то направление славянофильства, которое было характерно для эмигрантского Польского демократического общества (ПДО) и его эмиссаров на польских землях. Мысль относительно объединения славянских народов во главе с Польшей неоднократно фигурирует в Манифесте ПДО, опубликованном в 1836 г. Польша, говорится в Манифесте, тысячу лет пестовала демократическую идею, она своей грудью заслонила Европу от "саратов, турок и москалей", а теперь Европа оставила Польшу в одиночестве перед несчастьем; только демократическая и независимая Польша, утверждали авторы Манифеста, может исполнить свою историческую миссию, разорвать союз абсолютизма, уничтожить его вредное влияние на западную цивилизацию, распространить среди славян демократическую идею и тем соединить их друг с другом для того, чтобы положить начало полной самостоятельности всех народов Европы¹¹.

Впрочем, понимание того, что Россию не следует полностью отождествлять с царизмом, не было чуждо радикальным кругам польского освободительного движения. Оно нашло отражение во взглядах Я.Лелевеля и программах конспиративных организаций, руководимых Ш.Конарским, в высказываниях Э.Дембовского и П.Сцегаенного¹². Можно привести и другие, менее известные примеры, свидетельствующие о том, что свойственное названным деятелям отношение к революцион-

ной России не было чем-то исключительным. По словам А. Винницкого, Ю. Заливский, инструктируя своих эмиссаров, отправлявшихся на польские земли, говорил о необходимости установить контакты с революционными кружками в царской армии. При этом он утверждал, что в будущем "Россия, забранный край, Польша, Венгрия, Галиция, часть Чехии обрежут один великий и свободный славянский народ"¹³. Устав конспиративной организации Союз мужей, существовавший в Западной Галиции провозглашал, что "чехи, славяне из остальных австро-венгерских провинций, а также поляки и русские должны образовать единую нацию, не избегая в случае необходимости применения насилия в борьбе против существующих правительств"¹⁴.

Весьма оригинальна и поучительна предистория славянского аспекта программы крупнейшего конспиративного объединения, действовавшего в Королевстве Польском и получившего название Организация 1848 года. Ее ведущие деятели в первой половине 40-х годов учились в Московском университете, слушали лекции С.П. Шевырева, читали сочинения других русских славянофилов, имевших весьма умеренные политические взгляды. Модифицировав их доктрины с помощью философии Гегеля, руководитель Организации Г. Краевский подготовил программный документ, озаглавленный "Символ веры". Человечество, говорится в этом документе, пройдя сначала романский, а затем германский этапы своего развития, вступает в очередную - третью этап, когда руководящую роль будут играть славяне во главе с Польшей, которую само Провидение поместило между Востоком и Западом. Руководство Организации признавало наличие революционного потенциала у русско-го революционного подполья, пыталось установить контакт с ним через А.М. Бакунина, но не смогло добиться успеха¹⁵.

В 1845 г. в Познани вышел из печати "Очерк польской словесности" Э. Дембовского, в котором содержится интересная попытка периодизации развития славянской идеи в польском общественном сознании путем выделения трех самостоятельных эпох. "Первая эпоха, - читаем в "Очерке", - может

быть названа славяно польской. ~ эту эпоху Польша растворяется в огромном славянстве, не обособляясь в определенную, отдельную нацию". Вторая эпоха нач. ас: после победы шляхетского элемента в преемственности и словесности, "поэтому данная эпоха является не польской, но шляхетско-польской, или, как бы мы хотели ее назвать, латино-польской". Третья эпоха наступила, по мнению Э.Дембовского, в начале XIX в. с пробуждением чисто польского духа, который "поднимается над народом, как заря национального просвещения, самостоятельности, могущества". Говоря о борьбе идеи славянской общности с польской национальной идеей, Э.Дембовский однозначно выступал на стороне последней. "Поднимаясь на все более высокий уровень в своем развитии, - писал он, - польская идея и идея панславизма многократно сталкивались... Все славянство принимало и принимает участие в борьбе, от исхода которой должно зависеть его будущее, должно зависеть решение вопроса о том, будет ли объединение славян основано на европейском просвещении или же на варварстве татарских орд"¹⁶.

На пограничьи польской и украинской общественной мысли в середине 40-х годов сложилась концепция галичанина В.И. Подолинского, изложенная им в брошюре "Слово предостережения", которая появилась в июне 1948 г. По словам львовского ученого Ф.И. Стебляка, автор брошюры в польско-украинском освободительном движении тогдашней Галиции выделял четыре главные течения, причем первое из них ориентировалось на всеславянскую общность, второе - на федеративную Польшу, сторонники третьего и четвертого считали, что славяне могут объединяться лишь под опекой Австрии и России. Все симпатии Подолинского были на стороне первого течения, выступавшего наиболее последовательно за равноправие украинского народа в братской семье славянских народов. Стремления украинцев, заявлял В.И. Подолинский, могут осуществиться "не раньше, чем воскрешение всей славянщины, федеративной и либеральной, в которую я крепко по-украински верю"¹⁷.

Не только в общественной мысли, но и в освободительном движении польского народа накануне "Весны Народов" не было

единства и согласия. Движению раздиралось многими предубеждениями, обусловленными, с одной стороны, существенными различиями в социально-политической ситуации в австрийской, прусской и российской частях разделенной Польши, с другой – несогласованностью действий, неодинаковостью ориентиров, соперничеством различных политических группировок, непримиримыми идейными разногласиями, которые существовали между ними как внутри страны, так и в эмиграции. Приближение революционной грозы 1848 г. подталкивало активные силы нации к объединению усилий в предстоящей схватке, к установлению контактов и координации действий. Необходимость контакта между представителями различных течений стала очевидной еще до начала революции, однако взаимная настроенность была столь велика, что встреча их состоялась лишь в мае 1848 г.

История съезда пока до конца не исследована. По словам польского ученого М.Тыровича – автора монографии на эту тему, мысль о созыве съезда примерно одновременно (в конце марта – начале апреля 1848 г.) : возникла у консервативно настроенных генерала Г.Дембинского в Париже и А.Хельцля в Кракове. Первый поехал за советом и поддержкой к А.Е.Чарторьскому в Берлин, второй – к А.Велёпольскому во Вроцлав. Оба они хотели бы придать съезду исключительно антироссийскую направленность и действовать, не выходя за рамки организации дипломатического давления западноевропейских стран на Петербург, что было совершенно неприемлемо не только для радикально-демократического направления, но и для умеренных демократов, т.е. большинства ЦДО в эмиграции, руководства польских национальных комитетов в Княжестве Познанском, Кракове и в Галиции, представителей конспиративной Организации 1848 года. По мнению демократов, предметом обсуждения на съезде должны были стать, во-первых, создание высшего органа национальной власти, объединяющего и координирующего интересы всех разделенных польских земель, во-вторых, перспектива вооруженной борьбы с Российской империей – борьбы, в которой Польша будет аван-

гардом Европы: Германии, Франции и центральной европейской "славянизмы". Польский конгресс собрался во Вроцлаве 5 мая 1848 г. Представители правящей партии потерпели на нем полное поражение; однако между остальными противоречия были столь значительными, что какие-либо согласованные решения оказались невозможными. Важной слагающей идейно-политической программы тех сил, которые победили на съезде, являлась горячая вера в позитивную роль славянских народов, предводительствуемых революционной Польшей¹⁸.

Отмеченные сдвиги в трактовке идеи славянского единения нашли отражение в программе и результатах Славянского съезда 1848 г. В Подготовительном комитете съезда Польшу представлял В. Глибовский. Заседания проходили преимущественно в трех секциях, из которых в первую входили чехи, моравы, силезцы и словаки, во вторую — поляки и русины, в третью — словенцы, хорваты, сербы и далматинцы. Главой польско-русинской секции, состоявшей из 61 человека, стал познанский литератор и общественный деятель К. Либельт¹⁹.

По словам Е. Морачевского, опубликовавшего подробный отчет о съезде, в нем участвовало не менее 40 поляков. Из Познани, кроме уже упоминавшегося К. Либельта, были Р. Бервиньский, Я. Янишевский, Цибульский; из Галиции — Л. Сапега, граф Стецкий, Пузына, из эмигрантских организаций — Л. Семеньский, Константин и Юзеф Залевские, Валевский²⁰. В рукописном отделе Ягеллонской библиотеки в Кракове сохранилась копия выданного 27 мая 1848 г. удостоверения, уполномочивающего участвовать в съезде Леслава Лукашевича, Эдмунда Хоецкого, Клиуша Дзедушицкого, Яна Добжанского, Адама Колодзиньского, Ромуальда Кшижановского, Ежи Любомирского и Кароля Малиша. Удостоверение написано на бланке повстанческого Львовского центрального национального совета с девизом "Свобода, Равенство, Братство"²¹.

Характеризуя настроения пражан, чешских и словацких делегатов съезда, Морачевский выделял три основные идейно-политические течения. Во-первых, писал он, высший слои давно потерявших независимость чехов занимался преимущест-

венно коллекционированием памятников старины, а не политической. События 1848 г. во Франции, а затем и в Австрии возродили веру в возможность заниматься политическими делами. Возглавлявшая народ шпихта, большей частью онемеченная, а то и просто немецкая, образовала прогабсбургскую партию, которая выражала интересы дворянства. Другая партия, говорится в "Описании" Морачевского, складывалась исключительно из людей ученых, которые, занимаясь языковыми исследованиями, раскопками и собиранием исторических памятников, воодушевлялись патриотическими идеями. Программа их чисто австрославистская, ориентированная на конституционную монархию Габсбургов с расчетом уравновесить венгерские претензии на власть усиливающимся славянским фактором. "Эта партия, — считал Морачевский, — симпатизирует русскому народу, но ненавидит царизм и с деспотическими властями его отношения никогда не установит". Третья партия, по словам Морачевского, — вполне в духе времени, она "состояла из молодых докторов философии, университетских студентов, ремесленников и рабочих". Активисты этой партии воспевали Книжку, знали Гегеля и Шеллинга, не жаловали свою шляхту, относились особенно сердечно к полякам и французам, читали демократическую литературу, ратовали за ликвидацию австрийской монархии, в Чехии против немцев, а в Венгрии — против мадьяров, выступали за войну славян против турок, за свержение царизма в России, за славянские соединенные штаты на демократической основе. Эта партия, по мнению Морачевского, могла бы поднять на гражданскую войну чешский народ, а, может быть, и других славян. Слабым местом программы чешских радикалов Морачевский считал то, что, smashing политику и религию, они собирались проводить конфессиональных реформ, сближающих духовенство с народом.

Каких-либо высказываний отдельно о словаках у Морачевского нет; очевидно, он трактовал их как единое целое с чехами. Позиция гиллеров (Хорватское королевство, Славония, Далмация и Банат) оценивалась им с большой сим-

патией. "Удивительная вещь, — говорится в "Описании" Морачевского, — что иллиры, которые по языку более чем чехи отличаются от поляков, по способу мышления, политическим понятиям, смелости замыслов, боевому настрою, духовному подъему, приверженности к демократическим принципам оказались гораздо ближе к полякам, чем чехи". Сербь, по словам Морачевского, оставили у него неплохое впечатление, но он высказал опасение, что единая религия с русскими, может вызвать у них антиреспубликанские настроения. Оппоненты ему возражали, что сербы ставят дружбу с Францией превыше всего, и если бы в России был свергнут царизм, ликвидировано крепостничество, то это связало бы их с русским народом чувством величайшей симпатии²³.

Касаясь обстановки в польско-русинской секции, Морачевский подчеркивал, что на всех ее заседаниях полностью господствовал демократический дух, что их участники "ни слова не услышали в защиту не только аристократических привилегий, но и любой формы монархического правления. "Демократия и республиканское правительство, — писал Морачевский, — признавалось лучшей формой власти, апробированной историей. Когда дело дошло до обсуждения вопроса о выборе формы правления для Польши, то было выдвинуто два варианта: младшие выступали за республиканизм в централизованной форме, а старшие за федеративную республику"²⁴.

Подавляющее большинство организаторов и участников съезда (в том числе фактически председательствовавший на нем Ф.Палацкий) изначально были убеждены, что развертывавшиеся там дискуссии, а тем более принимаемые решения не должны выходить за рамки идеологии австрославизма. Об этом свидетельствует, в частности, утвержденный Подготовительным комитетом текст приглашения на съезд. Оно адресовано "ко всем славянам Австрийской империи" и призывает всех лиц, имеющих доверие народа, "собраться ... чтобы ... на общем совещании обсудить все то, что требует благо нашего народа и что в этот важный момент мы должны предпри-

нять". Во избежание недоразумений в конце приглашения было сделано дополнение: "Если другие славяне, кроме живущих в нашем государстве, захотят почтить Съезд своим присутствием, они будут сердечно приняты нами в качестве гостей"²⁵.

Второе важное расхождение большинства чешских участников съезда с присутствовавшими на нем поляками относилось не к программной, а к тактической сфере: первые рассчитывали исключительно на легальные методы действий, имея в виду постепенное трансформирование австрийской монархии в желательном для них направлении, тогда как вторые, требуя воссоздания единого независимого польского государства, посягали тем самым на целостность трех держав, разделивших Речь Посполитую, не исключая и Австрии. Об этом велись разговоры не столько на официальных заседаниях польско-русинской секции, сколько на неофициальных встречах. "Важнейшие вопросы, — писал в 1927 г. первый польский ученый, занявшийся историей Славянского съезда 1848 г., В.Т.Вислоцкий, — обсуждались в Праге на частных сходках и в разговорах таких деятелей, как Палацкий, Шафарик, Либельт, Любомирский, Бакунин и несколько других лиц; никаких протоколов при этом, естественно, не составлялось". Оценивая позицию чехов, поляки выражали недовольство не только их приверженностью идеям австро-славизма, но неизменно положительным отношением к русским. "Чешское русофильство, — заявлял Вислоцкий, — с одной стороны, и легче объясняемое польское русофобство, с другой стороны, были предметом несогласий между чехами и поляками до последней минуты перед тем, как они получили независимость"²⁶.

Позиция Ф.Палацкого и его единомышленников день ото дня слабела под напором польско-русинской секции и чешских радикалов. Совместными усилиями они добились разработки и одобрения особого "Манифеста к европейским народам". Манифест, во-первых, выводил задачи съезда из чисто австрийских и главным образом чешско-словацких рамок, ставил ряд вопросов о положении всех угнетенных славянских

народов. Активно поддегтали мысль о подготовке "Манифеста" К.Либельт и Ю.Любомирский, Л.Штур и М.А.Бакунин, а также И.В.Фрич и некоторые другие радикально настроенные участники съезда. Ф.Палацкий считал необходимым согласиться на создание специального "Дипломатического комитета" для подготовки манифеста и даже возглавил этот орган. Комитет, как справедливо отмечают исследователи, высказался за полное равноправие национальностей, за федеративную Австрию, осудил политику разделения Польши и угнетения славян в Венгрии, призвал прусское и саксонское правительства отказаться от политики систематической "национализации" славян в Лужицах, Познани, Восточной и Западной Пруссии, выразил надежду на освобождение турецких славян и выдвинул проект созыва всеобщего европейского конгресса для разрешения международных вопросов"²⁷.

Многие участники и историки съезда замалчивали или искажали факты, связанные с общей позицией М.А.Бакунина и его конкретными действиями. Он выступал в Праге глашатаям бунтарских тенденций, которые звучали резким диссонансом миролюбивому австрофильству главных организаторов этого славянского форума. Свою оценку тогдашнего положения славянских народов М.А.Бакунин изложил в ряде статей, речей и воззваний. Еще в 1846 г. он провозгласил главной целью своей деятельности русскую революцию и создание после ее победы республиканской федерации всех славянских земель. Для осуществления этой цели он добивался сотрудничества польских и русских революционеров, к которому впервые призывал еще 29 ноября 1847 г. на банкете в годовщину польского восстания 1830-1831 гг. Взгляд Бакунина на историческую роль славянских народов приобрел более четкие очертания в ходе революции 1848-1849 гг. К этому времени относятся такие его произведения, как "Воззвание к славянам", "Основы новой славянской политики", "Основы славянской федерации", "Внутреннее устройство славянских народов"²⁸.

В них Бакунин призвал к разрушению российской, прус-

ской, турецкой и особенно австрийской монархий, на развалинах которых, по его убеждению, должна была сложиться "великая славянская федерация". Входящие в нее народы объединились бы друг с другом на принципах всеобщего равенства, свободы и братской любви, уничтожения крепостного права и основных разливий, предоставления каждому из граждан права на получение земельного участка на любой из славянских территорий. Мир, рассуждал Бакунин, разделен на два лагеря - революционный и контрреволюционный; славяне, защищая собственные интересы, должны вместе с немцами и венграми добиваться всеобщей федерации европейских республик. Вообще, утверждал Бакунин, славянам следует быть друзьями и союзниками всех народов и партий, сражающихся за революцию.

На Славянском съезде в Праге Бакунин горячо ратовал за то, чтобы его участники меньше занимались обсуждением сепаратных нужд отдельных славянских народов, а сосредоточились на решении общеславянских задач, связывая их с прогрессом всего человечества. Позже в "Исповеди" он следующим образом воспроизвел содержание одной из своих речей: "Зачем вы съехались в Прагу? Для того ли, чтобы толковать здесь о своих провинциальных интересах, или для того, чтобы слить все частные дела . . . в один нераздельный, великий славянский вопрос? Начните же заниматься им и покорите все частные требования славянскому делу. Наше собрание есть первое славянское собрание; мы должны положить здесь начало новой славянской жизни, провозгласить и утвердить единство всех славянских племен, соединенных в одно нераздельное и великое политическое тело"²⁹.

Пражский съезд возбудил немалые надежды у западных, южных, а отчасти и восточных славян, не имевших собственной государственности; правящие круги австрийской монархии рассчитывали с помощью съезда несколько укрепить свое положение, противопоставив идею славянского единения в австрославистском варианте растущему венгерскому сепаратизму. На первый взгляд может показаться, что малая эф-

фektivность съезда обусловлена исключительно стечением обстоятельств, прежде всего разгромленным в течение 5 дней Пражским восстанием и последующим наступлением контрреволюции. Думается, однако, что и в иных условиях съезд не принес бы перемен из-за почти полного несовпадения национальных интересов его участников. "Без сомнения, — констатировал В.Т.Вислоцкий, — в поведении поляков на Конгрессе немалую роль играл национальный эгоизм. Но, если быть искренним, то не так ли же вели себя чехи, словаки, русины и все другие славяне, не исключая даже российского революционера Бакунина? Каждый готовил там свое "зарков, только интересы других народов совпадали с желаниями Съезда, тогда как польские от них отличались". Что касается немцев и венгров, то они, по мнению Вислоцкого, хотели любой ценой помешать консолидации славян, "хотя их позиция имела в данном случае сугубо лояльный характер". Очень горячо опровергал Вислоцкий мнение о том, что поляки поддерживали революционные планы Бакунина и именно это сделало невозможным последующее продолжение заседаний съезда. Мы, заявлял польский историк, абсолютно невинны в этом вопросе; "в интересах поляков, даже тех, которые придерживались крайних позиций, было полное завершение Конгресса, если не для чего-либо иного, то хотя бы ради того, чтобы напомнить Европе, что существует нерешенный вопрос о восстановлении независимости Польши". После провала съезда, писал Вислоцкий, поляки в Кракове, в том числе А.Велепольский и Е.Любомирский, готовили для следующего съезда план федерации славянских народов, сочиняли проекты манифестов и программ, которые являются "убедительным подтверждением популярности среди поляков идеи славянской общности и того, что были среди них сторонники совместной работы по уничтожению вековых пут, сковывавших славянство"³⁰.

Из сказанного явствует, что в польской общественной мысли конца 40-х годов прошлого столетия существовали три основные точки зрения на роль идеи славянского единства во все обострявшихся социально-политических столкно-

вениях. Одной из них придерживались леворадикальные деятели называвшихся выше конспиративных организаций Королевства Польского, считавшие не только очень желательным, но и практически осуществимым революционный союз всех славянских народов, не исключая русского; если бы сторонники этой точки зрения присутствовали на съезде в Праге, то они наверняка нашли бы себе единомышленников и партнеров в лице М.А.Бакунина и чешских радикалов во главе с И.В.Фричем. Противоположной точки зрения, наиболее близкой к позиции организаторов съезда, придерживалась львовская делегация, которая состояла преимущественно из титулованной галицийской шляхты, настроенной довольно миролюбиво и подверженной австрофильским настроениям. Срединное положение занимала группировка, возглавляемая делегацией Познанской Централизации Польского Демократического Общества; ее взгляды, подробно изложенные в отчете Морачевского, заняли вскоре, если не господствующее, то очень видное место в теоретических воззрениях наиболее активных участников польского освободительного движения, особенно тех, кто находился в эмиграции.

Рассуждая о результатах съезда, оценивая то, что говорилось на нем, Морачевский писал: "Пражский съезд следует считать исключительно важным как для Польши, так и для славянства в целом, а также для освобождения народов Европы. Съезд помог полякам обрести в славянстве своего важного союзника в борьбе за независимость... а славянство в целом, особенно же западные и южные славяне, увидели на примере Польши, какими путями следует идти к свободе и независимости, как использовать демократические и республиканские идеи для создания Великой Конфедеративной Славянской Республики". "Славянский съезд в Праге, — говорится в другом месте отчета Морачевского, — имеет большое историческое значение потому, что он впервые связал воедино всех западных славян и в некотором роде противопоставил их восточным славянам — то есть русским. Это явление весьма благоприятное для Польши, но пока оно лишь в зародке".

И дальше Морачевский излагал грандиозный проект переустройства всей "славянизны", предлагая, во-первых, создать западнославянское конфедеративное государство, возглавляемое Польшей и включающее чехов и иллирийцев, во-вторых, "промежуточное" государство из сербов и болгар. Что касается словаков и западных галицийцев, рассуждал Морачевский, то они, "конечно, присоединятся к западнославянской конфедерации"; Восточная же Галиция, по его мнению, так мало отличается от Западной, что последует ее примеру. Морачевский был твердо уверен в том, что "западно-славянская конфедерация" во главе с Польшей - это "ребенок, который скоро вырастет в великана"³¹.

Послепражская съездовская эйфория у Морачевского и его единомышленников продолжалась недолго, ибо не имела под собой реальной основы. Это подтверждается, в частности, тем, что рядом с польскими повстанцами 1863-1864 гг. сражались многие сотни русских, украинцев и белорусов, но почти не было ни чехов, ни иллиров. Зато на откровенно панславистский (в российском варианте) славянский съезд 1867 г. в Москву приехали преимущественно чехи и иллиры, а поляков на нем не было вообще³². К началу 1870-х годов ориентация на межславянское сотрудничество сохранилась главным образом в леворадикальных кругах польского освободительного движения; позиция остальных определялась следующим изречением: "Тот, кто говорит, что мы славяне, является изменником, ибо мы просто поляки"³³. Наступала эпоха, когда соотношение между национальным и племенным сознанием заметно менялось в пользу первого не только у польского, но также у других славянских народов, в том числе у чешского и хорватского, у сербского и болгарского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. в частности: Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия. Прага, 1906; Kolodziejczyk E. Bibliografia słowianoznawstwa polskiego. Kraków, 1911; Klarnet G. W. a Z. Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. W-wa, 1926; Batorowski H. Wzajemność słowiańska. W-wa, 1930; Leher-Spławifski T. Zarys dziejów słowianoznawstwa polskiego. Kr., 1948.

2. D j a k o w W. "rolskie słowianofilstwo" i jego wpływ na sławistykę polską (koniec XVIII w. - 1939) // *Analecta*. W-wa, 1993. N 1.

3. Ibid. S.10-14.

4. B a r d a c h J. Etapy w ideologii polskiego słowianofilstwa // VII Międzynarodowy Kongres Sławistów. W-wa, 1973.

5. Б е р в и н с к и й Р.В защита Дембовского // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1958. Т. 3.

6. См.: B a r d a c h J. Wacław Aleksander Maciejowski i jego współczesni. Wrocław, 1971; G r a b s k i A.F. W kręgu Wacława Aleksandra Maciejowskiego // *Kwartalnik Historyczny*. 1972. N 2.

7. Подробнее: J a n i k M. Prądy pansławistyczne w okresie Wielkiej Emigracji // *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*. Kraków, 1933. T. 38.

8. B a u d o u i n d e C o u r t e n a u J. Z powodu jubileuszu profesora Duchńskiego. Kraków, 1886. S. 30. Подробнее о Ф.Духинском и его исторических воззрениях см.:

G r a b s k i A.F. Na mianowcach myśli historycznej: *Historiosofia Franciszka H. Duchńskiego* // G r a b s k i A.F. *Perspektywy przeszłości : Studia i szkice historiograficzne*. Lublin, 1983.

9. Biblioteka im. Ossolińskich (Wrocław). Wydział rękopisów. N 2432/II; *Ze skarbca kultury*. Wrocław, 1962. N 14. S. 9.

10. P a s y a w s k i J. Tematyka słowiańska w piśmiectwie Karola Szajnochy // *Kultura i Społeczeństwo*. W-wa, 1974. N 4.

II. Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Dokumenty i pisma. W-wa, 1954. S. 87, 91, 93-94.

12. Дьяков Г. А. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов // *Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX w.* Wrocław, 1972.

13. Społeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku. Wrocław, 1984. S. 261.

14. Борис В. А. Некоторые вопросы русско-польских межславянских связей 20-40-х годов XIX века // *Związki rewolucjonistów...* S. 157.

15. Д ж а к о в В. Warszawska organizacja konspiracyjna 1848 roku (Edward Domaszewski, Henryk Krajewski, Romuald Swierzbicki) // *Kwartalnik Historyczny.* 1976. N 2.

16. Дембровски Э. Очерк польской словесности // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1958. Т.3. С.258-260.

17. Стеблий Ф. И. В.Погодинский - поборник единства украинского и польского освободительного движения в Галиции во время революции 1848 г. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С.146.

18. Подробное см., в частности: *T u r o w i s z M. Polski Kongres Polityczny we Wrocławiu 1848 r. Kr., 1946. S. 1 - 112.*

19. Общие сведения о славянском съезде 1848 г. и биографию см.: *У д а л ь ц о в И. И. Из истории славянского съезда в Праге в 1848 году // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т.1.*

20. *M o r a c z e w s k i J. Opis Pierwszego Zjazdu Słowiańskiego. Poznań, 1848. S. 8.*

21. *Biblioteka Jagiellońska (Kraków). Wydział rękopisów. N 895.k. 1.*

22. *M o r a c z e w s k i J. Op. cit. S. 23, 41.*

23. *Ibid. S. 10 - 11.*

24. *Ibid. S. 9 - 10.*

25. *У д а л ь ц о в И. И. Из истории славянского съезда... С.62.*

26. *W i v ь o s k i W. T. Kongres słowiański w r. 1848 i sprawa polska. Lwów, 1927. S. 10, 17.*

27. *У д а л ь ц о в И. И. Из истории славянского съезда... С.77.*

28. *Б а к у н и н М. А. Речи и воззвания. Б.М. 1906. С.113-126; О н ж е. Избр. соч.: В 4-х т. Лондон, 1915. Т.1. С.13-16.*

29. *Исповедь Бакунина // Д ю к л о Ж. Бакунин и Маркс: Тень и свет. М., 1975. С.346.*

30. *W i v ь o s k i W. T. Op. cit. S. 21, 146, 155.*

31. *M o r a c z e w s k i J. Op. cit. S. 23, 41.*

32. *Н я к и т и н С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С.174-175.*

33. *T a n t y M. Opinia polska wobec zagadnienie solidarności słowiańskiej w monarchii Gabsburskiej w latach 60-ych XIX wieku // Z polskich studiów slawisty uych. W-wa, 1968. Ser. 3. Historia. S. 149.*

СЛАВЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ 1848 И 1867 ГГ. В ОСВЕЩЕНИИ
РУССКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Демократическая печать, касаясь на своих страницах славянской проблематики, не могла не затронуть такую тему, как славянские съезды 1848 и 1867 гг. Журналы "Современник" и "Русское слово", а после их закрытия продолжатели их традиций "Отечественные записки", "Дело" и некоторые другие рассматривали славянские съезды не столько в качестве самостоятельного аспекта славянского вопроса, сколько в связи с идеей славянского единства и с учетом отношения к славянофилам и их теориям.

На страницах "Современника" неоднократно повторялось, что идея славянского единства зародилась и развилась у славянских народов в период национального возрождения в связи с ростом национального самосознания. Это направление общественной мысли, отмечалось в журнале, впервые появилось у чехов, а затем постепенно приобрело сторонников среди других славян и получило в Европе название "панславизма"¹. В это понятие различные политические и общественные силы вкладывали разное содержание, имея в виду либо духовное, либо культурное, либо тот или иной вариант политического единения.

В силу своих убеждений публицисты-демократы с симпатией относились к стремлениям славян Австрийской и Османской империй к свободе и национальной независимости, к достижению их революционным путем, и в связи с этим — к солидарности в борьбе славянских и других угнетенных народов. Но игнорировать идею славянского единения было невозможно, так как она занимала в общественной мысли славянских народов немалое место. Идея славянского единства прошла в своем развитии ряд стадий. Как отмечалось в "Современнике", на раннем этапе "общеславянские симпатии... еще не приобрели практического значения", т.е. не стали частью политической программы борьбы за национальное освобождение².

1848 год изменил отношение к проблеме славянского единства: "Чехи думали, — говорилось в "Современнике", — что пришло время утвердить их национальные права и закрепить политический союз с их единоплеменниками в Австрии", которым они могли до сих пор предлагать одно литературное братство"³. В статьях "Вячеслав Ганка" и "Два месяца в Праге", опубликованных в журнале, А.Н.Пыпин не давал прямой оценки австрославянской направленности съезда, но он обращал внимание на ту политическую ситуацию, которая стимулировала его созыв: "Немецкие патриоты, — писал публицист, — считали неосложним присоединить Австрию к единой немецкой нации... мадьяры грозили порабощением славян, входивших в состав Венгрии... В этих обстоятельствах родилась мысль о славянском съезде". Пыпин отмечал, что лучшие представители славянских народов Австрийской империи, собравшиеся в Праге, "должны были принять общие меры для безопасности австрийского славянства". Подчеркивая, что в России мало известно о событиях 1848 г., Пыпин полностью приводил в "Современнике" русский перевод прокламации от 1 мая о созыве съезда, в которой говорилось о необходимости сплотиться для совместных действий, чтобы не дать разрушить "соединение и самобытность славянских племен". Авторы прокламации приглашали в Прагу представителей не только австрийских славян, но и других славянских народов. В то же время, как показывал Пыпин, в другом воззвании — к неславянскому населению империи — объяснялось, что участники съезда "желают вполне сохранения и самостоятельности империи" и добиваются мирными средствами лишь "уравнения прав народностей в империи"⁴.

Позже в работе "Панславизм в прошлом и настоящем" Пыпин охарактеризовал не называемый им "австрославизм" как "идею лояльной федерации австрийского славянства под властью того же Габсбургского дома, — никак не более". Вместе с тем он напоминал: "Не было никакой речи о союзе с Россией, о надеждах на помощь западнославянскому делу с ее стороны". В документе петербургского съезда говорилось о необ-

ходимости решения Россией польского вопроса и уравниения в правах польского и русского народов, чтобы "русский народ в своем отечестве скорее увидел свет свободы". Кроме политических задач славянского движения на съезде, как отмечал Пыпин, поднимались вопросы культурного и научного сближения славян, звучали выступления в пользу литературной взаимности и изучения всех славянских языков в высшей школе, высказывалась мысль о ежегодных съездах славянских ученых⁵.

Читатели "Современника" узнавали некоторые подробности о съезде: численности и составе его участников, различных мероприятиях в рамках этого славянского форума. В журнале сообщалось о причастности к организации съезда Славянской Лиги — первого национально-политического чешского союза и его деятелей, среди которых был и В.Ганка. На страницах "Современника" рассказывалось и об обстреле и обыске Чешского музея, в котором проходили заседания съезда и где власти пытались найти его участников, чтобы привлечь их к ответственности. А.Н.Пыпин сообщал также, что из программы, предложенной польским публицистом Карлом Либельтом и включавшей в себя: 1) подготовку манифеста к европейским народам о целях славянского съезда, 2) составление адреса или петиции императору с изложением стремлений славянских народов Австрии и 3) заключение союза славянских племен, — был осуществлен лишь первый пункт, другие остались только в проектах. Пыпин акцентировал внимание на том, что в манифесте съезда говорилось о началах свободы, равенства и братства, о требованиях полного равноправия всех народов. По цензурным соображениям он ограничился этим сообщением, не касаясь содержания и характера других лозунгов, тем более — позиция М.А.Бакунина, участвовавшего в работе съезда. Романтические выступления, которые воодушевляли организаторов съезда, по словам Пыпина, "скоро кончились. Реакция... рассеяла надежды и показала австрийским славянам непрочность их нового положения"⁶.

Программа съезда не была полностью реализована, по-

сколько съезд прервал свою работу из-за начавшегося пражского восстания, "труды его, - говорилось в "Современнике", - остались без последствий". Подводя итоги первой общеславянской встречи 1848 г., Пыпин писал: "Первый съезд разошелся, не успевши связать прочным актом договора о народном соединении австрийских славян". Но, как считали сами участники съезда, "пражская буря" показала, что разрозненность славян и их распри не стерли их сходства и взаимопонимания, их стремления к равенству, к единству в достижении цели. Имея в виду, скорее, непосредственные результаты съезда, а не то влияние, которое он оказал на дальнейшее развитие идеи славянского единства : славянского движения, а также видя узость позиции и программы организаторов съезда, Пыпин в заключение подчеркивал, что о "славянской взаимности лучше продолжать говорить еще в будущем времени", когда в ее основание будет положено, как он надеялся, "свободное развитие национальностей". Однако, исходя из опыта прошедших с тех пор лет, Пыпин на рубеже 50-60-х гг. высказывал предположение, что эти надежды вряд ли скоро осуществятся?

Через несколько лет, возвращаясь к теме славянского съезда 1848 г. на страницах "Современника" в статье "Вопрос о национальности и панславизм", Пыпин вновь отмечал, что "мечты о славянском союзе были слишком преждевременной фантазией". Славянский съезд в Праге показал, "как много нужно еще сделать, чтобы возможно стало единство, занимавшее... думы" славянских лидеров. "Фантом панславизма" уже не так сильно пугал Европу. Австрийские славяне помогли подавить венгерскую революцию; Россия вместо объединения под своей эгидой славян, "приняла в этом деле сторону Австрии". Панславизм обманул ожидания: "славянский мир не восстал как один человек", все были поглощены своими национальными интересами. События 1848 г., как полагал Пыпин, убедили в том, что "политический смысл" панславизму был придан слишком рано. Политический панславизм "не имел ничего или мало общего с действительными стремлениями славя-

славянских племен"⁸.

В книге "Панславизм в прошлом и настоящем" Пыпин, подчеркивая ограниченность идеи, провозглашенной пражским съездом, которая тем не менее оправдывалась условиями реальной жизни, объяснял, что ошибка славянских лидеров заключалась в увеличении надежд на перемены в государственном устройстве империи и излишнем доверии к австрийскому правительству. Вместе с тем он считал справедливым требование политической свободы славянских народов, без чего, по мнению Пыпина, невозможен был бы никакой славянский союз⁹.

Журнал "Русское слово" также коснулся Славянского съезда 1848 г., определив, что целью форума, собравшего выдающихся представителей славянских народов, среди которых были "замечательные литераторы и ученые", являлось "пробуждение народных сочувствий датским сближением всех славянских племен". Особо отмечалась антивенгерская направленность призывов к участникам съезда: "воспрепятствовать намерению Колута, который так решительно и упорно хотел подчинить мадьярскому господству и славян и румынов". Внимание именно к этому аспекту проведения съезда не случайно, так как демократическая печать (и, в частности, "Русское слово") уделяла большое и благожелательное внимание событиям революции в Венгрии, одновременно осуждая помощь со стороны славян в ее подавлении. Вместе с тем, рассматривая пражский съезд как воплощение законных требований славянских наций, журнал "Русское слово" отмечал, что славянское движение продемонстрировало свою демократическую направленность, и это обеспокоило австрийскую аристократию. Реакция правящих кругов оказалась неожиданной для славянских лидеров: князь А. Виндизгрец, командовавший австрийскими войсками в Чехии, подавил пражское восстание. Начались исследования славянских деятелей. С.Н. Палаузов, автор статьи "Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии", намекая на свое неодобрение австрославистской тактики чешских лидеров, писал в "Русском слове" о намерении

съезда "собрать все силы для спасения империи", но участники съезда не знали, что этим "решается порабощение самой Чехии"¹⁰. Он с полным правом мог писать об этом в 1861 г. после обнародования Февральского диплома, закрепившего поворот в сторону централизации, а не федерализации управления, на что надеялись руководители чешского и других национальных славянских движений в 1848 г. и в период революционной ситуации на рубеже 50-60-х гг. XIX в.

Журнал "Отечественные записки" в 1871 г., оглядываясь на события 1848 г., расценивал как неполюбопытную позицию руководителей съезда, и прежде всего председательствовавшего на нем Ф.Палацкого, который, по словам анонимного автора статьи "Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста", "провозгласил верность династии Габсбургов". Автор высказывал категоричное суждение о том, что съезд 1848 г. положительных результатов не принес¹¹.

Более развернутую оценку дает в том же журнале Р.И. Покровский в своем цикле статей "Рассказы из истории последнего пятидесятилетия (1816-1860)". Объясняя причины и задачи славянского форума, он пишет, что чехи "мечтали о федерации всех или, по крайней мере, австрийских славян"; для сосредоточения сил был созван Славянский съезд в Праге с участием представителей всех славянских народов (Покровский упоминает, что от русских на съезде присутствовал М.А.Бакунин, тем самым признавая за революционером-эмигрантом право представлять там русский народ). Как и Пыпин, автор приводит воззвание "Братья славяне!". Оценивая результаты съезда, он отметил и положительные моменты, связанные с ростом национального самосознания и политической зрелости славян: "Важных непосредственных результатов съезд не имел, - писал Покровский, - но он дал новый и сильный толчок стремлению славянских племен составить самостоятельную федерацию. Со времени этого съезда славянские племена стали теснее сближаться друг с другом и более, чем прежде, сознавать свою силу"¹².

К идее единого славянского государства демократические

журналы относились как к нереальной, равно как и к мысли о языковом сближении, напоминая читателям, что на съезде в Праге общим для всех славян языком был немецкий¹³ и тем самым намекая на то, что славянская взаимность – понятие скорее теоретическое.

Обращение демократической печати к такому нерядовому событию, как Славянский съезд 1848 г. в Праге, было не только данью интересу к одной из страниц истории славянских народов; оно позволяло соотнести идеи национально-освободительной борьбы австрийских славян 1848 г. и более позднего времени (недаром А.Н.Пыпин писал впоследствии, что речи чешских делегатов на московском съезде повторяли тему пражского съезда¹⁴).

Острота нерешенного национального вопроса в Австро-Венгерской империи не уменьшалась с годами; в других же регионах, населенных славянами, напряженность даже росла. На международной арене возникали различные политические комбинации, так или иначе затрагивавшие и славян. В то же время среди самих славянских народов идея славянского единства не была отброшена. Различные ее интерпретации продолжали существовать и вдохновлять своих сторонников. Одна из разновидностей этой идеи пропагандировалась в России славянофилами, которым и принадлежала мысль приурочить к Этнографической выставке 1867 г. в Москве славянский съезд.

"Современник" и "Русское слово" уже не могли отреагировать на этот съезд, поскольку были закрыты в 1866 г. "Колокол" – заграничное бесцензурное издание А.И.Герцена – приветствовал Этнографическую выставку и желал "всеславянскому съезду" успеха; но Герцен полагал, что съезд организован по инициативе русского правительства и потому относился с некоторым недоверием к этому мероприятию¹⁵. В России журналы "Дело" и "Отечественные записки", а также сатирический журнал "Искра" не обогли вниманием московский съезд. Собственно ход съезда эти журналы подробно не отражали. Демократическая периодика высказывала лишь свое отношение к славянскому форуму и его организаторам – своим

постоянным идейным противникам. Поэтому вполне понятна антиславянофильская заостренность этих оценок. Демократические журналы анализировали итоги съезда не по горячим следам событий, когда в обществе наблюдался определенный подъем славянолюбивых настроений, а спустя некоторое время, когда можно было более спокойно и объективно взглянуть на прошедшее.

Причину нового витка сближения славян и обращения их взоров к России журнал "Дело" усматривал прежде всего во внутренней политике австрийского правительства, основанной на принципе "разделяй и властвуй", и не удовлетворившей законные национальные устремления славянских народов, входивших в состав империи. В 1867 г., — лаконично резюмировало "Дело", — чехи приехали в Москву из Австрии, а вернулись в Австро-Венгрию. "Бейст несколько не скрывал своей политики; он прямо говорил, что прижимает славян к стене"¹⁶. Преобладание национальных интересов над общеславянскими отмечал политический обозреватель "Дела" Ж.Лефрэн (М.Э. Реклю): "Несомненно, — писал он, — что различные группы славянских народностей, подчиненных австрийской монархии, теперь еще не могут думать о создании какой-нибудь новой общеславянской империи; ими руководят, по преимуществу, местные интересы, играет роль лишь местный патриотизм". Вместе с тем он обращал внимание на рост симпатий славян к русскому народу, к России — "оттуда они ждут направления своей будущей деятельности". "Этнографическая выставка в Москве, — писал он также, — показала, что славянская идея существует, что она имеет силу и таких талантливых представителей, как Палацкий, Ригер, Полит, Субботич"¹⁷.

Несмотря на стремление к общению и взаимной поддержке, славяне, подчеркивал журнал "Дело", не желают образовывать единое славянское государство, будь то под эгидой России или другой страны, с единым языком и т.п. В выступлении лидера чешского национального движения Ф.Ригера на съезде в Москве говорилось, что славяне разделены и слабы, но у них большая будущность, если они будут помогать друг другу

и вместе пойдут к общей цели, для достижения которой есть два пути: "или полное единение, или разнообразие в гармонии". Ф.Ригер выступал за второй путь¹⁸.

Это же подтверждали и "Отечественные записки", напоминая, что в Москве Ригер отстаивал право какого народа на самостоятельность. Участие австрийских славян, и прежде всего чехов, в славянском съезде расценивалось журналом как демонстрация по отношению к австрийскому правительству, а не стремление к слиянию, как "показалось московским патриотам"¹⁹. На страницах "Дела" Н.В.Шелгунов также писал, что славянофилы не поняли причины, сведшей всех славян вместе в Москве, не поняли слов Ригера²⁰.

Продолжая эту тему спустя некоторое время, журнал "Дело" пояснял, что Ф.Ригер и Ф.Палацкий против политического объединения славян, как оно проектировалось нашими панславистами: "Чехи говорят, что они непрочь быть в союзе, но в союзе братском, а не братоубийственном", а в отношении России, которая якобы никого не притесняла и не подавляла ни одной национальности, у них "недоверчивость все-таки существует и поддерживается теми именно планами, при выполнении которых панслависты надеются встретить в славянах одни только братские симпатии"²¹.

Хочая показать, что не одни только демократы выступают против славянофильской и панславистской позиций в славянском вопросе, "Дело" привело высказывание харьковского профессора-правоведа Каченовского, заметившего, что "славянофилы придали этому съезду характер политический, что на этом съезде было выражено довольно ясное желание прибрать славян к рукам и прорывалось стремление к гегемонии над славянством и т.п."²²

Помимо других демократических журналов (и в отличие от них — во время событий) уделил внимание ходу и результатам Славянского съезда в Москве еженедельный сатирический журнал "Искра", поместивший немало карикатур, заметок и статей по этому поводу. Так, на одной из карикатур была изображена женщина, спрашивающая мужа, на каком языке объ-

слышатся все славяне, "неужели на нашем, на котором служат обедни?" - "Н-да... - отвечает муж, - только с немецким акцентом"²³. "Искра" иронизировала над славянофилами, которые старались убедить всех, что только на съезде в Москве впервые в полный рост встала "славянская идея"; журнал высмеивал организацию встречи участников съезда на Варшавском вокзале, меню обеда, придуманного М.П.Погодиным (от которого, как считала "Искра", гости будут вкаты). В посвященной съезду статье под названием "Братья-славяне и "русский", угощающий их "рубцами" из коров. й бруквицы"²⁷ отмечалось, что устроители съезда хотят между экзотическими блюдами русской кухни познакомить гостей "с социальным положением великой славянской земли"²⁴. Высмеивал журнал и стремление хозяев на приемах в честь гостей непременно придать всему "русский дух", даже вопреки здравому смыслу (переименовывая, например, чай в "китайскую травку", шампанское - в "шипучую водицу" и т.п.). При этом, отмечалось в "Искре", речи на съезде и на обедах говорили долго, половину не понимали, но слушали внимательно²⁵.

Как показала "Искра", участников съезда 1867 г. не сплывала единая идея (как это было в 1848 г.), и позиция гостей съезда резко отличалась от позиции славянофилов, которую журнал определял следующим образом: "Один кричит о том, что все славянские народы должны... соединиться в одно стадо"; другой доказывает необходимость "всем нам отрешиться от тлетворного запада, а иноземным славянам отрешиться вместе с тем и от своей народности, языка и проч." В результате, когда славянским представителям на съезде объяснили, что их "друзья славянофилы" говорят "о необходимости, для соединения с нами, отказаться им от своего языка, обычая... словом, обрусеть и нераздельно слиться в одну народность", они назвали славянофилов "немцами и сказали, что это чисто немецкая тактика"²⁶.

Подводя итоги съезда, "Искра" писала: "Мы ожидали увидеть приехавших наших братьев, нижних и оскорбленных, пришедших к нам поучиться уму и разуму, подивиться нашему

величию и силе", а увидели людей, "любящих независимость" и не желающих быть членами одного "стада". Поэтому финал съезда можно выразить формулой: "своя своих не познаша"²⁷.

Позже, в книге "Панславизм в прошлом и настоящем" А.Н. Пыпин, оценивая итоги съезда, отмечал несогласованность интересов его устроителей и гостей. Со стороны чехов, писал он, это была политическая демонстрация, адресованная австрийцам. В то же время со стороны России подобная демонстрация по отношению к дружественному государству была бы совершенно невыносима. Поэтому съезд "был не что иное, как платоническое заявление племенных сочувствий к славянству". Вместо демонстрации славянского единства съезд показал разлад среди славян, "недостаток взаимного понимания". Съезд не прояснил вопросов "славянской политической жизни". Но значение съезда Пыпин видел в том, что он дал "опыт наглядного обучения славянскому вопросу", способствовал личному сближению славянских деятелей, росту интереса зарубежных славян к России и русскому языку. Как в 1848 г. в Праге, так и в 1867 г. в Москве звучали предложения о проведении периодических съездов славянских ученых²⁸.

Единственным ощутимым результатом съезда демократическая печать считала распространение "панславистских бредней" в известных кругах общества. При этом отмечалось, что славянофильство "во всех своих оттенках - явление крайне ретроградное". По сближению славянофилов с М.Н. Катковым "можно судить, какому делу - сознательно или бессознательно" они служат. После 1867 г., писало "Дело", панславизм сделался новым модным течением и "панславистические мечтания стали отвлекать мысль от грустного положения внутренних дел"²⁹. Но всякая мода держится недолго. И через несколько лет "Отечественные записки" отмечали, что уже нет славянофилов "в чистом виде", что вряд ли можно услышать что-нибудь об "объединении славян путем федеративной свободы", вместо этого можно натолкнуться "на московскую византийско-церковную теорию или же на грубое,

языцейное хищничество". Так же, как в свое время "Современник", "Отечественные записки" на новом историческом этапе делали вывод, что нет "никаких серьезных данных для осуществления идеи панславизма, если под ним понимать слияние славян в государственном, культурном и всяком другом смысле - в одно племя"³⁰.

Русская демократическая печать 60-70-х годов не обращала внимания на славянские съезды. Различные интерпретации идеи славянской общности, возникавшие на съездах 1848 и 1867 гг., интересовали демократическую периодику прежде всего с точки зрения политического решения национального вопроса в многонациональных империях, поскольку этот вопрос был актуален и для России. Сама же по себе идея славянской взаимности не находила большого сочувствия у представителей русской демократической мысли, поскольку они постоянно выступали за совместную борьбу славянских и неславянских народов против своих угнетателей, не ограниченную рамками этнической общности.

Славянские съезды не ставили революционно-демократических задач перед славянскими национальными движениями, что могло бы вызвать больший интерес у демократической периодики. На оценке съездов сказывалось критическое отношение демократических кругов к панславизму, славянофильству и национальным славянским программам, объективная узорность которых для демократов еще более усугублялась из-за того, что для них самих наибольшую ценность представляло первоочередное решение социальных и экономических задач с использованием революционных методов борьбы. Неприятие славянофильской концепции особого развития славянского мира не позволило до конца объективно оценить славянские съезды. Так, демократическими журналами не был отмечен тот факт, что благодаря съездам, особенно последнему, и освещению их работы в печати русское общество ближе познакомилось с историей, обычаями и насущными проблемами других славянских народов, что оказывало влияние и на собственное национальное самосознание (это было впоследствии отмечено Пыпиным в его книге³¹).

Направленность демократической печати требовала прежде всего непримиримости по отношению к идеологии национальной, этнической, культурной, религиозной и прочей исключительности. Но сам факт, что славянские съезды освещались не только в органах печати либеральной и консервативной ориентации, но и в демократических журналах, свидетельствует об интересе к такому явлению, как славянские форумы, широких кругов русского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об отношении демократической печати к идее славянского единства подробнее см.: А к с е н о в а Е. П. Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах "Современника" (1854-1862) // Сов. славяноведение. М., 1980. № 4; О н а ж е. История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в журнале "Современник" (1863-1866 гг.) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981; О н а ж е. История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в русской революционно-демократической периодике 50-60-х гг. XIX в. Автореферат диссертации (канд.) М., 1984; О н а ж е. Журнал "Русское слово" (1859-1866 гг.) об истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы // История и историк.: Историографический ежегодник 1981. М., 1985; О н а ж е. Славянская проблематика в статьях А.Н.Пыпина в "Современнике" // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986; О н а ж е. Славянская проблематика в русской демократической печати конца 60 - начала 80-х гг. XIX в. // Общественная мысль и славистическая историография. Калужин, 1989; Д љ а к о в В. А. Славянская идея в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

2. Современник. СПб., 1861. № 3. Отд. 2. С. 19, 23.

3. Там же. С. 27.

4. Там же. 1859. № 4. Отд. I. С. 324-325.

5. Вестник Европы. СПб., 1878. № 9-12. Цит. по изд.: Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 128-129, 151.

6. Современник. СПб., 1859. № 4. Отд. I. С. 325; 1861. № 3. Отд. 2. С. 27.

7. Там же. 1859. № 1. Отд. I. С. 325-326, 329, 358, 370; 1861. № 3. Отд. 2. С. 27.

8. Там же. 1864. № 2. Отд. I. С. 502, 508, 509.

9. П ы п и н А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 131.

10. Русское слово. СПб., 1861. № 4. Отд. 2. С. 42-43.

11. Отечественные записки. СПб., 1871. № 6. Отд. 2. С. 393.

12. Там же. 1870. № 9. Отд. I. С. 90-91.

13. Слово. СПб., 1878. № 6. Отд.2. С.17.
14. Пыпин А. Н. Панславизм... С.128.
15. См.: Никитин С. А. Славянские комитеты в
России. М.; 1960. С.249.
16. Дело. СПб., 1878. № 9. Отд.2. С.57.
17. Там же. 1868. № 5. Отд.2. С.179-180.
18. Там же. 1870. № 9. Отд.2. С.155-156.
19. Отечественные записки. СПб., 1871. № 7. Отд.2.
С.164.
20. Дело. СПб., 1870. № 9. Отд.2. С.155.
21. Там же. 1871. № 4. Отд.2. С.105.
22. Там же. 1867. № 12. Отд.2. С.101.
23. Искра. СПб., 1867. № 19. С.234.
24. Там же. 1867. № 18. С.217-219.
25. Там же. 1867. № 21. С.254.
26. Там же. С.254-255.
27. Там же. С.255.
28. Пыпин А. Н. Панславизм... С.120-121, 123,
124.
29. Дело. СПб., 1871. № 4. Отд.2. С.102, 104.
30. Отечественные записки. СПб., 1878. № 4. Отд.2.
С.198.
31. Пыпин А. Н. Панславизм... С.124.

СЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД 1867 г. И УЧАСТИЕ В НЕМ
ЧЕШСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Славянский съезд в Москве в 1867 г. принадлежит к числу важнейших событий общеславянского характера XIX в. и поэтому достаточно хорошо изучен с разных сторон. Еще современники писали о нем обширные отчеты и сочинения¹, публицистические статьи и т.д. Особое место и в этой, и в более поздней литературе по праву отводится участию в съезде чехов. Именно об этом написано больше всего работ как чехо- словацкими, так и русскими историками, в том числе и в наше время². Об актуальности обсуждавшихся 126 лет тому назад на Славянском съезде проблем свидетельствует и проведение 1 июня 1993 г. специальной конференции. Правда, проблема принадлежит к достаточно хорошо изученным, но возрождение интереса к ней правомерно, так как исследователи нового поколения дают несколько иную интерпретацию событий более чем вековой давности. Имеются также и еще не введенные в научный оборот источники, показания которых, может быть, в корне и не изменят оценки изучаемого вопроса, но помогут уточнить многие детали и тем самым способствовать более глубокому освещению проблемы. Часть этих источников, а именно неопубликованные или вообще неизвестные письма русских и чешских ученых, и являются предметом настоящей статьи. В ней использована переписка русских ученых В.И. Ламанского, Н.А. Попова и И.И. Срезневского³ с чешскими учеными К.Я. Эрбеном и А. Патерой⁴. Привлечено также письмо Петербургского комитета по устройству выставки от 9 апреля 1867 г. в Палацком⁵.

Как известно, после реформ начала 60-х годов XIX в. в России оживилась научная жизнь, что выразилось, в частности, в создании научных обществ, главным образом при российских университетах. В 1863—1864 гг. в Москве возникло при университете Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), в среде которого и родилась

мысль об организации этнографической выставки народов России. К этому времени Русским географическим обществом (РГО) и отдельными лицами были уже собраны большие этнографические коллекции, обнародование которых могло бы способствовать становлению этнографии в России как самостоятельной науки. В ОЛЕАЭ сформировался выставочный комитет. В 1865 г. идея выставки получила одобрение и финансовую поддержку властей. Среди организаторов выставки было немало крупных ученых, по-видимому за границей подобные выставки и оценивших их большое значение для понимания народами самих себя, для формирования их национального самосознания. По инициативе слависта В.И.Ламанского, уже известного тогда своей активной деятельностью в этнографическом отделе РГО в Петербурге, а также приверженностью к России и славянству в духе славянофильства 60-х годов, на Всероссийской этнографической выставке был выделен славянский отдел, председателем которого стал профессор Московского университета Н.А.Попов, член Славянского благотворительного комитета в Москве, ученый также славянофильской ориентации. Попов хорошо изучил славянский мир во время своего научного путешествия в 1862-1864 гг., поддерживал активные связи с большинством славянских ученых и многими общественными деятелями, а 24 ноября (ст. стиля) 1865 г. реализовал свой план создания славянского отделения выставки, получив для этого необходимые финансовые средства. Попов обратился за посредничеством к М.Ф.Раевскому, священнику русского посольства в Вене, известному приверженцу славянской идеи, обладавшему широкими связями с учеными обществами и отдельными деятелями Австрийской монархии. Для объяснения целей и характера выставки Раевский издал анонимно специальную брошюру⁶.

Русские слависты XIX в., как и вся интеллигенция, искренне стремились к тому, чтобы Россия, заторможенная в своем развитии - в том числе и в области науки - неблагоприятными историческими факторами, вошла в число стран культурных и развитых, преобразилась в области просвещения и науки и приблизилась к переловым европейским государствам.

Они энергично работали на благо своей родины, а поездки за границу использовали для накопления научного опыта и приумножения интеллектуальных богатств страны. Это были истинные русские патриоты. Здесь нелишне упомянуть, что среди российских ученых было много лиц русского происхождения. Немцами в этом смысле можно считать, например, А.Ф.Гильфердинга, В.Э.Регеля, К.Я.Грота, Р.Ф.Брандта и многих других. А.Л.Дювернуа был наполовину французом, В.И.Григорович, В.В.Макушев, В.А.Францев – наполовину поляки. Таким образом, дело не в национальности, а в том, что в менталитет российского ученого входили такие элементы, как чувство долга и любви к родине, стремление работать на благо общества, на дело развития в нем просвещения и науки.

Именно с учетом психологических особенностей этих людей XIX в. следует, на наш взгляд, оценивать и этнографическую выставку, и славянский съезд 1867 г. в России. Кажется, этому мероприятию придается больший политический смысл, чем оно имело в действительности. Задача выставки и приглашения на нее славян состояла в том, чтобы дать им возможность ближе познакомиться с Россией, изолированной от Европы реакционным николаевским режимом. Ведь Россия подчас представлялась Европе страной дикарей. Этнографическая выставка должна была способствовать общению ученых и деятелей культуры. Недаром приглашения рассылались научным обществам, крупнейшим славянским историкам, литераторам, художникам, музыкантам и др.

Так, И.И.Срезневский писал К.Н.Эрбену 22 марта 1867 г.: "Вы, конечно, знаете, что в Москве готовится этнографическая выставка и что на эту выставку ожидают гостей и славянских ... Все это может удался и принести нравственную пользу. Последнее одно для меня важно и ценно, и тесно связано с личностями тех, которые приедут. Чем они будут достойнее общего уважения, тем все дело более выиграет с нравственной стороны. Само собой разумеется, что достойными общего уважения могут быть только те, которые отличаются са-

мостоятельными знаниями, услугами в науке, литературе, искусству и т.д. Важно, чтобы они были у нас признаны и оценены; важно, чтобы и сами они нас у нас и оценили ... Приезжайте сами, испытайте сами, как мы, русские, умеем или не умеем ценить заслуги Ваши и подобных Вам ... Иным, может быть, помешают политические виды, хотя во всем деле с корня до шелухи нет ничего политического, да и быть не может и не должно..."⁷.

Впрочем, в организации выставки участвовали и славянофилы, поднимавшие славянский вопрос в публицистике того времени, то есть люди, причастные к политической жизни. Конечно, они не могли упустить случая обсудить интересовавшие их проблемы в ходе личных встреч с представителями иных точек зрения, так что на выставку приглашались и политики, которые, впрочем, являлись в основном и крупными деятелями славянской культуры и науки.

Официальные органы России не участвовали в организации выставки и съезда, которые не имели антиавстрийской направленности, как утверждала и тогда и позднее немецко-австрийская и венгерская журналистика. Александр II и его правительство строго следили за тем, чтобы официальные лица не высказывались о съезде публично. Славянский съезд вообще не имел четкой программы; заседания не предусматривались, произносились лишь речи на банкетах, празднествах и прочих подобных мероприятиях.

Политическую остроту придали этим встречам глубокая неудовлетворенность славянской общественности установлением именно в 1867 г. дуализма в Австрийской монархии. Особое недовольство вызвал австро-венгерский дуализм у чехов. Его утверждение означало крах многолетней чешской политики федерализма, и в результате чешские политические деятели обратили взоры на Россию как на гипотетического защитника славян; это было выражением протеста против политики Австрии. Кроме того, галицийские поляки тревожились на сейме за дуализм, чем показали, что заботятся лишь о собственных интересах. Чехи оказались в изоляции. Нача-

лась переориентация чешских политиков. Широко распространенные ранее полонофильство и неприязнь к России в связи с подавлением польского восстания 1863-1864 гг. теряли теперь в Чехии своих сторонников. Вновь усиливаются прорусские настроения. 21/7 апреля 1867 г.⁸ А.Патера писал В.И.Ламанскому: "У нас наступил невероятный поворот в политике. Польская партия усохла до нескольких духовно обанкротившихся кавалеров ... Юлиус Грегр уже полностью убедился, что они оказались со своей политикой на мели, и начинает от нее отворачиваться. Он просил Раевского и Эрбена о разрешении поехать с нами, на что они согласились. Грегр еще является наиболее приличным из полонофилов. Пусть хотя бы узнает Россию, и "Народни листи", может быть, станут писать более разумно".

В связи с указанными обстоятельствами в Чехии наступает мода на русофильство. Приглашения на этнографическую выставку в Москве были посланы практически всем известным чешским ученым. Направлялись они через М.Ф.Раевского от имени Выставочного комитета, а также самостоятельно отдельными русскими учеными. Так, Срезневский в письме К.Я.Эрбену замечал: "Хотелось бы видеть в числе гостей Палацкого, Ригера, Браунера, Гатталу, Воцеля, Гамерника"⁹. Н.А.Попов 3(15) апреля 1867 г. писал Эрбену: "Надеюсь, что Вы сами не откажетесь принять участие в ... посещении выставки ... просим Вас пригласить и других, Ранка и Патеру"¹⁰. А в упомянутом уже письме от 21/7 апреля 1867 г. Патера извещал Ламанского, что Ф.Палацкий "сегодня получил письмо от Погодина и Попова из Москвы, которые приглашают его на выставку". Устроителям присутствие Палацкого было особенно важно. 9 апреля направляет ему приглашение и петербургский Комитет по приему славянских гостей. В письме говорится: "Мы с величайшей радостью узнали, что Вы, Милостивый Государь, вместе с гг. Ригером, Браунером, графом Гаррахом, Гамерником, Эрбеном и другими достойными соотечичами намереваетесь приехать в Москву на этнографическую выставку. Учрежденный в С.Петербурге Комитет для приема славянс-

ких гостей поручил н.м засвидетельствовать Вам, Милостивый Государь, и достойнейшим друзьям Вашим, собирающимся в Россию, свое горячее нетерпение увидеть в Петербурге знаменитейших подвижников братского народа. Мы имеем также передать Вам покорнейшую просьбу Комитета, чтобы Вы, Милостивый Государь, и Ваши спутники предварительно, до посещения Москвы, благоволили остановиться на несколько дней в нашей столице для временного отдыха от утомительного переезда, для осмотра важнейших ее достопримечательностей и для принятия от многих и многих здешних жителей искренних выражений глубокого сочувствия к славным трудам и подвигам Вашим и других доблестных поборников Славянской идеи на Западе".

Особенно желателен был проезд чехов русским славистам. Они считали, что появление таких гостей расширит интерес к славянам в русском обществе. Само присутствие крутых чешских ученых на этнографической выставке могло очень повысить ее престиж. 21 марта 1867 г. В.И.Ламанский писал А.Патере: "Вы знаете, общество русское мало до сего времени занималось славянством. Теперь оно заинтересовалось, устраивает славянские праздники, приготовляет огромный обед с речами и здравицами славянскими, а Вы — моток или спиной к нам поворачиваетесь. Это было бы с Вашей стороны неостаточно глупо. Поговорите об этом с Палацким, Ригером, Браунером. Уговорите их приехать. Поймите же, что мы, немногие интересующиеся славянством в России, сядем таким образом на бобах, останемся в дураках. Для Вас дурно будет, если от чехов не будет никаких умных, дельных представлений. По приезде к нам чехам будут судить обо всех чехах".

Чехи, однако, не торопились, особенно те, кого в России желали видеть в первую очередь. 17 марта 1867 г. Эрбен сообщил Срезневокому, что "... пан Кличек, пражский помещик и славянин телом и душой, едет в Москву, что бы быть на открытии славянской русской этнографической выставки"¹¹. Также в Патера известил Ламанского 24(12) марта

1867 г., что "на прошлой неделе в Москву уехал на выставку Елинек, сын богатого купца из Праги ... Он был, говорят, большой полонофил, что можно объяснить его поверхностным знанием славянских отношений ... Надеюсь, что в России он поумнеет и приобретет здравые взгляды на славянство ... Видите, как изменилось у нас общественное мнение, и наши полонофилы становятся разумными".

Однако остальные приглашенные на выставку чехи не прислали положительного ответа. Причины были различными. Одних смущали расходы, других — политические соображения. Так, К.М.Эрбен писал Н.А.Попову 9 марта 1867 г., что едва ли сможет предпринять столь далекое путешествие, хотя рад был бы увидеть "Москву матичку" . "Я уже не молод, — продолжал Эрбен, — временами бываю нездоров, а к тому же и финансовый вопрос требует серьезного размышления"¹². Пете́ра тоже жаловался Попову, что служба едва обеспечивает ему существование¹³. На эти колебания нетерпеливый В.И.Ламанский отвечал так: "Только послушайте, что вы делаете, что вы творите. Бабы Вы страшные. Ну, как Вам не стыдно, что вы не едете в Москву на выставку? извольте непременно собираться — слышите? Денег на это Вам очень немного будет нужно. Довольно будет 200 гульденов". Русский славянофил соблазнял гостей тем, что все будет даровое. "Будут наняты квартира, стол, обед, чай, завтрак, экипажи. По железной дороге в Москву отправим Вас даром. Теперь речь идет о том, чтобы отправить Вас даром из Петербурга до границы. Стыдно, позорно будет, если из Ваших порядочных людей — хороших ученых — никто не приедет ... Вам жить в России ничего не будет стоить. Смотрите, если не приедете, дрянь, бабы и тифляки Вы будете. А Гаттала? И ему бы надо. А Гамерник? Зовите его, ради Бога! Его в России хорошо знают. Мы Вас угостим на славу. Узнаете русские хлеб-соль. Из Питера вместе со мной поехали бы в Москву ... В Москве бы устроили славянский съезд ученых историков, археологов и этнографов". Наконец, Ламанский добавлял, что Петербургский выставочный комитет отправил Ф.Палацкому вместе с

письмом 15 билетов Варшавско-Петербургской дороги I класса.

Перспектива даром совершить увлекательное путешествие в Россию и отведать русскую хлеб-соль сразу подняла русофильство чехов. Если в марте 1867 г. К.Я.Эрбен сообщал Н.А.Попову, что из Праги собираются ехать 6-7 человек¹⁴, то к 17 апреля их число, по сведениям того же Эрбена, возросло до 14, и среди них были Палацкий, Ригер, Браунер, Гамерник, барон Виллани, Коларж, Патера, Вртятко и др.¹⁵ А.Патера в письме В.И.Ламанскому, датированном 21/7 апреля 1867 г., добавил еще имена Черного, Скрайшовского, Ю.Грегера, Кубисты, Скрживана, Палац его-сына и др. "Из Вены поедут из чехов художник Свобода и музыкант Товачовский. Многие хотят ныне ехать", - заключает Патера свое сообщение.

Однако для ведущих чешских политиков поездка в Россию имела в первую очередь политический смысл и расценивалась как одно из средств давления на австрийский кабинет. С этим было связано посещение Ф.Палацким и Ф.Л.Ригером Парижа. Вожди старочехов хотели прозондировать возможность привлечения на свою сторону французских правительственных кругов. Но их ждало горькое разочарование. Франция Наполеона III было безразлично, как организовано управление в Австрия, ей было важно, чтобы Австрия стала надежным и мощным союзником в борьбе против Пруссии. Чешский вопрос был во Франции мало известен. А польская консервативная и демократическая эмиграция в Париже осуждала Московскую выставку и расценивала ее как сборище панславистов, каковым она, конечно, вовсе не являлась.

Палацкий и Ригер искали международную опору для решения чешского национального вопроса. 15 мая 1867 г. они оставили Париж и направились через Берлин в Варшаву, где, как сообщал Патера в неоднократно упоминавшемся уже письме от 21/7 апреля, им предстояло встретиться с остальными членами чешской делегации и представителями других славянских народов. В конечно счете из Чехии прибыла в Россию

самая большая делегация — 24 человека (а всего славянских гостей было 81). Ср. в чехов имелись политики различных направлений, но и старочехи, и младочехи были взбудоражены событиями в Австрии и неудачами в попытках найти союзников. Все это политизировало обстановку и вызывало пристальное внимание австрийского правительства, став причиной его дипломатического демарша перед царским двором. Однако Александр II в разговоре с послом Австро-Венгрии выразил свое отношение к чехам и их приезду в Россию так: "Верно, что имеют место симпатии (между славянами. — Л.Л.), но австрийский государь никак не должен предполагать, что я хотел бы переманить у него подданных. Приезд чехов и все эти демонстрации претят мне, я ничем им не способствовал, лишь жалею их"¹⁶. Таким образом, несмотря на то, что в период съезда состоялось обсуждение позиций русских и чешских деятелей по вопросу путей развития славян, эта встреча, о которой немецко-австрийская и венгерская пресса писала как о панславистском сборище, политических последствий не имела.

Что касается этнографической выставки, то она своей целью достигла. К.Я.Эрбен писал Н.А.Попову, что она "чрезвычайно важна" для обогащения науки¹⁷. Впрочем, вообще-то чехи, в отличие, например, от южных славян, мало способствовали успеху выставки предоставлением этнографических материалов. В самом начале ее подготовки, 15(27) октября 1866 г., Н.А.Попов писал А.Патере: "Из чешских земель едва ли будем иметь много вещей". Ситуация в Чехии была тяжелая, в Праге и других местах стояли прусские войска, население терпело нужду. А.Патера на просьбу о присылке на выставку экспонатов ответил Попову, что выполнить ее не может: "Я говорил с некоторыми нашими знаменитыми деятелями, но они пожертвовать ничего не могут на закупку чешской одежды, и у меня тоже нет средств, чтобы что-то купить, хотя очень хотел бы, чтобы на Вашей выставке мы были достойно представлены ... и буду стараться прислать Вам несколько этнографических картинок". Патер-

ра был также готов составить этнографическую статью о чехах¹⁸. Зато, правда, К.Л.Эрбен послал на выставку четыре костюма домажлицкого и пльзеньского регионов, которые, как он писал, получил от друзей по дешевке или даром, заказав за умеренную цену и новые. Эрбен сожалел, что не смог приобрести богатых праздничных одежд зажиточных пльзеньских крестьян, так что пришлось ограничиться одеждою слоев более бедных. Чешский этнограф прислал на выставку также фотографии и описания народной одежды, чтобы Попов мог организовать их изготовление в Москве¹⁹.

О пребывании чешских гостей в России подробно писали русские газеты и журналы того времени. Но в переписке, имеющейся в нашем распоряжении, есть сведения лишь о том, что некоторые чешские газеты называли всех поехавших на выставку предателями чешского народа.

Таким образом, процитированные выше письма чешских и русских ученых дают возможность уточнить характер подготовки и проведения того мероприятия, которое получило название московского славянского съезда 1867 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: /Ш о п о в Н. А./ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867; Pout' slovanství do Ruska roku 1867 a její vyznam. Praha, 1867.

2. K a z b u n d a K. Pout' Cechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie. Pr., 1924; P r e l o g M. Pout' slovanství do Moskvy r. 1867. Pr., 1931; S e s t a k M. Pout' Cechů do Moskvy r. 1867. Pr., 1986; Л е о в е д е в а О. В. Концепция славянской взаимности в России и в Чехии в 60-х - начале 70-х гг. XIX в. М., 1991 (кандидатская диссертация); О н а ж е. Дневник Франтишка Скрейшовского как источник о поездке чешской делегации в Россию в 1867 г. // Идеино-политическая борьба в странах Европы в Америке. М., 1988.

3. Письма В.И.Ламанского и Н.А.Попова к А.Патере см.: Literární archiv Památníku národního písemnictví (Praha). Pozůstalost A.Patery. Korespondence. (Все ниже приводимые цитаты в ссылке на данные письма имеют в виду этот фонд). Письма И.И.Срезневского и Н.А.Попова к К.Л.Эрбену опубликованы в кн.: Slovanská korespondence v cizím korespondentu. Pr., 1971 (далее - СКЕ). S. 261-326, 267-272.

4. Письма А.Патеры к В.И.Ламанскому см.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (далее - ПФ ААН). Ф.350. Оп.1. Д.1077, письма А.Патеры к Н.А.Попову - ОР РГБ. Ф.239. Папка 15. № 41.

5. Письмо хранится в указанном фонде Ламанского ПФ ААН. Ф.350. Оп.1. Д.1077.

6. Die russische ethnographische Ausstellung in Moskau. Wien, 1866.

7. SKE. S. 301-302.

8. Именно так, с ошибкой, датировано письмо в оригинале, и непонятно, написано ли оно 21(9 по старому стилю) или 19 (7 по старому стилю) апреля. О местонахождении всех использованных ниже неопубликованных писем А.Патеры к В.И.Ламанскому см. примечание 4.

9. SKE. S. 302.

10. Ibid. S. 271.

11. Ibid. S. 300.

12. Ibid. S. 269.

13. ОР РГБ. Ф.239. Папка 15. № 41. Письмо от 1 октября 1866 г.

14. SKE. S. 269.

15. Ibid. S. 272.

16. S e s t a k M. Ср. cit. S. 29.

17. SKE. S. 270.

18. ОР РГБ. Ф.239. Папка 15. № 41. Письмо от 1 октября 1866 г.

19. S. E. S. 268-269.

А.А.МАЙКОВ НА СЛАВЯНСКОМ СЪЕЗДЕ 1867 Г.

Нет ни одного русского человека, которому была бы не известна фамилия Майковых. Этот старинный дворянский род дал талантливых поэтов (Аполлон Николаевич и Аполлон Александрович-старший), художников (Николай Аполлонович), ученых (Аполлон Александрович-младший и Леонид Николаевич). Принадлежность к одной фамилии и схожесть имен вносили определенную путаницу как в их жизнь, так и в историографические исследования. Особенно не везло в этом плане А.А. Майкову-младшему (1826-1902) - общественному деятелю и слависту, автору первого фундаментального труда по истории средневековой Сербии. Его работы приписывались то деду (полному тезке), то двоюродным братьям.

До сих пор считалось, что только Л.Н. и А.Н.Майковы участвовали в организации и проведении Славянского съезда в Москве. Неточность закралась даже в исследования такого авторитетного ученого, как С.А.Никитин. В его статье о славянских съездах, вышедшей в 1948 г., и в монографии "Славянские комитеты в России" упоминалось, что с докладом на заседании Общества любителей российской словесности выступил поэт А.Н.Майков¹. Между тем эта речь принадлежит слависту А.А.Майкову, о чем свидетельствует список его печатных трудов, составленный М.Полиевктовым по записной книжке ученого² и публикация в "Славянском ежегоднике" 1876 г.³ Чем объяснить неточность современных исследователей? Оказывается, что в самой публикации материалов съезда 1867 г. была допущена ошибка: перед текстом выступления Майкова значились инициалы А.А., а после текста указывалось, что "речь А.Н.Майкова покрыта была продолжительными аплодисментами"⁴. В последующих публикациях этого доклада отчество автора обычно опускалось⁵. К тому же А.Н.Майков в то время был уже широко известным поэтом, он входил в Петербургский комитет по приему славян и выступал

II мая на торжественном обеде в зале петербургского Дворянского собрания⁶, а А.А.Майков, знакомый узкому кругу специалистов, был приглашен на съезд лишь в качестве гостя, как один из членов Славянского комитета. Между тем материалы Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки в Петербурге позволяют сделать вывод о тщательной подготовке А.А.Майкова к съезду.

Сохранилось несколько черновых записей, включенных в опись в качестве статей или набросков статей Майкова и датируемых сотрудниками Отдела рукописей 70-ми годами XIX в. Однако есть основания считать их подготовительными материалами к выступлению на Славянском съезде 1867 г. Во-первых, это общая проблематика — идея славянского единства, которая, как известно, доминировала в славянофильских кругах в период проведения съезда. Во-вторых, своеобразная лексика рукописей. Например, одна из работ заканчивалась следующими словами: "Представители всего славянства с возвышенными, чистыми намерениями сошлись здесь в центре России. Почти память Добровского, Ганки, Шафарика, Коллара, Карджича..."⁷. Отдельные части других рукописей вошли в окончательный текст доклада. Эти материалы свидетельствуют о том, что замысел выступления несколько раз менялся.

Первоначально А.А.Майков хотел показать в своем докладе истоки идеи славянской взаимности, поставив во главу угла официальные отношения с южными славянами. В согласии со славянофильской концепцией, он подчеркивал, что "в мечтах Иоанна Грозного и Бориса Годунова, в послании царя Алексея Михайловича ко всем европейским государствам высказывалась исключительно религиозная забота об освобождении христиан от ига мусульманского"⁸. С такой же религиозной целью приходил из Афона в Москву архимандрит Исаия. Идея же политического объединения славян, высказанная Юрием Крижаничем, не нашла в то время положительного отзыва ни у Алексея Михайловича, ни в России вообще.

Лишь при Петре I положение изменилось. По выражению

А.А.Майкова, Петр "сразу поставил политику на славянскую почву и повел ее наступательно как против Турции, так и против Австрии"⁹. Однако объективные условия выдвигали на первое место другую внешнеполитическую задачу – возвращение исконно русских земель в Причерноморье и Прибалтике, поэтому славянские дела были преданы забвению. Лишь с Черногорией у России сохранились более оживленные отношения и то благодаря поездкам черногорских митрополитов, а поэтому они практически не выходили за пределы церковных контактов. Майков доказывал, что даже Екатерина II не прониклась идеей освобождения славян: "...ее соглашение с Иосифом II, которому отдавала часть Болгарии, – писал ученый, показывает, что Россия действовала своекорыстно и не связывала свои интересы с интересами славян"¹⁰.

Однако вскоре А.А.Майков серьезно перерабатывает рукопись. Во-первых, он значительно расширяет хронологические рамки и рассматривает идею славянской взаимности на протяжении X–XIX вв. Во-вторых, включает материалы не только о южных, но и о западных славянах. В-третьих, пытается проследить, какие социальные слои в различные исторические периоды были носителями идеи славянской взаимности.

Первым славистом он фигурально называет Нестора, который привел в летописи сведения о расселении славян и древнейшее сказание о братьях Чехе, Лехе и Русе. В этом предании Майков увидел народное "потомственное сознание взаимного родства славянских народов"¹¹. Он считал, что в X–XI вв. у восточных, южных и западных славян существовали наиболее тесные и разнообразные связи: «Вокруг киевского великокняжеского престола сходились другие славянские державники: болгарский, польский, чешский и, как говорит летопись, "и от мир между ними и любви"»¹². Это славист объяснял в первую очередь благоприятной духовной атмосферой, символом которой были Кирилл и Мефодий.

В течение XIV–XVII вв. политические контакты между славянами ослабевают. Хранителями идеи славянской взаимности в это время выступают религиозные деятели (митрополит Кип-

риан, охридские архиепископы и т.д.). В новую фазу связи России со славянами вступают в начале ХУШ в., когда вновь возник интерес к зарубежным славянам, но он диктовался исключительно политическими соображениями (борьбой с Турцией за Черное море), ограничивался южными славянами и "в самом народе не было еще славянской мысли". Причину этого А.А.Майков видел в неразвитости национального самосознания русского народа. Толчок к его пробуждению дала Отечественная война 1812 г. Она стимулировала изучение древнерусской общины, земских соборов, форм землевладения на Руси. От анализа собственной истории ученые перешли к сравнительному изучению славянства. К.Ф.Кагайдович, П.И.Кеппен, И.Добровский, В.Караджич, А.Х.Востоков, А.С.Шишков – этим и еще небольшому кругу образованных людей была понятна в конце ХУШ – начале ХІХ в. идея языковой, этнической, культурной и исторической общности славян¹³.

А.А.Майков считал, что между наукой и жизнью существует диалектическая связь: действительность показывает науке новое направление исследования, а наука, в свою очередь, пробуждает общественное сознание, "новые знания от отдельных личностей переходят к целому народу"¹⁴.

Однако текст доклада во втором варианте получился слишком обширным – он занимал более 25 страниц. И Майков принимает неожиданное решение: отказаться от рассмотрения идеи славянской взаимности и попытаться проследить процесс развития славяноведения в России. Речь А.А.Майкова стала вторым после статьи П.А.Лавровского в чешском журнале¹⁵ выступлением по истории отечественного славяноведения. Начало славистики как науки Лавровский относил к 20-м годам ХІХ в. Основание кафедр славянских наречий, по его мнению, было гранью между первым и вторым периодами славяноведения. Эту точку зрения позже разделяли А.Н.Пыпин и А.А.Кочубинский¹⁶. Майков же само зарождение славистики связывал с открытием славянских кафедр в университетах. "До открытия славянских кафедр, – говорил он на съезде, – славяноведение проявлялось у нас только отрывками и не имело своей

самостоятельной разработки"¹⁷. Весь предыдущий период он называл подготовительным, который характеризовался накоплением знаний о природе, обычаях, языке, археологических и письменных памятниках "единоплеменных и единоверных народов". Этой точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи, например, Л.П.Лаптева, датирующая первый этап в развитии русского славяноведения 30-60-ми гг. XIX в.¹⁸

Доклад А.А.Майкова несколько выбивался из общего тона выступлений на съезде. Особенно не вписывался он в программу 20 мая. Это был последний день официальных приемов в Москве, преобладали поэтические выступления. До Майкова прочли приветственные стихотворения кн.Цертелева и О.Ф.Миллер, после Майкова со стихами выступили И.С.Аксаков и Б.Н.Алмазов, изобиловал поэтическими строками доклад П.А.Бессонова. Их выступления то и дело прерывались громом рукоплесканий, возгласами "Слава!", "Браво!", "Живо!", чтение некоторых строф повторялось несколько раз, то есть вокруг царяла атмосфера праздника, гости не были настроены на слушание серьезных научных докладов. Не случайно в десяти страницах текста речи А.А.Майкова мы не найдем ремарок об аплодисментах, а после доклада председательствующий вынужден был объявить перерыв на несколько минут. Однако это выступление не осталось незамеченным. По окончании съезда оно было опубликовано в ряде журналов.

В оценке съезда А.А.Майков принадлежал к числу тех русских и зарубежных его участников, которые остались недовольны итогами. Из воспоминаний О.Ф.Миллера известно, что некоторые из иностранных гостей хотели, "освободившись от обедов с речами, осмотра разных достопримечательностей и т.п., выехать из столицы, чтобы заглянуть хоть налетом в деревню"¹⁹. Майков, видимо, был одним из немногих русских, которые считали, что Россия должна предстать перед зарубежными славянами не только с парадной, торжественной, но и с будничной стороны. Однако такой возможности участникам съезда не предоставили. Это вызвало у Майкова чувство разо-

чарования: "Они (т.е. славяне. - О.Х.) шли в Россию за делом, - писал он позже, - чтобы вблизи, непосредственно, ощупать, узнать, облобызать то, что издали манило их, что давало им отвагу, возбуждало в них гордость; а русские, пятась от них назад, угощали их орехами и яствами и питьями, немощною чувствительностью бесстрастия, бесплодными словопрениями умственного слабосилия"²⁰. Будучи противником политического объединения славян под эгидой России²¹, не разделяя идею создания общеславянского языка²², А.А.Майков в то же время считал, что официальные круги и русская общественность не должны оставаться в стороне в деле освобождения славян. Поэтому известие о репрессиях австрийского правительства против И.Субботича и М.Полит-Десанчича, вернувшихся из Москвы, славист прокомментировал словами: "Россия выдала их врагам"²³.

Славянский съезд 1867 г. стал своеобразным поворотным пунктом в судьбе А.А.Майкова. Здесь он познакомился со многими общественными деятелями Сербии, в частности с писателем, профессором из Нового Сада Лазарем Костичем и журналистом Даниилом Мадаковичем, известным по изданию сочинений Досифея Обрадовича. Переписка с ними, завязавшаяся после съезда, продолжалась до начала 80-х годов и позволяла Майкову быть в курсе событий, происходивших в южнославянских землях²⁴. Видимо, сознавая, что и после съезда славянские симпатии не охватывали широких слоев общественности, а большинство русских периодических изданий, касаясь событий на Балканах, ограничивается спокойной констатацией фактов, А.А.Майков начал активно сотрудничать с рядом газет. Только в 1868 г. "Русские ведомости" более 20 раз помещали его статьи в качестве передовых. Они стали, по словам современника Майкова М.Полиевктова, "смелой летописью славянского вопроса"²⁵. С этого времени борьба южных славян за свободу, проблемы сохранения национального языка и самобытности становятся главной темой в творчестве А.А.Майкова, отодвинув на второй план средневековые сюжеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н и к и т и н С. А. Славянские съезды шестидеся-
тих годов XIX в. // Славянский сборник. М., 1948. С.60;
О н ж е. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг.
М., 1960. С.287.
2. Известия Санкт-Петербургского славянского благотвори-
тельного общества. СПб., 1902. № 3. С.31.
3. Успехи славяноведения в России до 1872 г.: По А.А.
Майкову, П.А.Лавровскому и А.А.Котляревскому // Славянский
ежегодник: Календарь на 1876 г. Киев, 1876. С.1-48.
4. Всероссийская этнографическая выставка и славянский
съезд в мае 1867 г. // Университетские известия. Киев, 1866-
1867. № 8-9. С.890, 899.
5. М а й к о в А. О славяноведении в России // Беседы
в Обществе любителей российской словесности при Императорс-
ком Московском университете. М., 1868. Вып.2. Приложение.
6. Всероссийская этнографическая выставка... С.730.
7. ОР ГПБ. Ф.452. Оп.1. Д.78. Л.23.
8. Там же. Д.129. Л.3.
9. Там же. Л.4.
10. Там же. Л.4 об.
11. Там же. Д.78. Л.1 об.
12. Там же. Л.2.
13. Там же. Л.16 об.
14. Там же. Л.12.
15. Casopis Mizea Království Českého. Pr., 1860. N 2.
16. П и п и н А. Н. История славянских литератур.
СПб., 1879-1881. Т.1-2; К о ч у б и н с к и й А. А.
Начальные годы русского славяноведения... Одесса, 1887-
1888.
17. Всероссийская этнографическая выставка... С.895.
18. Л а п т е в а Л. П. Основные линии развития
научного славяноведения в России в XIX - начале XX вв. //
Вестник Московского университета. Сер.8. М., 1977. № 2.
С.54.
19. М и л л е р О. Ф. Славянство в Европа. СПб.,
1877. С.84.
20. ОР ГПБ. Ф.452. Д.137. Л.1.
21. М а й к о в А. А. Всеславянство // Беседа. М.,
1871. № 3. С.261.
22. О н ж е. Вступительная лекция адъюнкт-профес-
сора русской словесности г.Майкова, читанная 20 января
1858 г. М., 1858. С.42-43.
23. ОР ГПБ. Ф.452. Д.137. Л.1 об.
24. Там же. Д.274, 291.
25. П о л и е в к т о в М. А.А.Майков // Известия
Санкт-Петербургского славянского благотворительного об-
щества. СПб., 1902. № 3. С.26.

"ТАЙНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД" 1868 г. В ПРАГЕ

Одним из решений московского Славянского съезда 1867 г. предусматривалось, что последующие съезды представителей славянских народов будут проводиться ежегодно, причем местом очередного съезда был избран Белград. Однако в 1868 г. в связи с закладкой Чешского национального театра наиболее известные национальные и культурные деятели славянских народов получили возможность встретиться в Праге. Довольно подробные сведения об этой встрече сообщает чешский историк В.Жачек в статье "Попытки созыва славянских съездов после 1867 г."¹

Он отмечает, что о встрече 1868 г. как о "втором пражском. - Г.Х.) славянском съезде или о "тайном славянском съезде" до 1968 г. упоминалось только в советской и западной литературе². "Тайным" съезд был назван потому, что кроме торжественных публичных церемоний закладки 16-17 мая Национального театра представители славянских делегаций и видные чешские деятели провели 18 мая в ресторане парка "Стромовка" конфиденциальную встречу, о которой не сообщалось в печати. Материалы о встрече, по словам В.Жачека, сохранились лишь в архивах России³.

Чешские организаторы пригласили на торжества в Прагу 149 выдающихся славянских деятелей. В их числе было 53 русских, 7 украинцев, 20 поляков, 9 словаков, 57 представителей южных славян и 3 лужицких серба. Это было намного меньше, чем на предыдущих славянских съездах, но в составе участников сравнительно со съездом 1867 г. необходимо отметить нечто новое - присутствие поляков.

Правда, польские участники второго пражского съезда были людьми мало известными в политических и культурных кругах. Исключением являлся композитор С.М.Онюшко, которого, однако, привели в Прагу скорее личные, чем общественные интересы. Патриотически настроенные поляки, например, известный писатель И.Ю.Крашевский или польские эмигранты

объясняли свое неучастие в торжествах присутствием на них русских. Эмигрантов представляла группа сотрудников журнала "Польша", в котором говорилось: ... "называть представителями наряду с Уейскими, Полями, Либельтами, Смоцкими и Болеславитами ... Катковых, Лионтьевых, Аксаковых и Краевских и ставить одних рядом с другими - это, по меньшей мере, означает насмеяться над несчастьем польского народа, насмеяться над истинным патриотизмом!". Поляки, хотя и не препятствовали чехам объединяться с русскими, отстаивали для себя свободу "объединяться с теми, кто не оудет держаться вместе с Москвой. Славянство имеет выбор только между Польшей и Москвой; союз с обеими одновременно никогда не получится. Вы сторонитесь Польши, сторонитесь Европы и западной цивилизации, которая Вас питала; выступая рядом с Москвой, Вы выступаете против нас, против наших прав и против всей европейской семьи, с которой Вы связаны кровью и духом"⁴. Все же некоторые видные польские деятели (например, поэты К.Уейский, И.Закшевский), прислали участникам торжества поздравительные телеграммы и даже стихи по поводу закладки Национального театра.

Из русских участников наиболее видную роль на съезде 1868 г. играл один из организаторов предыдущего московского съезда В.И.Ламанский и корреспондент газеты "Московские ведомости" В.Губин. Роль других русских участников встречи (Киселев, И.П.Печаткин, А.П.Наранович) была второстепенной.

Сербов и хорватов представляли на съезде известные руководители хорватской национальной партии и сербской Омладины, поэты и писатели М.Куондичич, И.Суботич, Л.Костич, а также адвокаты и публицисты И.Миленкович, М.Мразович, Н.Крестич, Г.Гершич, мало известный Копач. От лужицких сербов приехал Я.Смолер, от словаков - И.М.Гурбан, от болгар - М.Дринов. Украинцев Галиции представляли "москвофилы" Е.Павлевич, Д.Дедыцкий, С.Качала, закарпатских украинцев (русинов) - А.Добрянский. В роли приглашающей стороны выступали Ф.Л.Ригер, А.Пражак, К.Сладковский, братья Грегры, Э.Вавра, Я.Кучера, А.Чижик. Большинство участников за год

до съезда приняло участие в торжествах в Петербурге и в Москве. Председательствовал на конфиденциальной встрече в Праге К.Сладковский, в то же время уже восторженный русофил, заботившийся о том, чтобы — как он выразился в своем вступительном слове — "не погибла идея славянской взаимности".

При этом Сладковский заявил, что главным предметом переговоров должна быть проблема организации славянского движения. Русские представители предложили свой проект такой организации, разработанный еще к московскому съезду, но тогда не оглашенный. Объединяющим и координирующим органом должен был стать, по их мысли, московский славянский комитет. Взгляды нерусских участников встречи по этому вопросу были различными. Русский проект решительно поддержала часть чешских представителей, особенно такие участники младочешского движения, как Ю.Грегр, превратившийся за короткий срок из восторженного полонофила в не менее восторженного русофила. Последний заявил, в частности, что "посредством этих (славянских. — Г.Х.) комитетов мы должны позаботиться о разработке славянского политического языка и осуществлять славянскую политику". Точку зрения Грегра разделяли Сладковский и Кучера. Участники совещания примыкавшие к старочехам, отнеслись к русскому проекту сдержанно. Ф.Л.Ригер выступал за создание центрального славянского комитета, но считал, что он не должен быть ни политическим; ни литературным, а лишь "духовным объединением". Отвечая Чижаку, который был против предлагаемой централизации, Ригер обратил внимание на возможные трудности осуществления проекта, связанные с отношением к движению правительств славянских стран. Свою окончательную позицию он сформулировал следующим образом: нашей главной задачей должен быть "обмен идеями". В сущности отрицательное отношение к проекту высказали и некоторые младочехи (Чижек, Вавра), считавшие, что славянское сотрудничество может осуществляться только посредством созыва съездов. Несмотря на возражения, русские настаивали на своем проекте. Наранович,

например, недоумевал, кто будет созывать съезды при отсутствии центрального комитета? Губин также отстаивал идею централизации славянских комитетов, предлагая при этом расположить центральный славянский комитет в Москве.

В конце концов после оживленной дискуссии участники встречи пришли к компромиссному решению. Русские отказались от идеи создания центрального комитета в Москве и примирились с тем, что будут учреждаться только местные национальные комитеты, которые назначат по три человека для связи с московским комитетом, сообщив их имена председателю последнего М.П.Погодину. Было подтверждено, что следующий съезд соберется в Белграде. Его подготовкой должны будут заняться местные комитеты. Ведущее положение московского комитета среди будущих национальных комитетов выразилось лишь в том, что просить сербского князя Михаила о согласии на проведение съезда в сербской столице был уполномочен М.П.Погодин. Эта просьба, однако, по всей вероятности, не была выполнена. Во всяком случае ученые не нашли в московских архивах никаких бумаг, свидетельствующих о конкретных действиях, предпринятых на основании решений съезда. В июне 1868 г. князь Михаил стал жертвой покушения; правивший же после его гибели триумvirат регентов вряд ли мог заниматься решением вопроса о съезде.

Переговоры в пражской "Стромовке" в 1868 г. свидетельствовали о противоречиях между представителями австрийских славян и, по выражению В.Жачека, "русскими панславистами". В позиции первых была, по его мнению, немалая доля утилитаризма: австрийские участники съезда стремились пользоваться русской помощью до тех пор, пока им ничем это не угрожало. Наиболее сдержанно вели себя в Праге хорваты — они не хотели мешать проходившим в то время переговорам о соглашении с венграмми. Часть хорватов и сербов возлагала надежды на помощь русских в осуществлении совместной сербско-хорватской югославянской программы. Вместе с тем, им были чужды идеи русских панславистов — по выражению одного из лидеров хорватского национального движения епископа И.Штрос-

смайера, у хорватов славянская идея живет в голове, а не в сердце⁵. С ним сошлся антипод штросмайера из лагеря южновенгерских сербов либерал М.полит-Десанчич, также заявивший, что симпатии сербов к русским имеют свои границы и исчезают, когда Россия становится для них опасной⁶.

Пражские переговоры помогают понять и позицию в отношении России, которую занимали чешские представители, прежде всего старочехи. Последние выступали на встрече также сдержанно, хотя и видели в России единственного возможного защитника чешского народа от опасности германизации. Причина состояла в том, что старочехи надеялись главным образом на русских славянофилов; отношение же к славянам царского правительства они оценивали как платоническое. Не рассчитывая на помощь царизма, старочехи устанавливали контакты с Францией (об этом свидетельствует поездка Ф.Л. Ригера во Францию в 1869 г. и его аудиенция у Наполеона III).

Младочехи, наоборот, несмотря на полонофильское прошлое, с 1868 г. стали восторженными русофилами, пропагандистами русского языка и образованности в Чехии. Один из их представителей К.Сладковский в 1869 г. перешел в православие, другой, Ю.Грегр, связывал с русской помощью будущее чешского народа, поставил на службу этой идее свою газету "Народные листы" и возражал против ориентации Чехии на Францию. Младочешский лагерь не был, однако, единым: Э.Вавра, например, иронизировал по поводу панславистской ориентации некоторых своих младочешских друзей.

Политические итоги совещания в пражской Стромовке были минимальными, однако оно оживило меценатскую активность русских славянских комитетов, причём на этот раз "досталось" и чехам. На специальном совещании, состоявшемся 19 мая, обсуждался вопрос о финансовой помощи русским австрийским славянам. Чехи получили две большие "стипендии" по десяти золотых — для преподавателя русского языка в пражском Политехническом институте Йозефа Коларжа и сотрудника Национального музея Адольфа Патеры. На строительство украинского Национального дома во Львове было обещано выделить сто

золотых. 26 мая пере зворы были тродолжены – там речь шла о представлении помощи украинцам и словакам, причем давались главным образом обещания оказать помощь журналам и образовательным учреждениям. Русская помощь австрийским славянам этим исчерпывалась.

Встречей в 1868 г. окончился период славянских съездов, проходивших при руководящем участии русской стороны. Эти съезды приурочивались к наиболее значительным культурным событиям в славянском мире, которым не могли помешать ни государственные границы, ни какие-либо другие ограничения, поэтому они имели всеславянский характер и их воздействие оказывалось наиболее прочным в области культурных стремлений славянских народов.

Политическое значение съездов было незначительным. Наряду с ними существовали другие, более крупные политические акции, иногда даже революции, направленные на изменение политической и общественной системы и, что было особенно важно с точки зрения несвободных славянских народов, на достижение наиболее полной национальной эмансипации. Эти великие события, – пишет в заключение В.Жачек, – не охватывали, правда, весь славянский мир сразу – реакционный царский режим, на долгое время стабилизировавший ситуацию в России, "охранял" русский народ от их влияния и воздействию их были в большей степени подвержены несвободные славянские народы Австрии, иногда Турции. В результате на новых славянских встречах преобладающей стала более узкая славянская политическая идея вострославизма, превратившаяся на некоторое время, не только в непосредственной связи с политической идеей федерализма, в основу политической программы австрийских славян.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ž a š e k V. Pokusy o slovanský sjezd ro 1867 // Slovanský přehled. Pr., 1968. № 3.
2. Н и к и т и н С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960. С.235 и др.; K i s b a l l St.B. The Poles at the Prague All-Slavic Congress of 1868 // The Polish Review. New York, 1959. Vol. 4. № 1–2; T a n t u M. Kontakty rosyjskich komitetów słowiańskich ze słowianami z

słowianami z Auстро-Więger (1868-1875) // kwartalnik Historyczny. 1964. T. 71. S. 59.

3. Особенно в Центральном государственном историческом архиве в Москве, где помещен архив Московского благотворительного общества, из которого черпали свою информацию как Никитин, так и Танти.

4. Provolání do "Komitetu Narodowego" v Praze : Z pozřetelosti J.V.Friřa v literárním archivu Památníku národního písemnictví v Praze.

5. Korespondencja Jozefa Bohdana Zaleskiego. Sw. IV. Lwów, 1904. S. 20.

6. Н и к и т и н С. А. Славянские комитеты... С.205.

СЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД 1908 Г. В ПРАГЕ
И ЕГО МЕСТО В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ И ПРОГРАММЫ
НЕОСЛАВИЗМА

В современной историографии распространена точка зрения, что на Пражском съезде 1908 г. была предпринята попытка обсудить и принять новую славянскую программу, ориентированную на реализацию идеи славянской общности во всех сферах общественной жизни славянских народов – политике, экономике и культуре на основе буржуазно-демократических лозунгов свободы, равенства и братства¹. Именно в таком ключе пропагандировался съезд лидерами нового славянского движения. В этом контексте весьма красноречиво звучит замечание одного из деятелей Чехословацкой социал-демократической партии Ф.Крейчи, отнюдь не относившегося к сторонникам движения, который видел в неославизме "возвращение старых мечтаний Коллара и Шафарика в новом виде" и полагал, что в данном случае идея славянской взаимности перешла из рук консервативных националистов и романтиков в руки либеральной буржуазии².

Действительно, вопрос о соотношении идеологии неославизма с предшествующими идейными течениями в основу которых была положена идея славянской общности, т.е. о типологии неославизма, дискутировался с момента возникновения движения. Большинство западноевропейских и американских историков рассматривали его как одну из трансформаций панславизма (научная традиция заложена А.Фишелом)³ и, в более широком контексте, как проявление национализма славянских народов⁴. Что касается неославизма в российском варианте, то, по мнению В.А.Дьякова, обобщившего в своей последней работе результаты рудневских исследований, в России "буржуазно-националистический неославизм являлся по своей сути несомненным преемником идеологии левого крыла пореформенного славянофильства"⁵.

Между тем вдохновители не-лавистского движения, в планы которых входила широкая пропаганда его идей⁶, изначально не-

телись отмежевались как от ярых панславистов, так и от славянофилов и притянуть съезду и всему движению буржуазно-демократический характер. Соответствующая трактовка идеи славянской общности в России накануне Пражского съезда внедрялась в средства массовой информации, в массовое сознание под мощным давлением либеральных и буржуазно-демократических представителей западных славян. Однако сделать это оказалось очень непросто⁷.

Дело в том, что в России, в отличие от других центров, где идея съезда была с самого начала в руках либералов, инициативу попытались взять в свои руки правые и традиционалисты, т.е. деятели, не считавшие себя консерваторами и придерживавшиеся скорее умеренно-либеральных взглядов, но находившиеся под сильным влиянием прессы и публицистики и имевшие, как правило, весьма общее представление об истории развития идеи славянской общности, современном положении отдельных славянских народов⁸.

Одним из первых в организаторы съезда предложил себя Совет русского собрания. Выдвинута была идея проведения его в Петербурге весной 1909 г. Особенно настойчив был председатель Совета князь М.К.Шаховской. Обращаясь к А.А.Борзенко, одесскому общественному деятелю, преподавателю гражданского права Новороссийского университета, привлекавшему внимание общественности заявлением о намерении пожертвовать 100 000 руб. на созыв общеславянского съезда в России, он доказывал право на приоритет членом Совета русского собрания в организации подобного мероприятия, писал об этом как о важной услуге Родине⁹.

Весьма симптоматично, что идея съезда оказалась близка людям, "преданным славянскому делу", "политически и общественно активным". Встает вопрос, кто же были эти деятели, почему они быстро и с такой явной заинтересованностью подключились к обсуждению различных проектов созыва славянского съезда. Традиционалисты именовали себя "последователями школы московских и петербургских славянофилов" и, судя по их корреспонденциям, действительно "с душевной скорбью

переживали резкий упадок в панс славянском движении во всем славянском мире, а в России в особенности"¹⁰.

Какие же перспективы открывал для славян? Приходится констатировать, что некоторые деятели этого течения, организационно притом никак не связанные, исходили из чисто практических целей. Встать во главе съезда означало для них возможность получить в свое распоряжение значительные финансовые средства, заявить о себе публично, более активно включиться в политическую борьбу и в результате собрать дополнительное количество голосов на выборах 1907 г. в Государственную Думу¹¹.

Другие исходили из чисто идейных соображений. "Славянская нива" мыслилась ими преимущественно в одном ключе, а именно как "великое дело славянского объединения"¹². Деятели подобного толка были убеждены, что "новые течения, новые движения, учения и перевороты ведут всех славян в противоположную сторону, к их ослаблению, разъединению, порабощению и истреблению"¹³. Комитет по организации съезда должен был стать, по их мнению, "органом панславистов", "организующим центром этого направления"¹⁴.

Практически одновременно с Советом русского собрания в борьбу за лидерство вступило главенство Общества русских патриотов, рассматривавшее общеславянский съезд как мощное пропагандистское средство по "укреплению славянской идеи в славянофильском духе" в России и у других славянских народов. Общество русских патриотов кроме своих лидеров, в первую очередь редактора газеты "Голос русского" П.А.Балашова, видело среди организаторов "грандиозного съезда в Москве" "московских славянофилов" в лице А.Д.Самарина, Д.И.Хомякова и других петербуржцев, как барона А.Г.Штиглиц, А.А.Башмаков¹⁵, других членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Несмотря на общую свою консервативность, некоторые представители общества допускали в новых условиях заманчивость тезиса "наиболее естественной целью объединения на культурно-племенной почве, без преследования целей государст-

венного и церковного единства" ¹⁶.

Идея съезда буквально всколыхнула выходцев из славянских земель, проживавших длительное время в России, особенно тех из них, которые, по выражению автора одного из писем, "приехали сюда экспериментировать и славизм - свой идеал" ¹⁷. Именно их письма в поддержку съезда в ведущие центральные газеты разных направлений, на наш взгляд, создали необходимую атмосферу для формирования общественного мнения в пользу славянского форума. Это позволило, в свою очередь, таким деятелям, как Д. Вергун, редактор славянского отдела в газете "Новое время" (вплоть до 1905 г. - представитель Санкт-петербургского телеграфного агентства в Австро-Венгрии, издатель журнала "Славянский век" в Вене в 1900-1904 гг.), прямо заявить, что "голоса, высказывающиеся против созыва славянского съезда в России до того ничтожны, что дело нужно считать поставленным на верном пути" ¹⁸.

Вплоть до конца декабря 1907 г. неясной оставалась позиция Клуба общественных деятелей в Петербурге (далее КОД). Это вызвало тревогу как российских правых, страстно мечтавших перетянуть КОД на свою сторону, так и зарубежных славянских либералов. И те и другие просто не знали как достойно выйти из создавшегося положения, ибо, при неучастии членов КОД, вне мероприятия оставались наиболее известные политические фигуры России, лидеры Государственной думы и Государственного Совета. Положение осложнилось и тем, что кадеты и "мирообновленцы" в тот момент отказывались от официальных контактов с правыми. В результате практическая работа по созыву съезда действительно могла оказаться в руках традиционалистов, а подобного хода событий не могли допустить лидеры славянских движений, придерживавшиеся не только буржуазно-демократических, но и умеренно-либеральных взглядов. Последние однозначно отвергали в идее славянской общности объединительные (панславянские) тенденции и весьма сдержанно относились даже к культурному панславизму, например в трактовке П.А. Кулаковского, пропаган-

дированшего идею единого литературного языка для славян¹⁹.

Вот почему, согласившись на культурный характер программы съезда, славянские депутаты австрийского рейхсрата (кроме польских его членов, присоединившихся к обсуждению данной проблематики позднее) с самого начала выдвинули на первый план лозунг беспартийности, фактически потребовали, чтобы организация съезда стала делом "всего русского народа", "без прямого и косвенного вмешательства официальных лиц"²⁰. Жесткая позиция политической элиты славянских народов, прежде всего Австрии, оказала заметное влияние и на развитие событий в России, на судьбу съезда. Что же стояло за условием беспартийности, распространялся ли этот принцип на все славянские страны или только на Россию?

Парадоксальность этого требования состоит в том, что ко времени съезда у всех славянских народов, в том числе и в России, уже завершился (или близился к завершению) процесс формирования новой политической структуры общества, возник целый ряд мелкобуржуазных партий, произошли серьезные перемены среди ранее действовавших политических группировок, были официально приняты более или менее развернутые политические программы. В таких условиях соблюдение принципа "беспартийности", впрочем как и "всеобщности", было невозможно. Его выдвигание на первый план следует рассматривать как один из тактических ходов лидеров либерально-славянской буржуазии, взявшей на себя роль идеолога неославянского движения, направленный на то, чтобы ограничить участие "нежелательных" элементов, ослабить давление как справа, так и слева. Выдвигая свое условие, австрийские славянские деятели стремились также активизировать, привлечь на свою сторону КОД, провозгласивший девиз беспартийности. Это был достаточно удачный расчет, ибо, как уже отмечалось, основу Клуба составляла российская политическая элита, участие которой в съезде как раз наиболее отвечало замыслам славянских депутатов австрийского рейхсрата, хорошо представлявшим и организационные, и финансовые, и политические возможности соответствующего круга лиц. Уст-

ранение откровенно правых несколько нейтрализовывало нападки со стороны прессы (особенно венгерской и немецкой), традиционно усматривавшей во всех общеславянских действиях панславистский налет.

В России условие беспартийности съезда было воспринято правыми группировками как "интриги австрийцев". Поэтому Вергун предложил противопоставить позиции австрийских славянских парламентариев мнению специально организованного комитета из русофильски настроенных депутатов Болгарского народного собрания, Сербской и Черногорской скупщины, других общественных деятелей, действовавших в балканском регионе. Именно среди них он полагал найти наиболее естественную и надежную поддержку позиции российских умеренных либералов, именно с их помощью надеялся скорректировать требования славянских лидеров из Австро-Венгрии²¹.

О значении, которое придавалось присоединению к движению либерально настроенных членов КОД публично заявил на первой же встрече со славянскими депутатами рейхсрата В.М. Володимиров, профессор Александровской военно-юридической академии, гласный Санкт-Петербургской Думы. Эта весьма неожиданно появившаяся на славянском небосклоне фигура заняла там особое место. С приездом Володимирова в Вену активизировалась деятельность по созыву в 1908 г. в Праге славянского съезда в память 60-летия Пражского съезда 1848 г., развернутая венским Подготовительным комитетом славянских парламентариев, образованным после обращения к ним А.А. Борзенко²². С этого времени комитет стал координационным центром неославистского движения. В свою очередь славянская политическая элита с удовлетворением констатировала, что дело созыва съезда в России взял в свои руки Клуб общественных деятелей.

Большинство исследователей, в той или иной степени изучавших историю неославистского движения, упоминает о статье В.М. Володимирова "Неославизм и австрославизм", опубликованной в чешской газете "Ден" с послесловием К. Крамаржа, которую последний расценивал как "ясную и точную программу нео-

славизма"²³. Эта статья появилась уже в конце пребывания Володимерова в Австро-Венгрии, после многочисленных встреч и переговоров, которые он там провел²⁴. На первый взгляд кажется, что изложенная в статье концепция явилась результатом переговоров. Однако вновь найденные материалы показывают: многие положения, которые пропагандировал Володимеров в славянских землях, были сформулированы им еще в Москве, перед поездкой за границу. Об этом свидетельствует, в частности, письмо к А.А.Борзенко, написанное Володимеровым 6 января 1908 г.

Автора волновал вопрос — "кому же должно принадлежать право созыва всеславянского съезда". В поисках ответа Володимеров излагает свое понимание целей и специфики славянского движения. Он констатирует, что славянские народы проявляют большой интерес к съезду и полагают, что мысль о нем "пустила прелевые корни" в России. Второй тезис состоит в том, что идея славянской общности в западном славянстве "никогда и не замирала", и 40-летнее молчание, по мнению автора, было вынужденным исключением "по вине российской косности и правительственного недоверия ко всякому общественному почину". "Официальная Россия, — писал Володимеров, — отличалась самомнением, безграничною верою в несомрушимость русской силы", "всегда брезгливо и презрительно отстраняла всякую попытку к моральной или физической поддержке славянами русского дела"²⁵.

В письме была сделана попытка сформулировать цели нового славянского движения. России это движение давало, по мнению Володимерова, возможность использовать "сочувственную среду", способную "укрепить Россию и прямо и косвенно". Причем славянство, "ныне слабое и раздробленное", также не осталось бы в проигрыше, ибо усилиями России и "взаимным единением могло быть в короткий срок поднято на высоту могучего фактора европейской политики"²⁶.

Надо отдать должное автору письма: он надел так же акценты, которые сделали его рассуждения приемлемыми и для российского общественного мнения, и для политических лиде-

ров разных направлений из славянских земель. Все хотели верить, что на предстоящем съезде им суждено "впервые встретиться лицом к лицу с освобожденной и обновленной Россией и впервые же свободно и нелицемерно, но без злоупотребления свободой пересмотреть старые счета, выработать твердые и непреложные начала и основы будущей совместной деятельности, создать общую для всех программу"²⁷. Пока остается неясным, была ли эта концепция плодом размышлений одного Володимерова или результатом дискуссий членов КОД. Однако важно заметить, что о ходе переговоров в Вене незамедлительно ставился в известность председатель КОД М.В.Красовский, а высказанная в письме Володимерова мысль о неполитическом характере съезда впоследствии звучала на всех славянских встречах весной 1908 г. и на Пражском съезде.

Возвращаясь к архиву А.А.Борзенко, необходимо также сказать, что корреспонденции из славянских земель в большинстве своем однотипны, их авторы придерживались весьма умеренных, а порой и консервативных взглядов. Примером может служить письмо адвоката Р.Матоуша из Мораской Остравы, в котором главное внимание уделено обсуждению вопроса о принятии русского языка "за книжный язык всех славян". Было высказано также пожелание направить усилия славянских ученых, писателей и публицистов на то, чтобы "приблизить славянские языки и впоследствии даже соединить их"²⁸. Однако деятели подобного толка, несмотря на свою активность, остались на периферии движения. Во главе его уже прочно стояли политики, представлявшие свои народы в структурах власти и приложившие немало сил, чтобы путем всевозможных компромиссов разработать на многочисленных славянских совещаниях, встречах и консультациях приемлемую для большинства программу²⁹.

Следует обратить внимание на то, что первоначальная идея проведения всеславянского съезда в Петербурге практически не обсуждалась и не приобрела реальных очертаний, ибо сразу же в повестку дня как более актуальное было выдвинуто предложение о созыве съезда в Праге (правда, в ка-

честве "предварительного"). На наш взгляд, это был действительно наиболее приемлемый вариант развития событий — таким образом были созданы условия для суждения русско-польских отношений, с чем не раз публично заявлялось, а, кроме того, российские правые были лишены возможности оказывать прямое воздействие на выработку программы, непосредственно участвовать в организации съезда и в конечном счете пытаться придать ему объединительный (панславистский), то есть абсолютно неприемлемый для западных и южных славян характер.

Материалы фонда А.А.Борзенко показывают, что предложение австрийских славянских политических деятелей о созыве "малых" ("предварительных") съездов, предшествующих всеславянскому, должно было, как писал академик Ф.Е.Корш (член партии 17 Октября, председатель Московского Общества славянской культуры), ограничить влияние последователей "империалистического национализма" и собрать под лозунг "свобода, равенство и братство" сторонников нового политического принципа "интеллектуальной федерации"³⁰.

Думается, что на первом этапе — этапе разработки общей программы неославянского движения — это вполне удалось его организаторам. Участниками многочисленных встреч и переговоров был довольно узкий круг (разумеется, мы не имеем в виду публичные рауты, носившие, можно сказать, демонстративный характер) лиц одного уровня, как уже говорилось, в некотором роде политическая элита славян.

Наиболее сложен вопрос об идеологической стороне неославянизма. При определении его идейной сущности необходимо исходить из того, что это движение формировалось как общеславянская буржуазная программа (с учетом общеполитического, культурного и философского фона эпохи), хотя каждый из участников рассматривал ее как средство достижения в первую очередь собственных политических и экономических целей, зачастую противоречивых даже в рамках отдельных национальных групп. На наш взгляд, точка зрения В.А.Дьякова, что российские неославянисты являлись наследниками левого крыла поро-

форменного славянофильства³¹ правомерна лишь отчасти. Ведь социальная база неославистского движения, крайне неоднородная с самого начала, после Боснийского кризиса стала еще более размытой. Последнее обстоятельство объективно не позволяет с высокой степенью достоверности охарактеризовать социальный облик участников неославистских акций. Далее, в отличие от предшествующих идейно-политических интерпретаций идеи славянской общности, сформировавшихся в России, неославизм и в идейном, и в организационном плане был явлением прежде всего межславянского характера. Идейное оформление новой славянской программы, конкретные черты которой выявились весной 1908 г., взяла на себя чешская буржуазия. При этом в роли идеологов неославизма оказалась довольно большая группа славянских политиков, публицистов, ученых различных политических убеждений, внесших свою лепту в его разработку. Однако эти деятели, как правило, ограничивались выступлениями или комментариями в прессе в связи с происходящими событиями, написанием брошюр и не взяли на себя труд теоретически, фундаментально обосновать идею славянской общности. Более того, эклектичность идейного облика неославизма устраивала его лидеров, ибо целый ряд крупных общественных деятелей и исследователей вполне сознательно не был включен ни в состав официальных делегаций³², ни в организационные комитеты и оказался изолированным в наиболее важные моменты формирования идеологических ориентиров движения.

В свою очередь уже опубликованные в конце XIX или первое десятилетие XX в. работы историков (А.Н.Пыпина, А.А.Киреева, А.Л.Погодина) и философов (В.С.Соловьева, Н.А.Бердяева), на наш взгляд, оказывали на неославистскую идеологию лишь опосредованное влияние, ибо они своей всесторонней критикой доктрины славянофилов, концепций М.П.Погодина, Н.М.Данилевского, К.Н.Леонтьева, расчистили путь для новых идей, создали интеллектуальную атмосферу, в которой стало возможным выступление идеологов неославизма.

Очень простая формула — свобода, равенство и братство —

была тиражирована столько раз, что стала своего рода заклинанием, доминантой в период формирования идеологии неославистского движения. Этот лозунг ужаса по себе являлся как бы антитезой сложившегося в широких общественных кругах стереотипа восприятия славянофильства как течения русской общественной мысли, отстаивавшего особый путь развития славян. Его провозглашение в качестве определяющего принципа позволяло открыть новую страницу в отношениях между славянскими народами, Востоком и Западом в целом. Противопоставление путей национального развития Восточной и Западной Европы, которое было характерно для "левого крыла поздних славянофилов" – либерального течения российской общественной мысли, особенно в смысле политических воззрений, не могло найти понимания и одобрения у политических представителей как западных, так и южных славян, не мыслящих своего будущего вне европейского контекста, активно включившихся в мировую политику как самостоятельные государства, или же все более настойчиво требовавших в рамках парламентской деятельности учитывать их специфические интересы при выработке внешнеполитического курса Австро-Венгрии.

Не была и не могла быть единой и внешнеполитическая концепция неославистского движения. Бесспорно, в ней преобладает ориентация на укрепление отношений зарубежных славян с Россией, то есть интензивно претворяется русофильское начало и явно просматривается антигерманская направленность. Однако ни та, ни другая тенденции не были воплощены в реальной политике, несмотря на сильную пропагандистскую кампанию в прессе. Эта характеристика во многом относится и к русскому неославизму. На его внешнеполитическую мотивацию воздействовали представители различных общественных группировок, в период генезиса – Д.Н.Вергун, после 1907 г. – деятели, которые были ближе к правительственным сферам (В.А.Маклаков, П.Н.Мильков, М.А.Стахович и др.). Однако, как показывают материалы российских и австро-венгерских дипломатических ведомств, они также не ограничились сбором информации и наблюдением за развитием движения,

хотя официально не раз заявлял о своей непричастности к нему. Эти ведомств пытались через дипломатические службы на местах или через своих информаторов (В.Сватковский в Австро-Венгрии и на Балканах, славянские деятели, активно сотрудничавшие с российским и австро-венгерским дипломатическими ведомствами в Софии, Белграде, Вене, Петербурге³³ и т.д.) направить неославистские акции в приемлемое для себя русло.

Явно пассивность продемонстрировали российские участники при разработке, а затем в ходе обсуждения на Пражском съезде важнейшего для зарубежных неославистов проекта организации всеславянской выставки и славянского банка. Попытка отделить сотрудничество славянских народов в сфере культуры и экономики от политических связей, найти новые подходы к решению наболевшего польского вопроса при непосредственном участии славянской политической элиты и на провозглашенных ею началах равноправия не могла стать объединяющим фактором для разрозненных российских группировок "славянолюбов". Российский неославизм не приобрел сколько-нибудь широкого влияния и представлял собой слабое, маловлиятельное и маргинальное течение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н е г т а н К. *Novoslovanství a česká buržoazie* // Kapituly z dějin vzájemných vztahů národů CSR a SSSR. Praha, 1958. Sv. 1; B r a d l e y J.F.N. *Czech Pan-Slavism before the First World War* // Slavonic and East European Review. L., 1961. Vol. 40; B a t o w s k i H. *Neoslavizm i stosunki polsko-rosyjski i polsko-czeskie (1908-1914)* // Z polskich studiów slawistycznych. W-wa, 1968. R. 3. Historia; Н е н а ш е в а З. С. *Неославизм в идеологии и политике чешской буржуазии*. М., 1975 (кандидатская диссертация); Z e i l w. *Der Neoslavismus* // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1975. Vol. 19/2; V y s n ý P. *Neo-slavism and the Czechs, 1898-1914*. Cambridge, 1977; Н е н а ш е в а З. С. *Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.* М., 1984; F e r e n c i G. *Nacionalismus und neoslavismus in Russland vor dem ersten Weltkrieg: Die Leitideologien der Außenpolitik unter der Primat der inneren Verhältnisse* // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1984; Д л я к о в В. А. *Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России*. М., 1993. С.147-188.

2. K r e j č í P. V. Nové Slovanství // Academie. Pr., 1908.

3. I s c h e l A. Der Panславismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart, 1919.

4. Поскольку эта проблема по-прежнему занимает одно из центральных мест в исследованиях, посвященных истории Восточной и Юго-Восточной Европы, не представляется возможным назвать даже важнейшие из них.

5. Дьяков В. А. Славянский вопрос... С. 148.

6. Так, Феранци Гашпар прямо пишет о публицистической фазе, которая охватывала 1905-1907 гг. См.: G a s p a r F. Nationalismus und neoslavismus in Russland vor dem ersten Weltkrieg ... S. 110.

7. Многие стороны организации съезда неославистов в Праге можно раскрыть только используя специальную подборку документов из семейного архива А.А. Борзенко, хранящегося в фондах Одесского областного исторического архива (ООИА. 2.161 Оп.1).

8. Об этом весьма красноречиво свидетельствуют корреспонденции российских авторов в журнал "Славянский век". Подробнее см.: N e n a š e v a Z. S. Ideové zdroje neoslavizmu a časopis Slavianskij Vek // Historický časopis. Pr., 1982. № 4.

9. ООИА. Ф.161. Оп.1. Д.112. л.3.

10. Там же. л.7.

11. Там же. Л.1. Письмо А.С. Шмакова от 30 июня 1907 г.

12. Там же. Ф.161. Оп.1. Д.112. Л.5. Письмо Н.В. Ратибора-Уличного от 15 октября 1907 г.

13. Там же.

14. Там же. л.7 об.

15. Там же. л.9.

16. Славянский век. Вена, 1900. № 2. С.5-9.

17. ООИА. Ф.161. Оп.1. Д.112. л.11.

18. Там же. Л.13. Письмо Д. Вергуна от 25 декабря 1907 г.

19. Кулаковскии П. А. Очерк истории по поводу решения вопроса об едином литературном языке у славян // Методичавский юбилейный сборник. Варшава, 1895.

20. Российский государственный исторический архив (СХИ) (далее РГИА). Ф.400. Оп.1. Д.1007. л.43.

21. ООИА. Ф.161. Оп.1. Д.112. Л.14.

22. С дел рукописей Библиотеки Академии наук Украинской Республики (далее ОН БАН УР). Ф.5. Д.2120. Л.3 об. Л.4.

23. РГИА. Ф.400. Оп.1. Д.1007. Л.47-50; P r o s e v a B r. Kr take a jeho přátel. Pr., 1918 Sv. 2. S. 40.

24. Н е н а š e v a З. С. Идеино-политическая борьба... С.82-83;

РГИА. Ф.851. Оп.1. Д.10. Л.10.

25. ООИА. Ф.161. Оп.1. Д.113. Л.1-9 об. (в деле нет общей нумерации).

26. Там же. Л.2.

27. Там же.

28. Там же. Л. I-4.
29. Ч е н а ш е в а Э. С. Идейно-политическая борьба... С. 80-96.
30. ООИА. Ф. I6I. Оп. I. Д. II3. Л. 32.
31. Д ъ я к о в В. А. Славянский вопрос... С. I52-154.
32. РГИА. Ф. 85I. Оп. I. Д. IO. Л. IO, 4^я об., 44-45, 47; Ч е н а ш е в а Э. С. Идейно-политическая борьба... С. IOI-IO4.
33. Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Politisches Archiv. XL, interna. K. 219-224.

СОТРУДНИЧЕСТВО РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ НЕОСЛАВИСТОВ
И СЛАВЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ НАЧАЛА XX в.

На рубеже XIX–XX вв. возникла идейно–политическая концепция неославизма, возрождавшая на новом этапе идею славянской взаимности. В основе ее лежало стремление славянских народов объединить усилия для отпора германскому и мадьярскому натиску в области экономики, политики, культуры, языка и т.п. Во главе неославистского движения встала буржуазия славянских стран, в новых условиях эпохи империализма борющаяся за свои экономические и политические интересы. Общедемократические лозунги, включенные в программу неославизма, были призваны придать этим интересам характер общенациональный и даже общеславянский.

В развертывании неославистской акции приняли активное участие русские и польские политики, причем как те, так и другие преследовали свои цели. Крайне правое крыло российских либералов вместе с консерваторами были не прочь возродить старые лозунги панславизма, но часть их в новой обстановке шла на соглашение с умеренно–либеральными кругами и готова была отмежеваться от наиболее реакционных положений старых славянофильских концепций – триады "православие–самодержавие–народность", апологии патриархальщины, противопоставления Востока Западу, провозглашения особой миссии славянства. В результате был выдвинут лозунг объединения славян "на культурно–племенной почве, без преследования целей государственного и церковного единства"¹, на началах полной равноправности.

Однако последний принцип упирался в нерешенность национального вопроса в Российской империи, где в неравноправном положении находились все "инородцы", в том числе славянское население Королевства Польского, Украины, Белоруссии. Создание единого славянского фронта было невозможно без участия российских славян, и потому перед неославистами России вставала задача выработки не только внешнеполитической, но

и внутриполитической программы. На одно из первых мест в ней выдвигался польский вопрос.

На решение польского вопроса в рамках неославистского движения рассчитывали прежде всего те польские политики, которые действовали на политической арене Королевства Польского и Российской империи в целом. Их позицию выражало Польское коло — группа польских депутатов Государственной Думы от Национально-демократической партии (эндеции). Эндеки отмечали слабость России на внешнеполитической арене и видели путь ее спасения в "принципиальном изменении" характера и направления развития государства: Россия должна была стать государством не одного господствующего русского народа, но также всех других народов империи, должна была опереться на них, и прежде всего на поляков, в своей славянской политике, заостренной против Германии. В книге "Германия, Россия и польский вопрос" лидер эндеции Р.Дмовский на основе неудачи русификации Королевства Польского доказывал, что "потеря национального существования" грозит польскому народу не со стороны России, а со стороны Германии, и потому долг поляков встать на пути германского могущества, сотрудничая с русским царизмом на ниве "славянской политики без всяких оговорок"².

Еще во II Думе Коло выступило с "мемориалом", где обосновывало польскую автономию необходимостью "оздоровить" русский государственный организм и обезопасить Россию на ее западной границе. В 1907 г. эндеция подтвердила целесообразность славянской акции, и ее печать начала усиленно пропагандировать неославизм, доказывая его отличие от панславизма. В Думе славянский курс нашел выражение в поддержке Колом внешнеполитической линии министра А.И.Извольского, в голосовании за бюджет и новые займы. В то же время польские депутаты вместе с оппозицией голосовали против проекта Амурской железной дороги, видя в нем попытку царизма вылезать в новые авантюры на Дальнем Востоке за счет ослабления активности на Западе, в первую очередь на Балканах³.

Неославянская инициатива эндеков встретила одобрение той

части октябристов и кадетов, которые создали в апреле 1908 г. Общество славянской взаимности. А.Л.Погодин писал о перспективах русско-польского "мира"; "отрезвление" поляков, позволяющее начать "борьбу славян с германизмом", приветствовали А.И.Гучков и Н.А.Хомяков. "Правые" обещали полякам "забыть о прошлом", предоставить Королевству Польскому городское и земское самоуправление, но одновременно требовали доказательств лояльности⁴. Заверения в такой лояльности были вновь даны польскими деятелями в мае 1908 г. во время пребывания в Петербурге славянской делегации во главе с чешским политиком К.Крамаржем. Делегация была озабочена подготовкой к Славянскому съезду и накануне этого акта славянского единения призвала поляков и русских "примириться", причем Крамарж подчеркнул, что "сила поляков в России зависит от мощи Российского государства"⁵. В ответ на этот призыв русские неослабисты обещали стремиться к уничтожению преград на пути культурного и экономического развития польского народа.

В свою очередь, эндеки и "реалисты" (представители польской Партии реальной политики, выступавшей за "утоду" - соглашение с царизмом) продемонстрировали свою лояльность. Член Государственного совета г-р Я.Олизар, говоря о взаимном недоверии, установившемся между поляками и русскими, заявил: "...времена изменились. Поляки искренне желают величия и мощи России, поскольку польский народ может опереться в своем существовании только на могучее русское государство. Самостоятельная Польша в нынешней политической конъюнктуре была бы опасна прежде всего для себя самой. С этим предрассудком о стремлении поляков к независимости нужно покончить". Безосновательными считал он и подозрения насчет стремления поляков колонизировать западные земли. "Поляки являются искренними славянами, - заключал Олизар, - и присоединяются к славянской идее без всяких оговорок". Эту мысль почти дословно повторил Дмовский, чье выступление явилось сенсацией. Указав, что Польша всегда боролась против германизма и лишь временно свернула с верного пути, направив острие борьбы против России, Дмовский подчеркнул: "Восточные территории,

которые ранее главным образом имели значение для Польши ... сегодня уже этого значения не имеют. Внимание нации сосредоточено на Западе. Для меня непонятен вопрос - на каких условиях возможно участие поляков в славянском деле. Для нас славянское дело - наше без условий, без оговорок"⁶.

Свою позицию польские неослависты подтвердили делом: эндак Л. Дымша, наряду с Д.Н.Вергуном, Е.М.Дементьевым и др., входил в комиссию по приему чешских гостей, а затем вместе с генералом В.М.Володимировым повез их в Варшаву. Там они встречались с генерал-губернатором Г.А.Скалоном, гр. Красинским, были на банкете в Клубе землевладельцев, в Русском клубе. На банкетах : приемах вновь говорилось о братании поляков и русских, о государственной мощи России; вновь прозвучали заверения польских "уголовцев", одоббивших план созыва Славянского съезда в Праге⁷. Р.Дмовский еще ранее оговорил условие не проводить съезд на польских землях, а подробности организации согласовывать с председателем польских фракций Государственной Думы и венского рейхсрата. Поэтому дальнейшие переговоры о съезде Володимиров как посланец Общества славянской взаимности вел в Вене и Праге. На обратном пути он заехал в Краков, где нашел поддержку польских консервативных кругов. Правда, галицийские деятели, проводившие политику лоялизма по отношению к монархии Габсбургов, были озабочены тем, чтобы не допустить принятия на съезде антиавстрийских резолюций. Они решили послать в Прагу не официальных делегатов, а представителей от всех партий, главным образом из "профессорских кругов", чтобы тем самым не придавать съезду политического характера.

Такие предложения уже делали на совещании в Вене С.Гломбинский и В.Дзедушицкий, поддерживавшие идею съезда. Р.Сташевский в письме министру Галиции М.Бобжиньскому также подчеркивал, как важна "разумная форма участия, а, следовательно, и выбор лиц в качестве делегатов". Эти вопросы обсуждались с Володимировым, а также на узких совещаниях галицийских консерваторов в течение мая-июня 1908 г. Подав-

ляющее большинство их выступало за участие в съезде, и было решено послать от каждой из пяти галицийских партий по одному человеку. Знаменательно, что кандидатура Дзедушицкого как представителя консервативной партии получила поддержку австрийского МИД, считавшего его участие гарантией того, что "поляки не наделают глупостей". О том, что подготовка консерваторов к Славянскому съезду осуществлялась с ведома Вены и под ее контролем, свидетельствовал и тот факт, что президент Союза славянских журналистов М.Хилиньский перед выездом в Прагу прислал Бобжиньскому для ознакомления текст подготовленной им речи; в ней Хилиньский вспоминал об истории создания Союза: отмечал, что всегда стоял за славянскую солидарность, но на основе равенства, справедливости, законности, уважения индивидуальности каждого народа. Хотя поляки разделены, но они всегда помнят о своем единстве, заявлял Хилиньский. Вместе с тем он утверждал, что каждая часть Польши, в зависимости от условий, должна самостоятельно определять свою политику, чтобы как можно больше получить для себя, а, значит, и для Польши в целом. Автор речи подчеркивал, что самых больших достижений добилась Галиция под скипетром Габсбургов, и клялся в верности Австро-Венгерской монархии⁸.

Предполагалось, что условия участия австрийских славян в неославястском движении согласуют в июле 1908 г. 15 русских, 15 польских и 15 чешских делегатов, а затем в Москве будет согласована программа, и приблизительно через год новый съезд соберется в Петербурге. Пока же галицийские политики отмечали выгоду участия поляков в съезде для интересов польских имущих классов в России, указывая на желательность их сближения с влиятельной российской партией октябристов и завоевания русского общественного мнения⁹. Так же расценивали значение будущего съезда и польские собственники в Королевстве Польском и западных губерниях. 17 июня 1908 г. из Могилева писали, что позиция, занятая депутатами Думы из Королевства и Литвы, выбивает козыри из рук правительства, надеявшегося скомпрометировать поляков

в глазах славянства; она "может благотворно повлиять на направление нашей политики и отношения наших депутатов с их русскими коллегами". В письме отмечалось, что на переговорах в Петербурге славянская делегация во главе с Крамаржем высказывалась о необходимости для России, если она хочет принадлежать общеславянскому делу, создать полякам, находящимся под ее властью, какой-то "модус вивенди". "Поэтому, участвуя в данной акции, — заключал автор письма, имея в виду славянский съезд, — мы можем только выиграть, ущерб же нам не грозит"¹⁰.

Такой ход мыслей отражал мнение значительной части октябристски настроенных по отношению к царизму польских кругов. Об этом свидетельствовал и сам Володимеров, подводя итоги своей поездки: "В Праге, Вене, Кракове хорошо расположены в отношении съезда, но самое лучшее впечатление я вынес из Варшавы. Я виделся с представителями польских партий — реалистами, постемповцами (членами Партии прогресса. — С.Ф.) и национальными демократами, всюду идея сближения с Россией и австрийского съезда нашла благосклонный прием. Он был даже неожиданно благоприятным"¹¹. При этом польские неослависты старались подчеркнуть аполитичность своей позиции и самого неославистского движения; об этом, в частности, говорилось в "Извещении", где "прогрессивная молодежь" заявляла о поддержке съезда¹².

В Пражском съезде, проходившем в середине июля 1908 г., участвовала русская делегация из 23 чел. — один октябрист, один мирнообновленец, три кадета (в том числе В.А.Маклаков и М.Стахович) и 18 крайних националистов (В.А.Бобринский, М.В.Красовский и др.). Поляков представляли 19 делегатов, из них восемь были посланцами Королевства Польского: Э.Балицкий, Я.Стецкий, Я.Свежинский, Р.Дмовский от эндеции, Г.Кониц и В.Лыпацэви от постемповцев, Л.Страшевич и Потоцкий от реалистов. При посредстве К.Крамаржа между русскими и польскими делегатами были организованы тайные переговоры: поляки добивались заявления на съезде о равноправии и свободе культурного развития польской нации в России; по

некоторым сведениям, речь шла и об автономии Королевства, но русские националисты категорически воспротивились этому; они требовали от поляков декларации об уважении интересов "единого русского народа", в том числе "русских" в Галиции. Выступивший на открытии съезда Дмовский заявил, что не связывает русско-польского спора со славянским делом; в последующие дни были представлены польская и русская декларации, а перед закрытием съезда оглашена совместная резолюция, выработанная при участии Крамаржа. В резолюции, зачитанной на двух языках, говорилось: "Славянское соглашение только тогда станет возможно, когда все славянские народы, уравненные в правах и признанные равными, получат свободу развития и удовлетворения своих национальных и культурных потребностей"¹³.

Резолюция обошла молчанием вопрос о необходимости борьбы с реакционными режимами России, Австро-Венгрии и Германии для обеспечения прав народов. В отношении царизма это было видно как по выступлениям Дмовского, выразившего радость в связи с принятием резолюции, так и по речам других делегатов из русской Польши. В свою очередь, галицийские делегаты стояли на позиции прославления монархии Габсбургов, предоставившей полякам Галиции больше уступок и прав, чем в других польских землях. Известный антигерманский акцент прозвучал лишь на банкете после съезда в демонстративном заявлении В.А.Бобринского, предложившего встать в знак солидарности "с братьями в Познани"¹⁴. Но главное направление активности русских националистов было отнюдь не антипрусским. После съезда Бобринский, Володимиров и др. отправились в Краков и Львов, где их радушно принимала польская консервативная общественность. Выступая на приеме в Кракове, Бобринский заявил, что неприязнь между русскими и поляками скоро исчезнет, так как в русской среде все больше тех, кто осознает несправедливость, причиненную польскому народу¹⁵. Взамен русские националисты хотели добиться от галицийских властей "справедливого" отношения к москвофилам. Эта партия объединяла галицийских украинцев, считав-

них себя ветвью русского народа, тяготевших к России и надевавшихся на ее покровительство, в отличие от украинофилов, стоявших на позиции прав самостоятельной украинской национальности. Через одного из галицийских консерваторов — М.Эдзеховского Бобринский вел переговоры с наместником Божиньским, склоняя его к поддержке москвофильского движения и обещая за это добиваться в Думе изменения политики в отношении поляков в России¹⁶. Одновременно шла "торговля" и с эндеками. Видимо, неофициальная договоренность с последними по вопросу о "русских" в Галиции была достигнута, о чем свидетельствовало совместное участие галицийских москвофилов и эндеков в гоголевских юбилейных торжествах в России в 1909 г.¹⁷

Русско-польский сговор на почве неославизма осуждала радикальная польская пресса, преимущественно галицийская¹⁸. С ярых позиций атаковала не славизм, и в том числе русско-польское соглашение на Пражском съезде, российская и польская социал-демократическая печать¹⁹. Однако партнеры по неославистской акции продолжали сотрудничество, по-прежнему надеясь извлечь из него пользу каждый для себя. Когда осенью 1908 — весной 1909 гг. русско-австрийские отношения стали напряженными из-за боснийского кризиса, русские националисты попытались использовать неославизм и обещания внести ^{в Думу} интерпелляцию по вопросу польских школ, чтобы добиться подписи Кола под запросом насчет аннексии Боснии и Герцеговины. Забыть о вековых обаях и объединиться с русскими против немцев призвал поляков А.Д.Погодин²⁰. По свидетельству полицейских властей, реакция польского общества на этот призыв не была единодушной: в то время как часть националистической буржуазии и интеллигенции злорадствовала по поводу военной и дипломатической слабости России, эндеки и постемповцы доказывали необходимость дать отпор пангерманским планам, поддержать Сербию против Австро-Венгрии²¹. Демонстрируя поддержку внешней политики царизма, приветствуя поездку царя в Европу и его переговоры с королем Италии в 1909 г., польские депутаты рассчитывали, что Россия, неза-

висящая от Германии, сближаясь с западными державами и славяниной, должна будет пойти во внутренней политике путем конституционного прогресса и поисков более честного *modus vivendi* с поляками"²². Подтверждение этому они видели, в частности, в итогах Пражского съезда, которые трактовали как поддержку "свободной Польши" "молодой Россией"²³.

Боснийский кризис внес изменения в трактовку эндаками своей славянской политики: если раньше Дмовский делал ставку на империалистические планы и доказывал, что лозунг "Россия для России" умалляет великодержавные стремления паризм, то увидев его военную слабость. он стал делать акцент на значении "славянского" ку са для завоевания симпатий русского общественного мнения. Неославизм отвечал чаяниям не только реакции, но и русской либеральной буржуазии. На страницах либеральных газет находили отклик идеи эндации, а такие деятели, как кн. Е.Н.Трубецкой, требовали привлечь славян для спасения России, "легко и дешево" купить мир и безопасность западных границ, дав Королевству Польскому широкое самоуправление, польскую школу и суд²⁴. Что касается "правых", то для них неославизм поляков имел значение лишь при условии активного противодействия австро-фильским повстанческим планам радикальной части польского общества. Маня польских "угодовцев" обещанием награды за поддержку, они в то же время не торопились его исполнить, уверенные, что и без этого немецкая угроза заставит поляков тянуться к России²⁵.

В начале 1909 г. русская реакция выступила в Думе с антипольским проектом отделения от Королевства Польского Холмской губернии. В результате галицийские поляки (М.Эдзеховский и др.) отказались приехать на заседание Славянского исполнительного комитета в Петербурге в мае 1909 г. Отказались участвовать в нем и некоторые представители от русской Польши (Л.Страшевич и др.). Из польских делегатов Пражского съезда в заседании принял участие один Р.Дмовский. Он возглавил сформированную из эндаков и "реалистов" польскую делегацию, которую встречали В.М.Володямеров, М.В.Красовский

и кн. Г.Е.Дьвов. Наряду с заседаниями Исполкома, 27 мая 1909 г. в Клубе общественных деятелей состоялось собрание славянских делегатов, где обсуждались вопросы оценки славянской ситуации и русско-польских отношений; докладчиками выступали Крамарж и Дмовский; среди польских участников были также Добецкий, Олизар, Монвилл, Свежинский и др.²⁶ К. Крамарж и на этот раз старался способствовать русско-польскому сближению и добился от русских членов Исполкома принятия предложенного чешской делегацией проекта резолюции, в которой подчеркивалась необходимость нормализации русско-польских отношений на основе безусловного признания равных прав всех славянских народов, что давало надежду на удовлетворение даже политических требований поляков в России. Однако на деле резолюция оказалась пустой фразой, так как Бобринский и К⁰ уже не считали русско-польские отношения имеющими значение для славянского дела и отбросили старшую ненужную Пражскую декларацию. Русские националисты заявили, что "справедливость" для польского народа связана со "справедливостью" для "русских" в Галиции, и потребовали согласия поляков на отторжение Холмщины, иначе "здание славянства" будет построено без них. Дмовский, вынужденный маневрировать - критиковать неославизм и выступать с претензиями, тем не менее не решился на разрыв, показав всю глубину падения лакейской политики эндешии. Такое поведение Дмовского, как и сама резолюция, вызвало негодование всей польской прессы²⁷.

Когда спустя год, в мае 1910 г., в Петербурге вновь собрались члены Исполкома, чтобы обсудить вопросы подготовки намеченного на июль Славянского съезда в Софии, польские неослависты заявили, что не могут участвовать в славянских съездах, пока не будут разрешены важные вопросы славянской жизни, но подчеркнули, что "непоколебимо стоят на почве славянской идеи" и не отказываются от работы в русско-польской славянской комиссии. Это означало, что их деятельность в славянской акции не прекращена, а лишь приостановлена. Официально они не приняли участия в петербург-

ских заседаниях, но Дмовский тайно совещался с русскими членами Исполкома. В ответ на претензии Дмовского по поводу ущемления прав польской школы Бобринский потребовал выполнения резолюции Пражского съезда относительно "разрешения спорных вопросов на всем пространстве земель, где культурные интересы русских входят в конфликт с польскими интересами". Формулировка Бобринского почти не отличалась от сказанных тогда же слов П.А.Столыпина, который определяя политику правительства на этом "пространстве", призвал раз и навсегда покончить с польской культурой. Однако и это не заставило польских неославистов окончательно порвать с русскими националистами, демонстративно выехавшими прямо с заседания на Холмщину. Там Бобринский, Гижицкий и др. провозглашали тосты за "единую неделимую Россию", за "Холмскую Русь", за "Червоную Русь"²⁸.

На Славянском съезде в Софии летом 1910 г. польские делегаты не присутствовали, были только наблюдатели-журналисты²⁹. Но эндецкая пресса представляла результат съезда оптимистично: "Славянский съезд в Софии завершился в настроении, которое можно назвать победой полонофильского духа, - вопреки тому направлению, которое хотели сделать господствующим русские националисты под руководством г.Бобринского ... Этот общий результат съезда очень выгоден для поляков. Их отсутствие не только не повредило делу, но, напротив, произвело сильное впечатление и подчеркнуло те оскорбления, какие наносит польскости национализм Бобринских. К тому же демонстрации Стаховича и Погодина в пользу поляков поставили их в совершенно невозможное положение"³⁰.

Опираясь на впечатление, произведенное бойкотированием ими Софийского съезда, и на голоса в пользу поляков, раздававшиеся на нем, польские политики рассчитывали продолжать "торг" с русскими националистами. Возможно, такой "торг" имел место в октябре 1910 г. в Варшаве, куда должен был приехать Бобринский. Об этом свидетельствовали и продолжавшиеся контакты галицийских консерваторов с Бобринским осенью

1910 г. М.Здзеховский по-прежнему полагал, что важно заручиться поддержкой Бобринского, так как он возглавляет партию, "к которой благосклонно правительство". В письме М.Здзеховского от 18 октября 1910 г. со ссылкой на информацию из правительственных кругов России отмечалось: "...сейчас в России создается объединение националистических групп, а за этим стоит Витте. - Вот наверняка в этом объединении Бобринский сыграет роль /.../. Словом, в настоящее время это важнейшая фигура, с которой нужно считаться"³¹.

Характерно, что польские неославы делали главную ставку на заядлых националистов, а не на либералов-кадетов. Последние также были вынуждены отказаться от участия в Софийском съезде, так как увидели, что российская реакция использовала неославизм как "орудие в старых политических целях". Хотя они акцентировали "польские права" как необходимое условие успеха всей неославянской акции³², в глазах польских политиков они являлись более слабыми, а потому и менее желанными партнерами. Польские неославы не понимали, что русские националисты не были серьезно заинтересованы в русско-польском "примирении". Невозможность русско-польского соглашения на базе неославизма еще раз показал конфликт, происшедший на съезде славянских журналистов в Белграде в 1911 г. Во время банкета в городском магистрате хозяева из уважения к полякам отказались от исполнения царского гимна, и в результате русские участники ушли в знак протеста. В связи с этим реакционное "Новое время" писало, что на такие съезды поляков надо пускать только выборочно³³.

Крах славянской политики "уголовцев" с самого начала предсказывали польские рабочие партии³⁴. Реформистские ППС-Фракция и ППСД (галицийская социал-демократия) выступали против неославизма с националистических позиций: готовясь к вооруженному выступлению против России в случае ее войны с Австро-Венгрией, они считали неославизм "вредным для борьбы польского народа за освобождение"³⁵.

С иных позиций критиковали неославизм польские револю-

ционные партии³⁶. Против неославизма постоянно выступал Т.Рехневский на страницах органа ППС-Левицы "Ведза". Партия разоблачала союз националистической польской буржуазии с русской реакцией под прикрытием славянских лозунгов. Большое внимание уделяли вопросу неославизма наиболее видные публицисты СДКПЛ - Р.Люксембург, А.Варский, К.Радек, Э.Ледер, чьи статьи печатала польская и русская социал-демократическая пресса. Международной политике польской буржуазии, стремящейся разрешить польский вопрос в рамках царской России при помощи союза с русской реакцией и подавления русской революции, польская социал-демократия противопоставляла политику международной солидарности и классовой борьбы пролетариата.

Эту оценку неославизма и задач пролетариата по отношению к нему полностью разделяли большевики - союзники СДКПЛ. Их издания "Пролетарий" и "Социал-демократ" призывали противопоставить националистическому лозунгу русской и польской буржуазии "лозунг единства интересов пролетариата Польши и России, лозунг борьбы за автономную Польшу на почве общей демократизации политического строя России". "Автономия Польши и федеративная республика на Балканах, - писал "Социал-демократ", - вот два неразрывные лозунга, исчерпывающие "славянский" вопрос и "славянские" чувства русского пролетариата. Противопоставляя их национализму и славянофильству царизма и буржуазных партий, он воплощает в них международную солидарность пролетариата всех стран"³⁷.

Таким образом, не только буржуазные приверженцы неославизма, но и его непримиримые противники, критиковавшие неославизм с пролетарских позиций, стремились использовать "славянскую" идеологию в политических целях. Естественно, что цели у одних и других были разные, и если буржуазные политики маскировали их более тщательно, опутывая фразеологией о славянском братстве и единении, то представители социалистических течений, наоборот, отталкивались от лозунга славянской взаимности, выпячивая классовые задачи как приоритетные. Однако оба для тех и других оказались при-

эргженность к утопии, ошибка в расчетах, направленных на реализацию иллюзорных идеологических построений. Это обусловило неэффективность политики как опиравшейся на идеологию неославизма, так и основанной на ее отрицании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Славянский век. Вена, 1900. № 3.
2. Kurier Warszawski. 1908. 2.III; D m o w s k i R. Niemcy, Rosja a kwestia polska.. W-wa, 1907.
3. Głos Warszawski. 1908. 14.IV, 23.V; L u k a w s k i Z. Koło Polskie w Rosyjskiej Dumie Państwowej w latach, 1906-1909. Kraków, 1967. S. 146, 151.
4. L u k a w s k i Z. Op. cit. S. 135, 148, 152-153, 161.
5. Przegląd socjaldemokratyczny. 1908. Czerwiec. N 4. S. 278.
6. Ibid. S. 279; Trybuna. 1910. 16.VIII. N 16. S. 2.
7. Przegląd socjaldemokratyczny. 1908. Czerwiec. N 4. S. 280-281; L u k a w s k i Z. Op. cit. S. 152-153.
8. См. письма Стажевского, Яворского, М.Хилинского, I.С удзицкого М.Божиньскому в апреле-июле 1908 г. - Библиотека Jagiellońska (BJ). (Kraków). Wzdział rękopisów. N 091. K. 39-40, 81-82, 94, 114-121; N 8090. K. 40-43.
9. BJ. N 8091. K. 39-40; N 8090. K. 40-43.
10. BJ. N 7989. IV. K. 357.
11. Kurier Warszawski. 1908. 26. V; Залевский К. Неославизм в русской Польше // Современный мир. СПб., 1908. T.9. С.41-42.
12. См.: Przegląd socjaldemokratyczny. 1908. Czerwiec. N 4. S. 284.
13. Przegląd socjaldemokratyczny. 1908. Lipiec. N 5. S. 150; Sztandar. 1909. 30.V. N 22. S. 4-5; L u k a w s k i Z. Op. cit. 154-155; BJ. N 8109. K. 44-45 zwr.
14. BJ. N 8109. K. 44-45.
15. Ibidem; Krytyka. 1909. Styczeń. T. 1. Z. 1. S. 49-50; 1910. Wrzesień. S. 78-79.
16. L u k a w s k i Z. Op. cit. S. 164.
17. Głos. 1909. 26.V; Krytyka. 1909. Styczeń. T. 1. Z. 1. S. 49-50; 1910. Wrzesień. S. 78-79.
18. Krytyka. 1909. Styczeń. T. 1. Z. 1. S. 49-50; 1910. Wrzesień. S. 78-79.
19. Подробнее см.: Ф а л ь к о в и ч С. М. Идеология неославизма и разоблачение ее славянской социал-демократией // X международный съезд славистов: История, культура этнография и фольклор славянских народов. М., 1988. С.11-124; Ф а л ь к о в и ч С. М. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе /1907-1912/. М., 1975. С.134-139.
20. См.: krytyka. 1909. Styczeń. T. 1. Z. 1. S. 49-50; Kurier Zagłębia. (Sobowiewo). 1908. 31. X.

21. Archiwum Głównie Akt Dawnych. Generał-gubernator Warszawski. N 109617. K. 1.
22. CM.: Robotnik (PPS-Lewica). 1909. Wrzesień. N 218; Przegląd socjaldemokratyczny. 1909. Październik. N 16. S. 525.
23. Prawda. 1908. 8.VIII. N 32. S. 386-387.
24. Вестник ППС (революционной фракции). 1908. №7.C.29. Sztandar. 1909. 31.X. N 44.
25. Żukawski Z. Op. cit. S. 161.
26. Głos. 1909. 27, 28.V; Sztandar. 1909. 30.V. N 22. S. 4; 1909. 6.VI. N 23. S. 10-11.
27. Głos Warszawski. 1909. 26, 30.V; Słowo. 1909.1.VI; Głos. 1909. 4.VI; Krytyka. 1909. Grudzień. T. 3. Z. 12. S. 258; Sztandar. 1909. 6.VI. N 23. S. 10-11; Przegląd socjaldemokratyczny. 1909. Lipiec. N 13. S. 296; B a t o w s k i H. Neoslawizm a stosunki polsko-rosyjskie i polsko-czeskie (1908-1914) // 2 polskich studiów slawisty znych. W-wa, 1968. Seria 3. Historia. S. 242-243.
28. Trybuna (SDKPiL). 1910. 2.IV. N 1; 28.V. N9; Robotnik (PPS-frakcja). 1910. 20.III. N 243; Głos. 1910. 26.V, 25.VI.
29. B a t o w s k i H. Op. cit. S. 243.
30. Trybuna. 1910. 23.VII. N 17.
31. BJ. N 8093. K. 117-118.
32. Социал-демократ. Париж, 30.УШ/12.IX 1910. № 15-16.
33. Słowo Polskie (Lwów). 1911. 21.VII.
34. Подробнее см.: Ф а л ь к о в и ч С. М. Идеология...; Ф а л ь к о в и ч С. М. Пролетариат...
35. Sprawozdanie z XI zjazdu PPS (Frakcji Rewolucyjnej). Kraków, 1909. S. 93.
36. См.: Ф а л ь к о в и ч С. М. Идеология...; Ф а л ь к о в и ч С. М. Пролетариат... С.129-139.
37. Социал-демократ. Париж, 30.УШ/12.IX 1910. № 15-16.

СЛАВЯНСКИЙ КОНГРЕСС В БЕЛГРАДЕ В 1946 г.

Первый послевоенный славянский съезд состоялся в Белграде 8-11 декабря 1946 г. В то время это было заметное событие в жизни славянских народов, широко освещавшееся в прессе, включенное в сферу европейской политики. Теперь о нем знают немногие специалисты¹.

Съезд проходил в сложную и противоречивую эпоху. Славянские народы, освобожденные Советской армией от фашистского ига, вновь обрели свой национальный суверенитет. Однако, не успели они оправиться от ужасов мировой войны, как снова стали объектом "высокой" политики великих держав, утратив возможность свободного выбора дальнейших путей национального развития. В ходе борьбы за распределение сфер влияния между двумя идеологическими социосистемами, по тогдашней терминологии - социализма и капитализма, они попали в зону притяжения их освободителя - Советского Союза, который получил важные преимущества при создании вокруг себя блока идеологически близких союзников-сателлитов, идейную базу которого подготавливали активно работавшие в Коминтерне и в странах Восточной Европы коммунисты. Процесс коммунизации славянских стран при активном идеологическом, военно-политическом и экономическом противодействии западных держав не мог проходить в одночасье, быстро и гладко, предстояла серьезная и длительная борьба за всю полноту власти в "странах народной демократии", Югославия, Болгария) или менее (Чехословакия, Польша) продвинутых по пути "советизации". В борьбе за эти страны СССР использовал поэтому разную тактику - не только коммунистические, непонятные многим лозунги, но и традиционные, прочно вошедшие в менталитет славянских народов с XIX в. идеи славянской взаимности².

Отношение к славянской идеологии и идее славянской взаимности в СССР было сложным. "Отрекшись от старого мира", приняв на свое вооружение идеологию пролетарского интернационализма, советское руководство в 20-30-е годы взяло курс

на ликвидацию многочисленных случайных центров дореволюционной России, а также на искоренение всяких проявлений славянской солидарности, которые категорически объявлялись наследием "реакционного царского панславизма"³. Однако с началом второй мировой войны в связи с угрозой нападения фашистской Германии на СССР советские стратеги вынуждены были изменить тактику и в поисках естественных союзников сделали некоторые "классовые" послабления в официальной идеологии. Идея славянской взаимности была отчасти реабилитирована, стали возрождаться центры славистики в университетах, АН СССР⁴. С началом Великой Отечественной войны была даже оказана поддержка "новому славянскому движению", ставшему важным козырем партии в идеологическом обеспечении борьбы с фашизмом.

Уже 10-11 августа 1941 г. по инициативе славянской общественности в Москве был проведен первый всеславянский митинг, имевший большой отклик в стране и за рубежом. На нем учрежден Всеславянский комитет (далее - ВСК), развернувший широкую агитационно-пропагандистскую деятельность (этому служили журнал "Славяне", последующие всеславянские митинги в Москве в апреле 1942 и мае 1943 гг., митинг воинов-славян в феврале 1944 г., радиомитинги, вечера и торжественные заседания, посвященные знаменательным событиям в жизни славянских народов). Работа ВСК проводилась под непосредственным руководством ЦК ВКП(б), ее целью было идеологическое объединение славян в борьбе против фашизма⁵.

По совету ответственного секретаря ВСК полковника В.В. Мочалова, идею созыва славянского съезда еще в конце 1944 г. выдвинул А.С. Щербаков, заведовавший тогда идеологическим отделом ЦК ВКП(б), который указывал, что "славянские народы сыграли огромную роль в этой войне. Война подходит к концу. Фашистская Германия в ближайшие месяцы будет разбита. Надо подумать о новом славянском движении (подчеркнуто нами. - М.Д.) в послевоенный период и все эти вопросы практики, теории и истории перенести на обсуждение

славянского съезда"⁶.

Идея организации славянского съезда нашла живой отклик в славянских странах. За почетное право его созыва на своей территории боролись представители Болгарии и Югославии. В середине февраля 1945 г. Славянский комитет Болгарии предложил созвать славянский конгресс в Софии (под руководством московского ВСК) 3 марта 1945 г., приурочив его ко дню национального праздника освобождения страны. Руководство ВСК отклонило это предложение, полагая, что Болгария, как бывшая союзница Германии, еще должна заслужить это право. В результате в начале марта 1945 г. в Болгарии торжественно был пров ден лишь "Славянский собор" - прообраз будущего славянского конгресса⁷.

Летом 1945 года во время юбилейных торжеств по случаю 220-летия АН СССР было созвано широкое совещание с учеными из всех славянских стран, членами национальных Славянских комитетов (далее СК). Представители Югославии С.Станкович, Е.Неделькович, А.Белич официально выдвинули там план созыва славянского конгресса в Белграде в 1946 г.

В сентябре 1945 г. в Белград впервые съехались представители всех Славянских комитетов, чтобы обсудить предварительную повестку дня и характер будущего форума. Было решено созвать его в Белграде в мае 1946 г., но "международная обстановка не позволила осуществить это решение"⁸. Необходимость созыва славянского конгресса именно в Югославии объяснялась славянской общественности тем, что Югославия - многонациональное государство, доказало дружбу народов, внесло огромный вклад в дело победы, нуждается в поддержке и воссоединении своих народов (словенцы, македонцы), в поддержке против международной реакции, ополчающейся против демократической Югославии⁹. В мае 1946 г. в Белграде вновь собрались руководители СК для создания Подготовительного комитета и обсуждения вопроса о времени созыва конгресса. Он был намечен на конец 1946 г. В задачу подготовительного комитета входило также определить докладчиков и норму представительства от всех славянских стран.

В июле 1946 г. была окончательно названа дата созыва форума - 8 декабря 1946 г. Тогда же Подготовительный комитет утвердил повестку дня и основные докладчики. Предлагались три главные темы для обсуждения: 1) славянские народы в борьбе за мир (югославский министр без портфеля М.Джилас); 2) вклад славянских народов в мировую культуру (академик Б.Д.Греков); 3) организационные вопросы (председатель ВСК А.С.Гундоров). Была определена и согласована норма представительства - 20 делегатов от каждой славянской страны и 3-5 делегатов с совещательным голосом от славянских прогрессивных (подчеркнуто нами. - М.Д.) организаций неславянских стран¹⁰. Провозглашались благородные задачи славянского конгресса: "развитие культурных и политических связей между славянскими народами в целях укрепления демократии в Европе и во всем мире в борьбе с остатками фашизма, также в целях способствования упрочению международного мира и безопасности"¹¹. Однако провозглашенные цели расходились с делами.

В архиве председателя ВСК генерал-лейтенанта А.С.Гундорова (1895-1973) сохранились любопытные документы, свидетельствующие об истинном характере и подоплеке конгресса, подготовке его советской стороной в лучших традициях командно-административной системы. Накануне открытия форума 4 октября 1946 г. состоялось широкое совещание работников советской науки, литературы, искусства и печати. Состав участников был тщательно идеологически отфильтрован и потому здесь о многом говорилось откровенно, в частности, были раскрыты истинные цели конгресса с точки зрения вершителей внешней политики СССР. В докладе ответственного секретаря ВСК В.В.Мочалова особо подчеркивались два момента, которые с точки зрения ЦК ВКП(б) должны были осторожно внедряться в сознание делегатов белградского форума: "Большинство этих организаций (СК. - М.Д.) возглавлены видными общественными деятелями, учеными, которые умом своим поняли, что без Советского Союза (подчеркнуто нами. - М.Д.) не могло быть и речи о новом славянском движении, но они

все же не понимаю того, что славянское движение в данной стране, как глубоко народное, демократическое и гуманное движение, должно быть одним из дополнительных проводников общественно-исторического современного развития. В славянских странах поставлен в повядок дня вопрос о социализме (подчеркнуто нами. - М.Д.). Вот в чем корень вопроса. Разумеется, что это не нравится империалистическим кругам и их агентуре в славянских странах, но это уже другой вопрос. Наша роль в этом не созерцательная, а воинственная, действенная, наступающая"¹².

Далее В.В.Мочалов определил средства, с помощью которых, по мнению ЦК ВКП() и руководства ВСК, можно было направить "новое славянское движение" на истинный путь: "Слабая марксистская подготовка кадров, руководителей славянского движения толкает их зачастую на ложный и опасный путь и не только культурничества, академизма, выяснения спорных вопросов глубокой истории славянства. Этим, разумеется, нужно заниматься, но с определенных и подлинно научных позиций, но речь идет о более серьезном и опасном для нашего дела направлении, это открытый ревизионизм учения Маркса, это выдвигание на передний план нового славянского движения - Чехословакии, а основоположником его - президента Бенеша, наконец, это тенденция огосударствления славянского движения, организация при Совете министров в славянских странах - Министерства по славянским делам, как это намечается в Чехословакии. Наша задача заключается в том, чтобы в осторожной и деликатной форме, но политически направленно, научно обоснованно выступить с позиции единственно верного учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина и разобрать все проблемы современного славянского движения, подвести тем самым славянскую общественность к вопросам поставленным на повестку дня славянским съездом и развернуть перспективу славянского движения..."¹³.

Серьезной критике подверг В.В.Мочалов позицию руководства СК ЧСР, выраженную в выступлении министра по славянским делам ЧСР П.Максы, заместителя председателя чехословац-

кого СК: "Итак это и зое славянство будет, по словам президента Генеша, - выражением двух великих политических идей... Это идея человеколюбия, т.е. вс. народной политической и социальной демократии и идея гуманности. Они являются истинно славянской политикой будущего"¹⁴. По мнению руководства ВСК, согласного, разумеется, с партийными установками, для нового славянского движения неприемлем примат общечеловеческих ценностей, ясно выраженный в идеях Т.Г.Масарика и Э.Бенеша, оно должно руководствоваться исключительно "классовым подходом": "Да, славяне народ мирный, гуманный, человеколюбивый, добрый. Но добры мы высшей мерой, следовательно, под корень должны истребить проявления остатков фашизма во всех видах. В центре внимания - не славянин вообще, а славянин - представитель труда, социальной правды, бесстрашный борец за передовые идеалы общечеловеческого прогресса и культуры"¹⁵.

Подготовка к славянскому конгрессу в СССР проходила под бдительным оком заведующего отделом пропаганды ЦК ВКП(б) М.А.Суслова, которому на согласование и утверждение посылались все проекты постановлений и резолюций, тексты докладов, планы сборников и журналов, списки участников мероприятий и пр. Из документов следует, что план проведения конгресса, разработанный до мелочей, включал в себя подготовку специальных справок о славянских странах, сборников, массовых мероприятий, издание книг и брошюр, организацию лекций, докладов, выставок, посвященных 5-летию ВСК. Над докладом Б.Д.Грекова работал целый аппарат референтов ЦК специалистов ВЛШ. Конечно, все выше названные мероприятия были строго выдержаны в рамках официальной идеологии¹⁶.

Долгая борьба шла по вопросу о кандидатах в делегаты съезда. Первоначально предполагалось членов ВСК послать на конгресс сверхштатно, наполнив делегацию представителями министерств и партаппарата, с декором из "знатных" рабочих и колхозников. Однако, когда на заседаниях Подготовительного комитета была установлена жесткая норма представительства

ва от каждой страны, в состав делегации были включены: председатель ВСК С.Гундоров, ответственный секретарь В.В.Мочалов и члены ВСК поэт М.Ф.Рыльский, академики Н.С.Державин и Б.Д.Греков, ректор Ленинградского университета А.А.Вознесенский, певица Л.П.Александровская, писатели В.В.Вишневский и А.Е.Корнейчук, военачальники Ф.И.Толбухин и С.А.Ковпак, партийные работники П.В.Саевич и Л.С.Баранов, инженер сталелитейного завода А.В.Степанов, председатель облисполкома В.А.Парахневич, митрополит Крутицкий Николай. Помимо членов ВСК были приглашены на съезд в составе делегации герои войны и социалистического труда – мастер цеха Н.С.Карпенко, бригадир колхоза А.Ф.Фесенко, председатель колхоза Ф.П.Трушкевич, секретарь райкома комсомола, партизанка А.В.Пашкевич. При этом было строго согласовано представительство в делегации от РСФСР, Украины и Белоруссии. По разным причинам на съезд не поехали Н.С.Державин, В.В.Вишневский и А.Е.Корнейчук. Таким образом, советскую делегацию представляли на съезде 17 человек¹⁷, не считая обслуживающего персонала.

Торжественное открытие Славянского конгресса состоялось в Белграде 8 декабря 1946 г. Очевидец событий, журналист К.Комаров писал: "В день открытия конгресса – 8 декабря – город имеет праздничный вид. На мачтах, на фонарных столбах, на карнизах домов, в витринах магазинов – флаги славянских государств... У подъезда Коларчева университета, где будут проходить заседания конгресса, делегатов поджидает целая армия корреспондентов... Над столом президиума большие портреты И.В.Сталина, маршала Иосипа Броз Тито, Болеслава Берута, Эдуарда Бенеша, Георгия Димитрова. Председательское место на конгрессе занимают поочередно председатель СК Югославии, профессор Стеван Яковлевич, председатель ВСК, генерал-лейтенант А.С.Гундоров, председатель СК Польши, профессор Мечислав Михалович, председатель СК в Праге Зденек Неудлы, глава болгарской делегации Вилко Червенков и генерал-лейтенант Михайло Апостольский – македонец, герой народно-освободительной борьбы в Югосла-

вия"18.

Гроном оваций было встречено на открытии конгресса появление "любимого героя славянских народов" Иосипа Броз Тито и других руководителей Югославии. Тито, в частности, сказал: "Мы собираемся здесь, чтобы твердо заявить, что славяне никогда больше не будут служить чужим интересам... что никогда больше не повторится та ужасная трагедия, которая обрушилась на славян... Мы, славяне, хотим только мира для того, чтобы спокойно развиваться, полностью посвятить себя нашему строительству и заживлению ран, нанесенных войной, для того, чтобы посвятить себя культурному строительству"¹⁹. К сожалению, слова югославского руководителя, как и многие другие выступления на конгрессе, остались только демагогическими заверениями, не соответствующими реальной политике.

При открытии конгресса под овации зала были зачитаны приветственные телеграммы съезду "лучшего друга славянских народов", генералиссимуса И.В.Сталина, руководителей славянских государств Б.Берута, Э.Бенеша, Г.Димитрова.

С основным докладом по первому пункту повестки дня "Борьба славянских народов за мир и демократию" выступил видный политический и общественный деятель Югославии, член Исполкома ЦК КПЮ Милован Джилас. Его речь содержала главные идеологические постулаты, которые стремилось внедрить в умы славянских политиков советское руководство. Он заявил, что война с фашизмом была выиграна в основном благодаря Советскому Союзу и "кровью славянских народов". Благодаря уже тую в борьбе с врагом, укрепившему силы демократии в славянских странах, и защите СССР от вмешательства западных империалистов, славянским народам почти полностью удалось воспользоваться плодами победы, охранение которых возможно только при крепкой дружбе и тесном сотрудничестве с великой славянской державой - СССР и друг с другом. Это сотрудничество не угрожает ни одному народу, а направлено против реакции в защиту независимости народов, мира и демократии²⁰.

Последнее утверждение было высказано с целью успокоить западное общественное мнение, воспринявшее проведение конгресса как возрождение панславизма под эгидой пришедшей на смену царской России мощной тоталитарной державы — СССР. Об этом неоднократно писалось в западной прессе, дававшей конгрессу негативную оценку²¹.

Доклад М.Джиласа был дополнен докладами делегатов из Польши, Чехословакии, СССР, Болгарии, а также выступлениями представителей славянской диаспоры из США, Южной Америки и Новой Зеландии, которые стремились показать вклад своих народов в борьбу за мир и демократию в левокоминтерновском понимании, утратившемся на конгрессе.

С основным докладом по второму пункту повестки дня "Вклад славянских народов в мировую культуру" выступил академик Б.Д.Греков, в центре внимания которого, естественно, была Россия. Содокладчиками советского академика стали маститые ученые из славянских стран: польский академик М.Михалович, президент сербской АН А.Белич, президент чехословацкой Академии наук и искусств З.Неедлы, болгарский академик Т.Павлов, ректор ЛГУ профессор А.А.Вознесенский, ректор Белградского университета С.Яковлевич и др. Все они, как говорилось в отчете, "в исключительно ярких и содержательных докладах продемонстрировали перед конгрессом бесчисленное количество фактов и положений, свидетельствующих об огромном вкладе каждого из славянских народов в мировую культуру за время их многовекового исторического существования"²². Из докладов следовало, что именно славянам человечество обязано высшими достижениями мировой культуры. Однако главной идеологической доминантой этих докладов стало следующее положение, высказанное А.А.Вознесенским: "Славянская культура, являясь национальной по форме, в то же время является глубоко народной, гуманистической и общечеловеческой по содержанию. Вершиной развития этих ее особенностей и самым крупным вкладом славян в мировую культуру явилось учение Ленина—Сталина, вскрывшее законы развития человеческого общества в современных условиях, давшее наро-

дам самим творить свою историю и открывшее путь к счастью-
вому процветанию всего человечества"²³. Это положение, од-
нако, не было развито в других докладах, зато в выступле-
ниях делегатов-коммунистов Г.Гусака, З.Неедлы и пр. доказы-
валось, что славянам принадлежит заслуга создания высшего
вида демократии - советского демократического устройства об-
щества (?!) - в противовес западным "антинародным" демокра-
тиям, и потому все славянские народы, скинувшие с себя иго
фашизма, должны целенаправленно следовать примеру СССР²⁴.

Третьим в повестке дня стоял вопрос: "Новое славянское
движение и задачи славянских организаций". Докладчик А.С.Гун-
доров подчеркнул, что в основе этого движения, не имевшего
ничего общего ни с бывшим царским панславизмом, ни с велико-
державными шовинистическими устремлениями других славянских
народов, лежит стремление к установлению нерушимой дружбы и
всестороннего сотрудничества славянских народов, которое в
соответствии с интересами демократических народов мира пре-
следует цели искоренения всех остатков и корней фашизма,
противодействия мировой реакции и поджигателям новой войны,
установления крепкого, длительного и демократического мира,
защиты независимого развития всех славянских и других наро-
дов мира. В этом заключаются, по мнению докладчика, общие
политические задачи работы всех национальных славянских ко-
митетов²⁵. Выступление Гундорова было положено в основу тек-
ста обращения к народам мира, в котором декларация о благо-
родных намерениях скрывала истинную подоплеку конгресса.

Для осуществления связи между национальными славянскими
комитетами и другими славянскими организациями, для даль-
нейшего развития политических и культурных связей и для ко-
ординации работы СК в проведении общеславянских мероприятий,
конгресс единодушно решил создать Общеславянский комитет
(далее ОСК), осуществляющий не столько руководство нацио-
нальными СК, сколько координацию их деятельности, что было
истинно демократическим достижением временного устава ОСК.
В состав комитета вошли видные представители интеллигенции
славянских стран, преим. естественно левой ориентации, много

бывших членов ВСК, которые отныне прекратил свое существование, преобразовавшись в Славянский комитет СССР. Председателем ОСК был избран генерал-майор югославской армии Божидар Масларич. От СССР в него вошли А.А.Вознесенский (вице-председатель), А.С.Гундоров, А.Е.Корнейчук, Б.Д.Греков, П.В.Мочалов, Л.П.Александровская, Л.С.Баранов, В.В.Вишневский; от Югославии — С.Яковлевич, В.Влхович, З.Сремец, И.Регент; от Польши: М.Михалович (вице-председатель), Т.Швянтковский, Я.Грубецкий, С.Трояновский, Г.Батовский; от ЧСР: З.Неедлы (вице-председатель), Л.Новомеский, П.Макал, Б.Гавранек, Я.Мартак; от Болгарии: Т.Павлов, Г.Петров, С.Благовева (вице-председатель), В.Лавурджиев, Д.Братанов. Кроме пяти членов от каждой славянской страны в состав ОСК были избраны 15 заместителей (по три от страны)²⁶.

Очевидец событий писал: "В день закрытия 11 декабря на обширной площади Республики и примыкающих к ней улицах собралась добрая половина населения Белграда, чтобы приветствовать делегатов. Люди стояли на площади вплотную друг к другу. школьчики в лихо надвинутых набекрень "титовках", как их здесь называют, — облепили все деревья. На балконах, на окнах домов, на площади и на соседних улицах — везде были люди, молодые и старые, женщины и мужчины, интеллигенция, рабочие и крестьяне. Мы узнали на следующий день из газет, что на митинг пришло двести тысяч человек... Поезд, увозивший делегатов из Белграда, на каждой остановке ожидала торжественная встреча. Буквально все население городов и поселков выходило на железнодорожные станции, повсюду празднично реяли флаги и на разных языках звучали горячие слова приветия"²⁷.

Нельзя не упомянуть, что для делегатов и гостей конгресса была подготовлена в Белграде обширная культурная программа (посещение филармонии, национального театра, антифашистские выставки, возложение венков у памятника Неизвестному солдату на Авале, митинг в Раковице, приемы и пр.), дополненная теплыми встречами в Загребе и Любляне.

После окончания конгресса в каждой стране была развер-

нута широкая агитационная кампания: выступления, доклады, лекции делегатов в столицах и провинции, выступления в прессе, по радио и пр. Об этом ежемесячно сообщал издаваемый ОСК Информационный бюллетень²⁸.

В целом, несмотря на скрытую политическую подоплеку конгресса – идеологическое обоснование создания блока государств с тоталитарными режимами под эгидой СССР – он имел положительное значение, показав пример искренней народной славянской взаимности и сочувствия ее идеям простых людей, чуждых от высокой политики. В целом все участники конгресса могли быть довольны его итогами.

Руководство славянских стран получило поддержку своей политике в выступлениях делегатов конгресса. Для Чехословакии и Польши были особенно важны заверения в справедливости требований этих стран о неизменности их границ с Германией, Югославию единодушно поддержали в ее требованиях возврата Триеста и Юлийской Крайны, Болгарию – в отпоре притязаниям Греции на пограничные македонские земли²⁹.

Советская делегация также выполнила поставленную перед ней ЦК ВКП(б) задачу. В своем отчете руководитель делегации А.С.Гундоров писал, что "конгресс прошел в полном соответствии с планами и намерениями советской делегации", хотя среди 98 делегатов коммунисты не составляли большинства. "У чехов из 20 человек было только 5–6 коммунистов, у поляков отношения тоже такие, у болгар на 50%... Но среди выступавших с основными докладами и содокладами были коммунисты. Всего выступило более 30 человек"³⁰.

Приведем далее отрывок из рукописного отчета А.С.Гундорова, предназначенного, вероятно, для М.А.Суслова, который высвечивает основные идеологические моменты "славянской" политики СССР: "Характерными особенностями конгресса было:

- а) Огромный подъем, с которым он проходил и единодушие, как мало бывает на международных конгрессах с таким разнообразием участников.
- б) Конгресс и особенно поездка по стране где мы видели

сотни тысяч людей, показали, что все: рабочие, крестьяне, интеллигенция отлично понимают, что их независимость, демократические завоевания и все будущее зависят от дружбы с Советским Союзом. Отсюда исходит такая любовь к советскому народу и т. Сталину. Просто обидно, что наш народ недостаточен знает об этом. Все участники съезда стали заядлыми славистами.

Иностранцы, конечно, отлично видят, что эту демонстрацию любви и признательности организуют не ольшечистские агенты. Это должно на них производить огромное впечатление.

в) Конгресс внес большой вклад в дело теоретического обобщения практики нового славянского движения... и открыл перспективы для дальнейшей разработки ряда проблем связи между славянскими народами. Он заставил многих поработать, подумать над этими вопросами. Доклады: Павлова, Неедлы, Михайловича, Белича, Червокова, Швермы (точнее М.Швермовой. - М.Д.), Гусака являются ценнейшим вкладом.

г) Конгресс явился естественным окончанием первого - военного - периода нового славянского движения. В этом периоде было все ясно и просто - боевое единство славянских народов в борьбе против Гитлера. Сейчас дело сложнее, но даны достаточные рекомендации для составления задач и плана работы славянских организаций.

Могут возникнуть сомнения в том, что:

а) Конгресс мало отводил места конкретному разоблачению тех элементов в славянских странах, которые враждебны дружбе с СССР, которые ориентируются на западные капиталистические страны. Такие элементы без сомнения есть, и они остались не вскрыты, не указывалось на них пальцем.

б) Так же не были затронуты критикой существующие течения в области культуры, оставшиеся от довоенного строя в славянских странах. Если у нас сохраняются эшечки Ахматовны, то что же делается там, в этих странах, только что переживших революцию.

Нам казалось, что эти вопросы еще несвоевременно (подчеркнуто нами. - М.Д.) было поднимать на этом конгрессе и

достаточно было следовать народным, общечеловеческим традициям славянской культуры, идущей от богомиллов, гуситов, через Коперника, Крижанича, Ломоносова, Пушкина, Мицкевича, Белинского, Менделеева к Павлову, Горькому, Лечину, Сталину. Потом в процессе дальнейшей работы мы еще встанем перед конкретными задачами разгрома и ликвидации буржуазных пережитков"³¹.

К счастью для ОСК, ему не пришлось "преобразовать" славянскую идеологию на классовых основах, так как межпартийные противоречия ВКП(б) и КПЮ скоро привели к его ликвидации. По этой причине не состоялся и следующий Славянский съезд, который было намечено провести в 1933 г. в Праге в 100-летнюю годовщину съезда 1848 г. И хотя национальные СК в СССР и других странах продолжали свою работу еще ряд лет, они не стали реализаторами "нового славянского движения", истинные цели которого были осуществлены другими политическими средствами. Соответственно и первый послевоенный славянский съезд в Белграде 1946 г. постепенно был предан забвению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Б е л я е в а В. И. Деятельность А.А.Вознесенского во Всеславянском комитете и Славянском комитете СССР // Сов. славяноведение. М., 1973. № 3; К и р и л л о в А. В. Всеславянский комитет // Вопросы истории. М., 1977. № 7; и др.

2. Н е н а ш е в а З. С. Идея славянской общности в современной советской и чехословацкой историографии (Некоторые терминологические и теоретические аспекты) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981; Д љ я к о в В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

3. А к с е н о в а Е. П. "Изгнанное из стен Академии" (Н.С.Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Сов. славяноведение. М., 1990. № 5; Г о р я и н о в А. Н. Славяноведы - жертвы репрессий 1920-1940-х годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Сов. славяноведение. М., 1990. № 2; и др.

4. А к с е н о в а Е. П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Сов. славяноведение. М., 1991. № 5; К а р а с е в В. Г. Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете, 1934-1989. М., 1984; Ц и б е н к о Е.З. Изучение и преподавание славянских литератур в Московском государственном университете (1943-1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987; Г о р я и н о в А. Н.

Ш о с т а к о в и ч Б. С. Славяноведение в Иркутске
(вторая половина 1930-х - 1940-е гг.) и К.А.Копержинский
// Славянская филология. Л., 1988. Вып.6; и др.

5. Левшин Б.В. Советская наука в годы войны. М., 1983.

С.14.

6. Государственный архив Российской Федерации (Москва)
(далее ГАРФ). Ф.6646. Оп.1. Д.95. Л.22.

7. Там же. Ф.Р-9564. Оп.1. Д.45. Л.1,5.

8. Там же. Ф.6646. Оп.1. Д.95. Л.23.

9. Там же. Ф.Р-9564. Оп.1. Д.42. Л.101.

10. Kronika slovanského sjezdu v Bělehradě //Slovanský
přehled. Pr., 1947. N 1-2. S. 60-62.

11. ГАРФ. Ф.6646. Оп.1. Д.95. Л.24.

12. Там же. Л.25.

13. Там же. Л.26.

14. Там же. Л.29-30.

15. Там же. Л.30.

16. Там же. Ф.Р-9564. Оп.1. Д.40. Л.55-63.

17. Там же. Ф.6646. Оп.1. Д.95. Л.21-22; Д.96. Л.10;

Ф.Р-9564. Оп.1. Д.337. Л.3-5.

18. К о м а р о в К. На славянском конгрессе в Бел-
граде // Новое время. М., 1947. № 3. С.21.

19. ГАРФ. Ф.Р-9564. Оп.1. Д.47. Л.14.

20. Там же. Л.15.

21. Там же. Ф.6646. Оп.4. Д.17. Л.53-54.

22. Там же. Ф.Р-9564. Оп.1. Д.47. Л.18.

23. Там же.

24. Там же: Л.19; Ф.6646. Оп.1. Д.93. Л.82,159 и др.

25. Там же. Ф.Р-9564. Оп.1. Д.47. Л.20.

26. Kronika... S. 72.

27. К о м а р о в К. На славянском конгрессе...

С.24.

28. ГАРФ. Ф.6646. Оп.4. Д.17.

29. Там же. Оп.1. Д.93. Л.45,60,74,203,232.

30. Там же. Ф.Р-9564. Оп.1. Д.40. Л.43.

31. Там же. Л.43-44.

СОДЕРЖАНИЕ

	Предисловие	3
Л.П. Лаптева.	Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в.	5
О.А. Хорева.	Славянский съезд 1848 г. в Праге и некоторые проблемы сов- ременного национального развития ...	21
Г.В. Рожина.	Словаки на Славянском съезде 1848 г. в Праге	30
В.А. Дьяков.	Славянофильские тенденции в поль- ской общественной мысли накануне и во время Славянского съезда 1848 г.	40
Е.П. Аксенова.	Славянские съезды 1848 и 1867 гг. в освещении русской демократиче- ской печати	60
Л.П. Лаптева.	Славянский съезд 1867 г. и участие в нем чешской делегации	74
О.Н. Хохлова.	А.А. Майков на Славянском съезде 1867 г.	85
Г.Ю. Харциева.	"Тайный Славянский съезд" 1868 г. в Праге	92
З.С. Ненашева.	Славянский съезд 1908 г. в Праге и его место в формировании идеологии и программы неославизма	99
С.М. Фалькович.	Сотрудничество русских и польских неославистов и славянские съезды начала XX в.	113
М.Ю. Досталь.	Славянский конгресс в Белграде в 1946 г.	126

Славянские
с 1 зды
XIX - XX вв.

Сборник статей

Сборник и оригинал-макет подготовлены к печати
в Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Л.Р. № 090063 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 28.06.94. Формат 60 x 84/16.

Усл. печ. л. 7,5. Тираж 200 экз.

каз №48 Цена договорная

Участок оперативной полиграфии
Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

